

**Татьяна Владимировна
Романкевич (1923-2008)**

**Владимир Анатольевич
Скачиллов (1923-1996)**

УФИМСКАЯ СИРЕНЬ
(Уфа в художественной и мемуарной литературе)

Владимир Скачилов
Татьяна Романкевич

**ЗАПИСКИ УФИМСКИХ
ВРАЧЕЙ**

Уфа 2023 г.

УДК 610(2)+930(2)
ББК 51.1(2)+63.3(2Р36)
С 42

Скачилов В.А. Записки уфимских врачей / Владимир Анатольевич Скачилов, Татьяна Владимировна Романкевич; авт. вступ. ст. и ред.-сост. П.И. Фёдоров. – Уфа: Изд-ль А.А. Словохотов, 2023. – 216 с. : фот. – (Уфимская сирень: Уфа в художественной и мемуарной литературе; вып. 10).

Настоящее издание приурочено к 100-летию со дня рождения известных уфимских врачей и краеведов Владимира Анатольевича Скачилова (1923-1996) и Татьяны Владимировны Романкевич (1923-2008). В книгу вошли их мемуары, стихи, рассказы и воспоминания о них родственников и знакомых.

В приложении помещены фотографии В.А. Скачилова и Т.В. Романкевич, а также сведения об авторах воспоминаний и библиография публикаций В.А. Скачилова и литературы о нём.

*Редколлегия серии: Г.О. Иванова, С.В. Мотин, И.О. Прокофьева,
С.Н. Сабирова, Я.С. Свице, О.С. Тарасенко, П.И. Фёдоров, А.Л. Чечуха,
С.Р. Чураева*

На 1-й странице обложки – фото поликлиники больницы Совета министров БАССР

Хранители уфимских традиций

Уфимские врачи и краеведы – Владимир Анатольевич Скачилов и Татьяна Владимировна Романкевич – были не только яркими представителями первого поколения советской интеллигенции, но и хранителями уфимских традиций. В их гостеприимном доме всегда царил культ книги, высокого профессионализма и добросердечного отношения к людям, независимо от их уровня образования и социального положения. Сына русской крестьянки и дочь профессора объединила любовь к русской и мировой культуре, истории и медицине. Познакомившись в суровые годы Великой Отечественной войны в холодных стенах Башкирского мединститута, они полюбили друг друга и пронесли это чувство через всю свою жизнь. В течение многих лет, работая с людьми, борясь за их здоровье и жизнь, они получили богатейший опыт и знание судеб всех социальных групп советского общества – от простых рабочих и колхозников до высшей партийной номенклатуры и культурной элиты. Обладая литературными способностями, Владимир Анатольевич и Татьяна Владимировна активно участвовали в краеведческом движении, публикуя свои статьи не только в местной, но и в общесоюзной печати.

А ещё их связывало революционное прошлое родителей: отец В. Скачилова в годы гражданской войны был чоновцем, а в 1920-е годы – чекистом, а мать Т. Романкевич принимала активное участие в революционном движении и была соратницей М. Фрунзе. Они сами многие годы искренне верили в то, что строят новое справедливое общество, в котором не будет ни бедных, ни богатых, и эта вера помогала переносить им все жизненные трудности и невзгоды. В последние годы жизни, после распада СССР, они оставались верными идеалам своей юности, хотя и понимали, что прежняя жизнь ушла навсегда. Свои уникальные коллекции картин и книг они стремились сохранить для следующих поколений. Так, одну из наиболее полных уфимских книжных коллекций Ленинианы Татьяна Владимировна пыталась пристроить в местный музей В.И. Ленина. А незадолго до своей смерти Владимир Анатольевич, уже лёжа, диктовал своей супруге подписи к дореволюционным фотографиям и открыткам Уфы, которые затем были переданы в исторический архив. При всей своей преданности коммунистическим идеалам они не бы-

ли слепыми фанатиками и в зрелые годы с уважением относились к людям, исповедующим иную идеологию или веру. В конце жизни они после долгих колебаний приняли православие, поскольку понимали, что это не скоротечная мода, а фундамент отечественной культуры.

Рано лишившись по разным причинам своих родителей-революционеров, они идеализировали их и то дело, за которое они боролись. Эта романтизация была связана ещё и с тем, что они не видели своих утраченных родителей в повседневном быту, в тусклой будничной жизни. По мере взросления и общения с просвещёнными людьми они всё больше тяготели к традициям уфимской трудовой интеллигенции первой четверти XX века. Для них были одинаково близки такие разные уфимские писатели, как столбовой дворянин Михаил Осоргин, разночинец Борис Четвериков, выходец из рабоче-крестьянской семьи Иван Недолин, а также классик башкирской литературы Мажит Гафури. При всей разности эстетических вкусов и идейных установок этих писателей объединяла любовь к своей малой родине, её природе и традиционной городской культуре, яркими представителями которой они являлись. В этих же традициях было и чувство социальной справедливости, унаследованное уфимскими врачами В. Скачиловым и Т. Романкевич. Не случайно, находясь многие годы возле представителей местной элиты, они сохранили в себе чувство собственного достоинства и уважение к простым людям. Не менее важной уфимской традицией была культура согласия, позволяющая совместно жить и сотрудничать представителям различных этносов и религиозных конфессий, успешно воплотившаяся Владимиром Анатольевичем и Татьяной Владимировной в их медицинской практике и повседневной жизни.

Главной уфимской традицией, которой В. Скачилов и Т. Романкевич старались следовать всю свою трудовую жизнь, была самоотверженная работа провинциальных врачей и их участие в борьбе за социальное переустройство общества на более справедливых началах. Характерно, что свою главную книгу «Люди подвига и долга» (1973, 1979) В. Скачилов посвятил медикам Башкирии, принимавшим участие в революционном движении.

В годы перестройки многие уфимские традиции были насильственно прерваны. Особенно болезненно Скачиловы переживали превращение медицины в социальную услугу и перевод её на ком-

мерческие рельсы. Именно в те годы Владимир Анатольевич, чувствуя, что не успеет дописать свои мемуары, начал наговаривать на магнитофон журналистке Светлане Гафуровой наиболее важные воспоминания о своей работе врача в Кармаскалинском районе, в Ново-Александровке и совминовской больнице. Эти магнитофонные записи стали его своеобразным завещанием будущим поколениям уфимских медиков.

Уже после смерти Владимира Анатольевича, благодаря талантливой и кропотливой редакторской работе его супруги Татьяны Владимировны Романкевич, удалось собрать воедино и скомпоновать его собственные тексты, магнитофонные записи, воспоминания о нём его родственников, друзей и коллег по работе, а также восполнить те пробелы, которые были в его мемуарах. В 1998 и 2003 годах воспоминания В. Скачилова «О прожитом, пережитом» вышли двумя изданиями, мгновенно разошедшимися среди его родных, друзей и коллег по работе. В 2023 году, к 100-летию этих замечательных людей, в серии «Уфимская сирень» была подготовлена книга «Записки уфимских врачей», в которую вошли значительные фрагменты из прежних книг В. Скачилова, а также рассказы, стихи и мемуары Т. Романкевич, изданные её родными и близкими в книге «Татьянино детство» (2010).

Ценность мемуаров В. Скачилова и Т. Романкевич состоит в том, что в них в ненавязчивой и доступной форме переданы традиции уфимской городской культуры: любовь к своей малой родине и её природе, приоритет духовного над материальным, стремление к социальной справедливости и культуре согласия различных этносов и конфессий.

Пётр Фёдоров

Владимир СКАЧИЛОВ

Владимир Анатольевич Скачилов (1923-1996) родился 6 июля 1923 года в г. Уфе. В 1947 году по окончании Башкирского государственного медицинского института был направлен главным врачом в Кармаскалинский район Башкирской АССР. В 1951 г. переведен в рабочий поселок Ново-Александровка г. Черниковска на должность начмеда больницы № 4 медсанчасти треста № 21. С 1957 по 1959 гг. работал заместителем заведующего горздравотделом г. Уфы. С 1959 по 1984 гг. – главный врач больницы № 1 Минздрава БАССР. С 1985 по 1996 гг. был преподавателем училища повышения квалификации работников со средним медицинским и фармацевтическим образованием Министерства здравоохранения Башкортостана.

С 1969 года начал заниматься историей здравоохранения Башкортостана, опубликовал ряд статей на эту тему в местных газетах и журнале «Советское здравоохранение». В 1972 году защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Общественно-политическая и революционная деятельность медиков и их влияние на развитие здравоохранения Башкирии (1880-1922)».

Автор книги «Люди подвига и долга» (издания 1973 и 1979 гг.), мемуаров «О прожитом, пережитом» (издания 1998 и 2003 гг.), более 80-ти научных и научно-популярных статей, в том числе предисловий к книге С.Я. Елпатьевского «Воспоминания за пятьдесят лет» (Уфа, 1984) и А.И. Веретенниковой «Записки земского врача» (Уфа, 1979 и 1984). Составитель и один из авторов четырех краеведческих сборников.

Был участником нескольких краеведческих «Бирюковских чтений». В 1980 году ему было присвоено звание лауреата Бирюковской премии. Делегат 1-го и 2-го Всесоюзных съездов историков медицины.

Врачебная деятельность отмечена наградами: орденами «Трудового Красного Знамени» и «Знак почета», медалями, значком «Отличник здравоохранения», Почетной грамотой Президиума Верховного Совета БАССР. Присвоены звания: «Заслуженный врач Башкирской АССР» и «Заслуженный врач РСФСР».

Умер 7 февраля 1996 года, похоронен в г. Уфе.

ДАЛЕКОЕ – БЛИЗКОЕ

«Каждый уходящий из жизни человек уносит с собой целый мир воспоминаний о пережитом и виденном. И часто эти воспоминания, не закрепленные на бумаге, невозвратно теряются для потомства. А между тем свидетельства очевидца могут иметь большую ценность для обрисовки отошедшей в прошлое эпохи и характеристики отдельных личностей».

Н.Я. Чистович

На исходе своего шестидесятилетия я пришел к твердому намерению рассказать своим потомкам о пережитом. Не для печати – для сведения. Ведь я – представитель поколения, на долю которого выпало быть свидетелем и творцом исключительных по своей значимости исторических событий.

Моя жизнь – обычная жизнь советского человека. И в то же время она не совсем обычная. Мое детство прошло в больничных условиях: около семи лет я был прикован к кровати. Жизнь мне в буквальном смысле дала советская власть, причем в трудные годы становления страны Советов. Благодаря ей я получил образование и стал специалистом. Особенность моей жизни также в том, что начало моей врачебной деятельности совпало с послевоенным восстановлением народного хозяйства, в том числе и в области здравоохранения. Мне выпало счастье в качестве врача познакомиться со многими выдающимися людьми своего времени. В трудных условиях работы сельской больницы приходилось попадать в такие экстремальные условия, находить правильные решения для спасения больных, которые ныне представляют лишь историческое значение. Условия работы и жизни современного врача исключают возможность возникновения пережитых мною трудных дней и часов.

Обо всем этом и о многом другом хотелось рассказать будущему поколению. Страх берет – сумею ли, успею ли осуществить свою мечту. Этот страх обусловлен тем, что мне пришлось читать много рукописей представителей предыдущего поколения. Они, как правило, незавершенные, включающие в себя лишь детские и школьные впечатления. А дальше писать было некому: ушел из жизни мемуарист. Страх испытываю я от мысли о том: сумею ли до

конца сделать задуманное, хватит ли сил и времени завершить свои записи?

КОРНИ

В конце 70-х годов прошлого столетия несколько вятских мужиков из-за неплодородия своей земли приехали в Уфимскую губернию и через поземельный крестьянский банк купили у помещика Загорского землю, сплошь покрытую девственным лесом. Построили землянки и приступили к вырубке вековых деревьев, выкорчевыванию пней. По словам моей бабушки (а ей в ту пору было семь лет), лес был такой могучий, такой высокий, что небо виделось лишь с «овчинку». Вскоре за первопроходцами стали прибывать и другие вятчи, жившие под городом Кукаркой. Барин Загорский жил в Петербурге и вряд ли когда бывал в принадлежавших ему угодьях. Поземельный крестьянский банк выплатил ему стоимость земли, а крестьяне обязаны были оплачивать долгосрочный кредит-«ренту» с большими процентами. Лишь через сорок лет, накануне Октябрьской революции, рассчитались с банком вятские мужики. Созданное село назвали по имени хозяина, продавшего землю, Загорским. В начале нынешнего века оно носило название – Загорский починок Иглинской волости Уфимской губернии.

Среди первых поселенцев был Зотик Шустов. У него были две дочери и сын. Старшая, Васса – моя бабушка по материнской линии. Помню ее сестру, когда она была уже старушкой, Марию Зотиковну Шуклину. Она умерла на много лет раньше моей бабушки. Васса Зотиковна умерла в 1952 году на 81-м году жизни. Очень хорошо помню ее брата – Бориса Зотиевича. В детстве от перенесенной оспы он ослеп. В юношеском возрасте, помогая на распиловке леса, ощупью проверяя: много ли осталось пилить, падающим деревом ему раздавило кисть правой руки. Этот калека-старик в годы моего детства был очень злобным, до фанатизма религиозным и при этом страшным матерщинником и озорником. Он по тем временам был достаточно развитым: знал на память не только общепринятые молитвы, но и Псалтирь. Из-за его тяжелой инвалидности он не мог быть приобщен к крестьянскому труду. Поэтому прадед продал принадлежавшую сыну долю земли и отправил его по святым мес-

там. Побывал Борис Зотиевич и на Соловках, и в Новом Афоне. Вернулся в родные края. Подыскали ему в деревне Голумилино невесту. Была она из дебильной семьи с ярко выраженным умственным недоразвитием. Говорят, довольно красивой. Да что слепому красота: все равно не видно. Много родила Катя Борисиха (так звали ее в деревне). В живых остались три сына и две дочери. Лишь старший, Борис Борисович, вышел в люди. В советское время ему, как члену семьи нищего, дали возможность с четырехклассным образованием окончить Башкирский мединститут. А остальные его братья и сестры, так же, как и мать, не знали не только букв, но и обычного счета.

Родители моей бабушки, Шустовы, были очень бедны. Все, что было на Вятке (а было всего ничего), распродали. Часть вырученного ушло на дорожные расходы. Добирались из-под Кукарки до Иглино более месяца. В основном пешком. Остальное ушло на приобретение земли. Физически Зотик Шустов был не из крепких. Сынкалека не помощник. А сделать надо было много: расчистить чащобу, выкорчевать огромнейшие пни, распахать (да не раз!) землю. Земля лесная хоть и плодородная, да сколько в ней всякого сорняка! Чтобы сделать ее хлебродящей, много труда и сил надо было вложить. Поэтому и урожаи у Зотика были хуже, чем у других. И бабушка его отличалась своим убожеством.

Юношей я как-то спросил бабушку:

- Бабонька (так звали ее все внуки), а ты по любви вышла замуж?

Всегда грустные глаза бабушки вдруг стали веселыми, несколько озорными. Поправив платок на голове, она ответила:

- Что ты, милый, какая там у нас любовь! Не знамо нам это чувство было. Вышла замуж я, внучек, за топориче.

- Как за топориче?

- А вот так. Было мне семнадцать лет. Работали на чащобе. Лес кругом был. Землю надо было готовить под посев. Мужики лес валяли, бабы, девки и ребятишки-подростки сучья рубили, в кучи носили, жгли их. Иду это я раз, смотрю – топор лежит. А топориче у него ладное да аккуратное. Спрашиваю у подружек: чей это такой топор? А мне отвечают, что, дескать, топор-то Ваньки Светлакова. Они, Светлаковы-то, приехали позднее нас, уже когда починок построили. Видно, Ивану кто-то сказал, что Васса Шустова топор его

похвалила. А тут скоро и сваты от него пришли. Ох-хо, бедно мы жили у тятеньки. Светлаковы-то жили получше. Вот так и стала я женою Ивана Васильевича Светлакова. Крутой да горячий был он. На работу жадный. Как все вятские, всё умел он: валенки катал, по столярному и плотницкому делу был мастер большой. В пчеловодстве толк знал. Ко мне он хорошо относился. Чего уж Бога гневить напрасно. Нелегкая, ох, нелегкая моя жизнь была: тринадцать ребятишек родила, восемь из них умерло. Самая-то старшая Наталья была, мать твоя. Годика четыре ей было. Оставлю, бывалоча, ее с маленьким. Накажу как жвачку давать, бутылку с молоком оставлю, да сама в поле. Раньше-то как бывало: сегодня родила, вечером бабы в баню тебя сводят, а через день в поле на работу. Нужда заставляла. Да, о чем это я говорила? Ага, вспомнила! Приду с поля в обед. А поле-то не близко от дома. Пока работаешь, вся душа изболится: как там мои робенки? Приду, смотрю: нянька моя, скорчившись на лавке, спит; а вокруг головы новорожденного налито столько молока, что от жары оно всё створожилось. А вокруг тучи мух: и на голове, и на лице маленького. А он, бедный, уже кричать не может, весь синий лежит. Так, в основном, они и умирали от рёву. Летом, бывалоча, только и видно, как в церкву несут маленькие гробики. А в них безгрешные души покидают тела страдальцев и прямо в рай. Это немного и утешало: чем земной ад, уж лучше небесный рай. А всё равно, жалко было. Ох-хо-хо, растравил ты душу мне. Пойдукошь в хлев: овечку вчера бык боднул, прополисную мазь сделаю. Быстро всё заживет. А ты, милый, мать-то свою почитай. Она ведь, бедная, с восьми лет отцу работать помогала. Нелегкая и ей жизнь выпала.

Как сейчас вижу свою бабушку: маленькая, сухонькая, до педантизма аккуратно и чисто одетая в деревенское портяное платье-сарафан и фартук. На голове у нее чепчик (чехлик, как говорила она) и платок, подвязанный под подбородком. Помню и деда. Его я видел последний раз на двенадцатом году своей жизни. Коренастый, крепкий телом, среднего роста. Пышная борода и усы. Помню: в раннем детстве, дед спутает бороду с усами, и мне стоило большого труда в этой дремучей поросли разыскать дедов рот. Потом меня научил дядя Миша пощекотать деда. Дед начинал хохотать, и рот сразу возникал там, где ему положено быть. Восторгу моему не было предела.

В моем представлении дед был символом силы и всемогущества. В летнее время мама отвозила меня в Загорское к деду. Его ярко-желтый пятистенник был на подходе к селу. Ухоженный огород, между гряд ульи. За огородом пруд. Дед следил за чистотой пруда, заботился о размножении рыбы, главным образом, карасей и линей. Любил удить. Правда, это удавалось лишь в праздники или непогоду, когда работать в поле было нельзя. Уху он признавал только приготовленную на берегу. Чистить рыбу никому не давал: считал, что, кроме него, все остальные обязательно раздавят желчь, и уха будет горькой.

Часто вечерами, перед сном (а спали на полатях) нам, детям, рассказывали страшные сказки. В полутемной избе, в мерцающих сумерках от керосиновой лампы, было особенно жутко. Казалось, где-то по двору бродит медведь на липовой ноге или волк. С замирающим сердцем прислушивались к наступающей ночной тишине. И вдруг на всю избу раздавался могучий храп деда. Ну, а раз дед дома, можно никого и ничего не бояться. Дедов храп на нас, детей, действовал как колыбельная песня. И сейчас на меня храп постороннего действует как снотворное.

Семья Светлаковых была большая: три дочери и три сына. Мой дед был старшим сыном. Жили они многие годы вместе со своим отцом Василием Васильевичем, братьями - Петром и Николаем и дедом Василием Ефремовичем. О последнем до сих пор рассказывают легенды. Это был человек необычайной силы. Он пережил своего сына Василия. Перед смертью искренне сожалел, что не пришлось ему встретиться с медведем. Равных по силе ему не было в округе. Обычную пищу он считал баловством. Когда шел ему девятый десяток, он на завтрак съедал каравай хлеба и запивал его жбаном кваса с толокном. Его любимой поговоркой было: «Ягода – трава, рыба – вода, а толоконец – хлеб». У него на ладонях был такой слой трудовых мозолей, что, распарившись в бане, он снимал этот слой ножом. А если кому-то нужен был уголек, он доставал его из печи и не торопясь нес на ладони. По избе шел запах паленого, все ахали и охали, а Василию Ефремовичу было хоть бы что.

Мне хотелось бы рассказать семейную историю о ссоре моего деда с прадедом, приведшей к разделу семьи и отделению Ивана Васильевича. У Ивана Светлакова, кроме двух братьев, были три сестры: Авдотья, Марша и Федосья. Старшая, Авдотья Васильевна, была

выдана замуж за зажиточного иглинского крестьянина Гуляева. По рассказам родни, Гуляевы были людьми гордыми и надменными, особенно к тем, кто беднее их. И к своим сватам Светлаковым относились как к бедным родственникам. На какой-то престольный праздник Иван Васильевич со своим отцом, матерью и женой поехал навестить свою сестру. Их не приняли, объяснив, что к ним приехали «порядочные» люди, быстро выпроводили, даже не дав возможности покормить лошадей. Иван твердо заявил отцу, что после такой встречи ноги его не будет у иглинских Гуляевых. В ответ отец ему сказал:

- Эх, Ванька, Ванька! Ты-то, может, и не поедешь, а у меня ведь там дочь. Куда денешься, ехать снова придется.

Так вот, однажды летом, когда матери моей было 5-6 лет, родители ее были в поле, приехали сват и зять Гуляевы. Для чванливых и гордых гостей настряпали пельменей из крупчатки, а ребятишкам из ржаной муки. Моя мама, как и всякий ребенок, очень любила свою мать и спрятала для нее два пельменя. Когда поздно вечером вернулись с поля Иван и Васса, Наташа рассказала, что приезжали иглинские гости, и для них стряпали крупчаточные пельмени. Потом она достала из-под подушки ржаной пельмень, весь в перьях, и с радостью дала матери. Разгневанный Иван возмутился:

- Как в горло лезло богатым родственничкам, когда дети ели ржаные пельмени!

Начался скандал между сыном и отцом. Дело чуть не дошло до драки. После чего Василий Васильевич сказал своему разгоряченному сыну:

- Ну, что ж, Ванька, раз поднял ты руку на отца – не жить нам вместе! Выделяю тебе скотину и землю на прожитье. А дом строй из рогожни.

(Рогожня – вид крытого сарая, где плели для купцов рогожные кули из мочала). Так и отделился Иван Светлаков, стал создавать свое хозяйство. Произошло это в конце 90-х годов прошлого столетия.

МАТЬ

Мама родилась 8 сентября 1892 года. Росла бойкой, голосистой девчонкой. С завистью смотрела на соседских детей, игравших на улице. Ей же в будние дни предстояло выполнить столько работы, что на игры не оставалось времени. Да и грехом великим считалось в строгой патриархальной семье заниматься баловством в будние дни. В церковно-приходской школе она училась с прилежанием, что отмечала даже строгая матушка (так звали они учительницу). По окончании трехклассной школы она была зачислена в церковный хор. Любовь к пению у нее сохранилась до глубокой старости. В 1910 году ее выдали замуж за Сергея Скочилова. Семья у Скочиловых была большой – три сына с женами и детьми, две дочери. Во главе ее был свекор-самодур Никифор. Старший сын его, Андрей, тоже был строгих нравов, граничивших порою с самодурством. Трудно было Наталье в доме Скочиловых, несмотря на хорошее отношение к ней свекрови, золовок: Марии и Крестины, жены Андрея – Агафьи Терентьевны. Хоть у ее отца и был патриархальный уклад семьи, однако Иван Васильевич отличался даже от сверстников объективностью, справедливостью, пониманием жизни. Он старался, по мере своих сил и возможностей, сделать жизнь своих близких сытой и радостной. Не омрачал он радость других жадностью и скопидомством. Не признавал потребление алкоголя даже в малых дозах, приговаривая при этом: «Выпьешь на копейку, переделаешь на рубль». Никто никогда не слышал от него неприличного слова. Когда входил в гнев, то обычно кричал: «Лешак, лешак тебя побери!». В скочиловской семье работали много, пища была очень скромная. Каждую копейку берегли, чтобы купить лишнюю десятину земли. Свекор Никифор через каждое слово произносил матерщину, не стесняясь ни женщин, которых он ни во что не ставил, ни детей. Каторжный труд и тяжелая семейная атмосфера в значительной степени облегчались для молодой женщины хорошим отношением к ней мужа. Но в 1914 году Сергей Никифорович был призван в армию: началась первая империалистическая война. Через год ушла Наталья к отцу. Все понял умный Иван Васильевич. Без расспросов и упреков принял дочь до лучших времен.

Из редких писем мужа знала Наталья, что командованием были отмечены незаурядные способности Сергея Скочилова. Направили

его на курсы ротных ветеринарных фельдшеров, которые он, несмотря на свое трехклассное образование, кончил с отличием. А тут вскоре пришло от него письмо, в котором он сообщал, что его часть с Западного фронта перебрасывается в Харбин. Затосковала солдатка, хотя и понимала, что Харбин – это не фронтовая обстановка, где каждый день может быть последним в жизни. Однажды возникшая мысль поехать к мужу в Маньчжурию со временем превратилась в твердую убежденность в необходимости этой поездки. Ни разу нигде не бывавшая, лишь издалека видевшая «чугунку» во время посещения иглинского базара, мать решилась совершить невиданно далекий даже по современным понятиям маршрут. Напуганные ее решением, родители пытались отговорить свою дочь, но в конце концов дали свое согласие. Наскребли денег на билет, напекли подорожников, и вот она впервые в поезде, в общем вагоне. Время поездки было около месяца. Съедены последние зачерствевшие подорожники, в мыслях она уже в Харбине. Но... на пограничной станции Маньчжурия оказалось, что билет куплен лишь до этой станции, а до Харбина ехать да ехать. Денег на приобретение билета нет. Подорожники кончились. Положение крайне тяжелое, необычное для молодой крестьянской женщины. И когда отчаяние полностью овладело ею, к ней подошла женщина, бывшая ее спутницей по поездке. Она ехала в Харбин к мужу – ветеринарному врачу полка. Эта, видимо, добрая женщина купила билет для матери. Сергей Никифорович Скочиллов очень удивился приезду своей молодой жены. Через полтора года в России произошла февральская революция, затем Великий Октябрь сверг власть капиталистов и утвердил власть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В середине 1918 года Скочилловы, покинув Маньчжурию, выехали на родину. Через всю Сибирь, охваченную пламенем гражданской войны, проделали многодневный путь до Загорского. Но и здесь было неспокойно. Сергей Никифорович был недолго дома. С приходом красных он ушел ротным ветеринарным фельдшером, чтобы отстаивать завоевания советской власти. В начале 1920 года Наталья Ивановна Скочилова получила извещение о том, что Скочиллов Сергей Никифорович пал смертью храбрых на врангелевском фронте. Неутешно было горе ее. Дома оставаться не могла и навсегда уехала из родного Загорского, поселившись в Уфе. Добрые люди помогли ей устроиться прачкой в совпартшколе.

Мне трудно писать о своей матери: не хватает словарного запаса, чтобы объективно о ней рассказать. Не только меня, но и всех знающих поражали ее мудрость, общительность, прямота в суждениях и властность. Последнюю черту ощущала вся многочисленная моя родня. Ее любимый и единственный брат, дядя Миша, до конца жизни проживший в Загорском, называл ее «старшиной». И это слово произносилось уважительно. Оно определяло и старшинство ее по возрасту, ее распорядительность, умение дать правильный совет, рекомендовать оптимальные взаимоотношения в конфликтных ситуациях. В родне ее звали «Лёлей». Так в раннем детстве называли прежде своих крестных. Слово ее для родни было законом. И как же было ее не уважать? Не имея профессии, в трудные годы становления страны она работала прачкой, уборщицей, грузчиком, кладовщиком и даже продавцом (правда, в последней должности очень недолго – помешали честность и уважение к людям). В 40 лет, с образованием в три класса церковно-приходской школы, поступила в 1931 году в Уфимский дошкольный техникум и окончила его. Последние 15 лет своей трудовой деятельности она посвятила 49-й средней железнодорожной школе, где работала завхозом. Пробиваясь самостоятельно в жизни, имея на руках больного ребенка, она приобрела богатый жизненный опыт. Меня она всегда поражала почти безошибочной характеристикой людей при кратковременном общении с ними.

ОТЕЦ

В феврале 1963 года, в годовщину моего сорокалетия, я получил письмо из Москвы. Содержание письма было следующее: «Уважаемый Владимир Анатольевич, если Вашу мать зовут Наталией Ивановной, сообщите, пожалуйста, о ее здоровье, жизни. А. Тарасов». Это письмо вызвало во мне и чувство душевной горечи, и подспудное ощущение радости. Оно было от моего отца – Анатолия Андриановича Тарасова. Вначале я решил скрыть от своих близких это письмо и не отвечать на него. «Как же так,- думал я, - до сорока лет отец не интересовался ни мной, ни моей матерью. И вот теперь, когда я, врач, возглавил правительственную больницу, вызвал интерес у него». Я понимал, что интерес к здоровью матери – своего ро-

да ширма, что главное – это интерес ко мне, к моей семье. В общем, муторно было на душе. И в то же время я был возбужден чувством, близким состоянию гордости или радости, что наконец-то и у меня появился отец. И как всегда в трудную минуту жизни, я пошел за советом к маме. Ей было в то время 70 лет. Направляясь к ней, я вспомнил, как в далеком безрадостном моем детстве, когда мы переехали в нашу квартиру, к нам приходил дядя Толя. Чаще всего с ночевьем. Относился он ко мне сдержанно-внимательно. Помню, как обещал он мне кожаную шапку. Но так и не принес. А потом визиты его прекратились. Тетя Поля, жившая с нами, мне сказала, что он никакой не дядя Толя, а мой отец. Меня это поразило. Ну, а дальше... А дальше, у всех были отцы, у меня его никогда не было. Правда, в 1944 году, когда мы жили в другом доме, но в этом же дворе, когда я был студентом второго курса мединститута, вечером пришел ОН. Я его сразу узнал по фотографии, которую бережно хранила мама. Он был у нас всю ночь. И всю ночь мы с ним проговорили. Я узнал, что он парнишкой был в красных партизанах, затем был в ЧОНе, а потом в ГПУ. В конце 20-х годов работал начальником уфимской тюрьмы, где познакомился со своей женой Ксенией Федоровной, работавшей там же. В начале 30-х годов, по окончании краткосрочных юридических курсов, он был направлен прокурором в город Дербент Дагестанской АССР, а затем в той же должности в Махачкалу. Имея отягощенное алкогольное наследство, одно время сильно пристрастился к вину. И как он мне тогда сказал, что только боязнь потерять партийный билет вернула его к нормальной жизни. Да и товарищи помогли. В 1943 году его перевели в Москву, где он работал заместителем заведующего в Прокуратуре РСФСР. В Уфу в тот раз он приехал с ревизией Прокуратуры Башкирской АССР. Обещал обязательно зайти. Оставил номер телефона. Я раза три звонил, он обещал, но так и не пришел. В 1947 году по окончании Башкирского медицинского института нас с женой направили в разные сельские районы. Меня – на север Башкирии, Таню – на юг. Все попытки исправить дикую несправедливость, кроме траты нервов, ни к чему не привели. И я тогда написал отцу, послав копию брачного свидетельства. И получил... официальный ответ с рекомендацией выехать по месту назначения.

Все это мне припомнилось, когда я шел к матери с письмом отца. Я высказал ей свое решение – не отвечать ему. И моя мудрая мама, не оспаривая впрямую мое мнение, сказала следующее:

- Выслушай меня внимательно, сынок, не перебивай. Давно я хотела с тобой на эту тему поговорить. Слишком щекотливая она. Все не решалась. Но коли уж ты пришел ко мне, расскажу все. С Анатолием я познакомилась в голодном 1922 году. Ему было 19 лет, мне – 30. При жизни с первым мужем у меня беременности не было. Я твоему отцу бесконечно благодарна за запоздалое чувство материнства. Ты врач, поймешь меня правильно. Я сегодня не только мать, но и бабушка. Старость моя не одинокая: я окружена любовью моих близких. Не суди его строго. Он рос в очень тяжелых условиях. В 13 лет остался без матери. Отец был запойный пьяница, хоть и хороший мастер. Когда ты заболел, я сама предложила ему уйти от нас, создать свою собственную жизнь. Убедила его. Слишком большая разница была у нас в возрасте. Правда, он женился на Ксении Федоровне, которая старше его на 7 лет. Но это его дело. Мне было очень трудно и материально, и морально, одной ставить тебя, больного, на ноги. Следовательно, я должна иметь обиду на твоего отца. Ты же у меня никогда не был голодным даже в самые трудные годы. Одет ты был не хуже, чем твои товарищи из обеспеченных семей. Более того, я старалась чем-то скрасить твой физический недостаток. Отрывала от себя, чтобы лучше одеть тебя, чтобы купить тебе в те годы очень дорогие и дефицитные фотоаппарат и карманные часы, которые не имели твои друзья. И несмотря на это, я сохранила чувство благодарности к твоему отцу, никогда не испытывала к нему обиды. Не каждому дано иметь хорошего отца. Ты радуйся, что у тебя появился отец, твой родной отец. Ты же врач, по своему характеру и в силу своей профессии несешь людям, сплошь и рядом незнакомым или малознакомым, добро. Так сделай же доброе дело своему родному отцу: настрой себя на хорошее письмо и ответь ему. Может, он болен. Может, это единственный шанс увидеть его живым. Если не сделаешь этого, всю жизнь тебя будет мучить совесть за то, что оттолкнул своего родного отца.

Потрясенный рассказом и словами своей матери, целую неделю я ходил сам не свой. И наконец решил сделать так, как рекомендовала мама. И вновь сомнения. Вспомнил прежний рассказ матери о том, как после моего рождения отвернулся от нее мой дед. Челю-

век старых взглядов, патриархального уклада семьи, он никак не мог смириться с тем, что его старшая дочь Талька (так звал он ее) родила без мужа ребенка. Да и положение ее было незавидным: ей некуда было идти из роддома. Спасибо, приютила ее портниха Татьяна Евграфовна Бурикова, дружбу с которой мать берегла всю жизнь. Как рассказывала мне, уже взрослому человеку, тетя Таня, однажды зимой к ней в комнату заявился мой дед Иван Васильевич. Не раздеваясь, в тулупе и в башлыке он прошел к детской кроватке взглянуть на своего незаконнорожденного внука. Было мне тогда 5 или 6 месяцев. Когда он склонил ко мне свою бородатую физиономию, я стал, закатываясь от смеха, ловить его бороду. Татьяна Евграфовна, напуганная суровым и неприветливым видом деда, вдруг услышала мощный хохот старика и залиvistый звонкий смех ребенка. И не успела она глазом моргнуть, как дед схватил меня, быстро одел, собрал кое-какую одежку, засунул меня под свой тулуп да и был таков. С тех пор до самой моей болезни я жил у деда в Загорском. А бедная мать, замученная непосильной работой, каждый выходной, доехав поездом до станции Иглино, шла пешком около 20-ти километров, чтобы побыть несколько часов с сыном и в этот же день вернуться в Уфу. Тогда не было автобусного сообщения, и лишь два поезда останавливались в Иглино на одну минуту. Достать на них билеты было практически невозможно. Опаздывать на работу нельзя – сразу уволят. Биржа труда была переполнена безработными.

Было над чем задуматься мне, прежде чем решиться сесть за письмо отцу. Не испытывая никакого желания отвечать ему, я все же уступил маминой просьбе и написал хорошее, подробное письмо о маме, о жене Тане, о дочке своей Сусанночке и сынуле Мише. Прошло более 20-ти лет с того дня, а память хранит эти события так отчетливо, как будто все это было только вчера. В ответ на мое письмо посыпались буквально через каждые два дня письма от отца, настороженно-учтивые, порою содержащие откровенную тоску об утерянном и пока окончательно не найденном сыне. Через месяц я получил письмо от сестры Риммы, о существовании которой я не знал. В своем письме она сообщала о тяжелом состоянии отца, торопила на свидание с ним, выражая тревогу, что я могу опоздать. Одновременно с этим сообщением сестра выражала радость о найденном брате, что у нее нет никого из близких, кроме отца и матери. Кстати, мы и сегодня поддерживаем с Риммой родственные взаимо-

отношения. С ней и ее дочерью Ириной. Римма не получила образования и работала до самой пенсии оператором на машинно-счетной станции. Она была у меня в Уфе, бываю и я у нее в Москве.

После тревожного сообщения сестры я вылетел в Москву. Не буду описывать всех нюансов нашей встречи. Все было значительно сложнее и проще, чем казалось мне дома. Жил он на Садово-Кудринской в коммунальной квартире, занимая комнату площадью не более 15-ти квадратных метров.

На этом месте рукопись В.А. Скачилова обрывается. К рассказанному им следует добавить, что после встречи с сыном А.А. Тарасов прожил недолго и умер в 1964(?) году. Наталья Ивановна дожила до глубокой старости и умерла в семье сына в 1980 году в возрасте 87 лет. Через много лет после смерти своего отца Владимир Анатольевич получил письмо от его сестры Клавдии Андриановны Казанник, содержащее сведения о родителях Анатолия Андриановича Тарасова.

ИЗ ПИСЬМА К.А. КАЗАННИК В.А. СКАЧИЛОВУ

16 сентября 1982 г. г. Комсомольск-на-Амуре

(...) Отец, очень скромный человек, почти никогда не рассказывал о своей очень тяжелой жизни в молодости, ссылке в Сибирь на вечную каторгу. (...) Он служил моряком во флоте. На корабле была жестокая военная дисциплина. Однажды отец Андриан Патрикеевич Тарасов со своим дружкой шли по улице во Владивостоке и на свою беду не успели отдать «честь» офицеру со своего корабля (немец, злой, жестокий). Он шел со своей «дамой». Офицер подошел к себе обоих матросов (отца и его друга) и в присутствии ее он их так избил сильно. Они его толкнули или ударили, он упал. Они убежали в темноте. Он не видел куда. Но у друга его упала бескозырка, и ее взял офицер. Вскоре был им суд-трибунал. Их приговорили к повешению, но какой-то царский был праздник, и им заменили смертную казнь вечной ссылкой в Сибирь на каторгу в рудники. Прикованные к тачке, они работали под землей около десяти лет. Не выдержав тяжелейших условий работы на рудниках, его друг покончил с собой (он повесился). Отец дал клятву – отомстить

этому офицеру-немицу. Ему помогли сбежать с рудников. Он долго скитался по Сибири, добрался до Владивостока, нашел, выследил офицера и кинжалом, с которым никогда не расставался, убил его несколькими ударами, и снова вернулся на каторгу. Он ведь дал слово тайное старосте своей группы ссыльных. Очень долго добирался обратно. У отца был очень сильный характер и исключительные способности. Он умел, кажется, все делать: обувь чинить, дома строить, печи класть и все по хозяйству делать. А характер замкнутый, скрытный. Это ссылка и невероятные, тяжелейшие условия каторги сделали его таким. Мама – Мария Ивановна Горюнова, дочь писаря сельского, 16 лет, поехала в Сибирь на свидание к своим двум теткам, сосланным на вечное поселение за религиозные убеждения (целая группа из Уфы). Фанатики-верующие, секта «Белые Голуби». Их сестра Анна Анисимовна Козлова, бабушка моя, мать моей мамы, у которой я воспитывалась с Анатолием и Лидией. Мама с отцом встретилась в ссылке, вышла замуж. К тому времени ему разрешили жить не в казарме в остроге, а в казарме (...) с вольным хождением. В 1903 г. летом родился Анатолий (...). Мама уехала с ним сразу в Уфу, к бабушке. Вскоре отец вызвал ее к себе, она вернулась к нему. Мама заболела там – простудилась, вернулась в Уфу осенью 1904 г. Я родилась в Уфе 5XII-1904 г. Мама с Анатолием уехала опять к отцу. Через три года Анатолия крестили в городском соборе. В записи метрической сделано – родился от отца – ссыльного поселенца Тарасова А.П. – и матери М.И. Лидия родилась в 1907 году в марте. Крестили в гор. Семипалатинске. Отца, вернее, всю группу их из рудника в другой рудник переводили. Я хорошо помню места, где он работал – Бодайбо, Минусинск (...). Мама умерла в январе 1915 г. 29 лет. Ей было сорок дней, поминали, и вдруг входит отец. Слышит – за дверью упокойную поют. Он говорит: сердце оборвалось. Открыл дверь, говорит: «Маруся умерла?». И так заплакал и не вернулся в Сибирь, откуда убежал. Скрывался до Октябрьской революции. После работал тележно-санным мастером. Женился в 1920 году. Работал кустарным мастером в обозе и на сенном базаре. Умер (повесился) в 1929 г. (...)

ДЕТСТВО

Родился я 6 июля 1923 года в городе Уфе. Самые ранние воспоминания связаны с жизнью в деревне Загорское Иглинского района. Мать жила в Уфе, работала прачкой в совпартшколе, а я – у деда на хуторе. Помню, мне было три года, я стоял на подмостках у пруда, а в десяти метрах от меня мужики чинили плотину. Прорвавшаяся вода с шумом изливалась через запруду. Мужики подвозили навоз и глину для задела прорыва. Стоял шум от воды и громких пререканий работающих. На меня никто не обращал внимания. Вглядываясь в глубину воды, я увидел рыбу. Мне захотелось ее поймать. Я наклонился и, не удержавшись, свалился в пруд. Помню, что рыбы я не увидел, но с удовольствием начал заглатывать, как бы пить, воду. Спас меня пастух Федя, который стоял на косогоре и видел мою «рыбалку». Помню, как я шел домой и страшно боялся, что бабушка будет меня ругать за измоченную рубашку, которую мне впервые надели в этот день. Позднее мама рассказывала, какой переполох вызвало это событие. Данное воспоминание мне всю жизнь было дорого тем, что это было единственное детское впечатление, в котором я помнил себя здоровым.

В три с половиной года я заболел туберкулезом левого тазобедренного сустава и на всю жизнь остался инвалидом. Первым моим врачом была прасолиха Мария, к которой возили меня для вправления «вывиха». Помню холодный обеденный стол, на котором я лежал без штанишек, и как больно было мне от манипуляций безграмотной старухи. С этого дня начались мучительные ночные боли в ноге. Мама перевезла меня к себе в Уфу. Жили мы тогда на квартире ломового извозчика Евсея Веденеевича Барышникова по улице Революционной, 17. Одну из трех комнат он сдавал семейным квартирантам, в другой жил сам с женой тремя дочерьми, а в третьей, столовой, был сдан угол нам с мамой. В этом углу стояла узкая железная кровать с деревянными досками. Маму я почти не видел: с раннего утра до поздней ночи она работала. Был период нэпа, были биржи труда. Знаю, что она работала уборщицей в школе повышенного типа, а по вечерам мыла полы в пивной нэпмана Слободина. Из-за болезни я не ходил. Чтобы я не упал с кровати, с утра мама стелила мне постель под кроватью. Целый день передо мной были доски с сучками, которые до пестроты в глазах я вынужден был рас-

смаatrивать. Утром и в обед семья Барышниковых собиралась за столом. Садили и меня с собой. Чаще всего ели гороховый кисель. В большое блюдо хозяйка, Анна Васильевна, клала гороховой муки и из большого самовара, стоявшего на столе, заваривала ее кипятком. А затем все из этого блюда деревянными ложками поедали это вариво. Надо сказать, что хозяйка к нам относилась доброжелательно, но время было трудное, забот у нее много, и чаще всего ей было просто не до меня. Ее младшая дочь, Маруся, была старше меня лет на семь. Нечистая на руку, озорница, ко мне она относилась очень заботливо. В летние погожие дни, сама ребенок, она организовывала подруг, и волоком через всю квартиру они тащили ящик с подстилкой, в котором коротал я дни под кроватью, и выносили меня во двор. Это были хоть и редкие, но самые счастливые мои дни. Двор был заросшим травой, и я рукой водил по травке, вдыхал свежий воздух и грелся на солнышке. У меня не было обид, когда Маруся вместе с подружками, забыв обо мне, убегали со двора. Было мне тогда неполных пять лет.

Не знаю, как удавалось матери сводить концы с концами. Ночные мучения и страдания больного ребенка побудили ее свозить меня в Тулу к какому-то известному травнику, а затем в Ташкент. Первым установил правильный диагноз и то, когда согнуло больную ногу, известный уфимский врач Григорий Васильевич Голубцов. А лечил меня доктор Мраморнов. Он день принимал в амбулатории 1-ой советской больницы, день – в нижегородской амбулатории. Лечение заключалось в том, что мне в ягодичу вводили какую-то эмульсию, следы от которой до сих пор видны на рентгенограммах. Это были невыносимо болезненные уколы. Я до сих пор испытываю страх от инъекций в ягодичную область, спокойно перенося их в любую другую часть тела, в том числе и внутривенные. Уколы делали раз в сутки. По словам мамы, мне было сделано их свыше 350. Инъекции производили через день. Иными словами, в течение двух лет мама зимою на санках, а летом, подвязав полотенцем 5-6-летнего ребенка, носила меня за многие километры от дома. Особенно тяжело ей, бедной, было подниматься из Нижегородки в гору. До сих пор с душевной болью вспоминаю осуждающие взгляды встречных в мой адрес. Лишь позднее по-настоящему понял я всю глубину материнского подвига, ее чашу страданий. Она была в те годы сильная, довольно молодая. Многие лестные предложения супружества, осво-

бодившие бы ее от материальной зависимости, отвергла она ради спасения своего больного ребенка.

К концу 1928 года больная нога расправилась. Оказалась она значительно короче здоровой. Наступать на нее было мучительно больно. В пятилетнем возрасте я встал на костыли и прошел с ними вплоть до 36 лет. И все время сопровождала меня боль в ноге, усиливающаяся в непогоду. Изнурительный труд мамы во многих местах работы позволил ей собрать необходимую сумму для вступления в железнодорожный ЖАКТ (своего рода жилищный кооператив). В конце 1928 года мы переехали в свою трехкомнатную квартиру по Революционной, 37, корпус 1. Вместе с нами поселилась младшая сестра мамы Полина с мужем Александром Никитичем Сбитневым и годовалым сыном Женей.

НАШИ СОСЕДИ

Итак, мы покинули гостеприимную, добрую семью извозчика Барышникова. Но судьбе было угодно позднее позволить мне многократно бывать в этом доме. Барышниковы продали свою квартиру Калистрату Ефимовичу Романовскому, прибывшему с семьей из Смоленщины. С его сыновьями, особенно с Сергеем и Евгением, я дружил в школьные и последующие годы. Прошло более полувека. Давно уже покинули Уфу Романовские. Дом моего раннего детства полуразрушился. Уже и рамы из него убрали. Ему осталось быть год или два, не более. А память хранит добрых людей, проживавших в нем, предоставивших угол одинокой матери с беспокойным больным ребенком, одаривших многолетней теплой дружбой подросткового паренька.

Возвращаясь в памяти к своему далекому детству, хочу заметить, что в отдельной квартире мы прожили недолго и очень скоро ее разменяли на две коммуналки. И в дальнейшем мы жили в том же дворе, но в другом доме. Наш двор был с громадным пустырем. Рядом по Социалистической (на угловом доме сохранилась табличка со старым, непонятным названием улицы – Бекетовская) поповский кирпичный дом. Улица упирается в белые каменные ворота, за ними, окруженная вековыми березами, как величавый шатер стоит Ивановская церковь, с колокольни которой часто раздается звон.

Мы, ребяташки, по звукам знали: венчание ли происходит, покойника ли выносят, к обедне зовут или кончилась она. Около церкви, за оградой, богатые захоронения со скульптурными памятниками. До самого поповского сада (ныне там стадион парка имени Якутова) сплошной лес, множество могил. Раньше здесь было Ивановское кладбище. Все дни проводили мы в «Якутике». Здесь мы чувствовали себя как в настоящем лесу. Но горе мне было, если навстречу попадались чужие, не с нашего двора, мальчишки. Они с хохотом отнимали у меня костыли и далеко их отбрасывали, а я без них шагу не мог сделать. И сколько потехи было для этих мальчишек, когда я ползком подбирался к костылю (другой заброшен в другую сторону), как какой-нибудь озорник, быстро подбежав, вновь бросал его под улюлюканье друзей еще дальше. Сколько слез и обидного унижения выпало мне в детстве! Натешившись моей беспомощностью, мальчишки разбегались. Лишь верный друг мой Вова Быстров, на год младше меня, сочувственно переживая мое унижение, подавал мне подобранные костыли, и мы возвращались в наш двор.

Отец у Вовки – врач-глазник, мать – педагог. Когда «Быстрый» приводил меня к себе домой, домработница внимательно следила за мной, сыном уборщицы, боясь, чтобы я чего не утащил. Квартира была обставлена мебелью, на стенах картины, в столовой рояль. Я такого богатства нигде не видел. Ведь у нас с мамой в комнате были две кровати, старый сундук и три стула. Лидия Николаевна, Вовкина мать, не только разрешала мне бывать у них, но иногда даже усаживала за обеденный стол. И пища была у них другая. То ли от необычайности приготовления, то ли от состава дорогих продуктов у меня после их обедов часто болел живот, расстраивался желудок. Отец Вовки, Петр Алексеевич (он вскоре умер), строго смотрел на меня сквозь толстые стекла пенсне и молчал. Я его побаивался, хотя от мамы знал, что он был очень хороший и отзывчивый врач. Быстровы жили в том же доме, что и мы, только на втором этаже.

Напротив них находилась квартира Дешко. У них был пятилетний Юра. Мы иногда заходили с ним поиграть. Мать его, Клавдия Степановна, работала завучем в школе, отец, Иван Афанасьевич – бухгалтером. Когда мы с Вовкой и Юрой слишком шумели, к нам молча подходила их домработница-латышка, уже немолодая женщина, очень плохо говорящая по-русски, брала Вовку за шиворот

одной рукой, меня другой и, как котят, вышвыривала за двери. В Юре она души не чаяла, а мы боялись ее.

В квартиры Быстровых и Дешко другим детям, кроме меня, вход был запрещен. Однажды я случайно подслушал разговор Юриных родителей. Иван Афанасьевич высказывал жене опасения, что Скочиллов Володя может научить Юрочку плохому. В ответ Клавдия Степановна своим властным голосом заявила:

- У такой матери, как Наталья Ивановна, сын плохого к нам не принесет. Смотрю и удивляюсь этой женщине: без образования, простая уборщица, а сколько в ней природной мудрости и характера.

Помню, меня очень поразили эти слова. Маму я любил, побаивался (вплоть до своей старости), но ничего необычного в ней не замечал.

БОЛЕЗНЬ

Материально жили трудно. Мать, как белка в колесе, металась с работы на работу, а в свободные дни носила меня по больницам. Во время отпуска возила в Тулу, Ташкент и даже в Ленинград, пытаясь с помощью известных врачей и знахарей спасти свое единственное, долгожданное и позднее дитя.

Если бы это случилось в дореволюционное время – сгнил бы я, не дожив даже до школьных лет. В те годы, а также в первые годы советской власти, каждый восьмисотый ребенок в стране страдал костным туберкулезом. Множество хромых и горбатых несчастных детей и взрослых встречались повсюду. А сегодня, кроме стариков, нет этих пораженных страшной болезнью калек. Только бесплатность и общедоступность здравоохранения позволили матери обеспечить мое лечение. До Октябрьской социалистической революции вся медицина в России носила благотворительный характер, в том числе и земская. В те годы существовала Лига борьбы с туберкулезом, созданная в 1910 году. В апреле месяце она организовывала «День белой ромашки». В этот день врачи, фельдшера, акушерки, медицинские сестры, вставив в петличку на груди бумажный цветок белой ромашки, ходили по городу и собирали у встречных посильную денежную помощь. На эти деньги в 1912 году в Уфе, например,

был открыт по улице Воровского туберкулезный диспансер на 10 кроватей.

С первых же дней своего существования Советская власть, несмотря на разруху и голод в стране, лучшие здания выделила для органов здравоохранения. В Уфе в доме губернатора открыли центральную городскую поликлинику, в здании женского епархиального училища, в доме игуменьи женского монастыря – городские больницы, в доме архиерея – детскую больницу. А в доме крупного лесопромышленного купца Манаева был открыт противотуберкулезный диспансер, куда в 20-е годы носила меня мама к доктору Павлу Сергеевичу Зотову. Рентгенологом в те годы работал Владимир Константинович Огородников, посещавший в студенческие годы село Загорское, где священником был его отец. По всей стране разворачивалась сеть санаториев для детей, страдающих костно-суставным туберкулезом. Одним из первых был открыт в окрестностях Свердловска, на так называемых Агафуровских дачах, санаторий для лежащих больных.

В сентябре 1929 года меня, шестилетнего, мать отвезла в Свердловский санаторий. Вместе с нами ехал и доктор Зотов, который намеревался открыть подобный санаторий в Уфе. Надо сказать, что это удалось ему сделать лишь в 1935 году (в районе нынешнего госцирка). О пребывании в Свердловском санатории остались не очень яркие воспоминания. Помню, что размещался он в хвойном лесу, в прекрасном двухэтажном кирпичном здании. С первых же дней меня привязали к койке. Для этого была создана специальная система. Вдоль кровати туго натягивались ляжки с перемычками. На уровне плеч к ляжкам пришивались сделанные из ткани и ваты довольно плотные полукольца, в которые просовывались руки лежащего на спине ребенка. На груди между кольцами проходила широкая тесьма, связывающая оба кольца. Концы тесьмы, чтобы больной не мог сам развязать, завязывались под кроватью. Больная нога подвешивалась в гамак. На ногу одевалась манжета, к которой подвешивался груз. Здоровая нога застегивалась в манжету, пришитую к продольной тесьме. Все это сооружение носило название лифчика. Сохранилась моя фотография в этом «лифчике», обеспечивающем полную неподвижность больного. И это тогда, когда тебе шесть лет, когда хочется вместе с другими детьми резвиться и прыгать. Была и другая печальная сторона пребывания в санатории. Я хоть и был

мал, но понимал, что маму свою увижу нескоро. Ведь ехали мы тогда до Свердловска с тремя пересадками несколько суток. Но ребенок есть ребенок. Созданная неподвижность избавила меня от постоянных мучительных болей. А пребывание в среде подобных мне больных освободило от чувства своей физической неполноценности, что так тяготило и унижало в обществе здоровых детей.

Итак, осенью 1929 года я был помещен в Свердловский костно-туберкулезный санаторий. Расставание с мамой перенес спокойно. Я привык к тому, что вижу ее редко. Многократные предшествовавшие пребывания в больницах приучили меня к больничной обстановке. Единственное, что наводило страх, это боязнь уколов, которая сопровождала меня всю последующую жизнь. Немногое сохранилось в памяти об этом санатории, в котором пришлось провести в состоянии полной неподвижности почти год. Большинство детей было местными, к ним два раза в месяц приходили родители. А ко мне мама выбралась за год единственный раз. Видимо, родители чем-то ублажали обслуживающий персонал, поскольку ко мне няни и медсестры заметно хуже относились. Это сказывалось и на отношении ко мне со стороны окружавших меня ребят. Рядом со мной лежал мальчик Лёня, сын состоятельных и интеллигентных родителей. Он и его мама, навещавшая Лёню два раза в месяц, очень хорошо обращались со мной. К сожалению, фамилии его я не запомнил, но образ этого нежного мальчика храню в памяти до сих пор. И когда позднее у моего дяди родился сын и меня, семилетнего, спросили, как назвать его, я, не задумываясь, произнес: «Лёня».

Выписали меня недолеченного, преждевременно, и через год вновь появились боли в ноге, гнойные натечники. А вскоре болезнь вновь еще более обострилась, и я после этого санатория в течение двух лет лежал то в железнодорожной больнице, то в детской. В школу начал ходить. Первые классы оставили у меня очень тяжелые воспоминания. Представьте себе Уфу тех лет. В семь часов утра гудит длинный гудок электростанции, потом лесопильный завод, потом кирпичный завод, вся Уфа в гудках будит народ. Половина восьмого – гудок короче. Без пяти минут восемь – гудок совсем короткий, значит, люди уже должны приступить к работе. А в школу мне надо было ходить на улицу Беякова (это за Солдатским озером, за парком). Называлась она 34-я фабрично-заводская семилетка. И это для меня была мука. Нужно было пройти все кладбище, потом

пройти парк Якутова, примыкающий к нему. И мама меня в темноте доводила до Солдатского озера, а дальше начиналась невыносимая мука, потому что костыли мои проваливались в непролазной грязи, где в сапогах даже не пройдешь. И я каким-то изгоем тех лет был, потому что по пути встречались ребяташки, которые валили меня в грязь, в разные стороны разбрасывали костыли, а сами убегали в школу. Я приходил весь измазанный в грязи, и учительница (почему-то она не понимала моих страданий) начинала на меня кричать:

- Опять ты грязный пришел! Ты, такой-разъедакий!..

И я не знаю, что бы со мной было, но к великому моему счастью после года учебы меня отвезли под Самару, в Зубчаниновку, в детский туберкулезный санаторий.

ЗУБЧАНИНОВКА

Одно звучание этого слова вызывает во мне теплое воспоминание о далеком детстве, чувство печали о давно утерянных друзьях детских лет.

Позднее я неоднократно проезжал мимо этого рабочего поселка под Самарой и каждый раз со слезами на глазах всматривался в мелькавшие мимо вагоны встречного поезда, надеясь не проглядеть Зубчаниновку, но не всегда это удавалось. Обычно обзор закрывали стоящие на станции составы или проходящие встречные поезда. А совсем недавно я все же ее увидел, но не узнал дорогу Зубчаниновку: на нее со всех сторон наступали многоэтажные громады развивающегося города с полуторамиллионным населением.

Для описания этой страницы моей жизни не хватает таланта писателя. И трижды талантливый, но не переживший то, что выпало на мою долю, не сможет написать все правдиво и ярко. И все же попытаюсь изложить пережитое так, как мне это удастся. Трудность этого рассказа заключается в том, что самые тяжелые годы моей жизни были и самыми счастливыми. Здесь, в Зубчаниновке, заложен был фундамент моего последующего существования, уверенности в своих силах, многие черты характера.

В начале мая 1933 года я был на пути в костно-туберкулезный санаторий. Предшествующую ночь мы с мамой и присоединившиеся к нам в Уфе тетя Груша Вихорева с дочкой Надей, моей ровесни-

цей, провели на вокзале в Самаре. По пути в Зубчаниновку, где находился санаторий, в моей памяти промелькнули воспоминания о Свердловском санатории. Как-то сложится моя судьба? Вновь длительная неподвижность, расставание с мамой, с дворовыми товарищами, с любимым Загорским, где я проводил в деревенской среде весь летний период. Беспокойно и тревожно на душе. А тут еще непрерывные вздохи и плач Нади, которая впервые расстается с семьей. И мне приходится ее успокаивать, рассказывать смешные истории, имевшие место в Свердловске.

Нас с Надей поместили в отдельную палату-изолятор, в которую помещают каждого вновь прибывшего на две недели. У Нади глаза опухли от слез после прощания с матерью. Наше с мамой расставание прошло более спокойно: мы оба понимали, что будем встречаться, так как Зубчаниновка не Свердловск, расстояние от Уфы меньше и, главное, без пересадок.

Правда, и сам санаторий заметно отличался от свердловского. Тот размещался в кирпичном двухэтажном особняке с верандами на этажах, вокруг санатория хвойные рощи с вековыми елями и соснами. Здесь, в Зубчаниновке, все по-другому. Зубчаниновка – небольшой рабочий поселок в 20 километрах к востоку от Самары, у самой железной дороги. Станция маленькая, большинство поездов проходит мимо, не останавливаясь. Небольшие домики поселка утопают в садах. В двух километрах от станции в длинном деревянном одноэтажном доме в конце 1932 года по инициативе самарского хирурга Александра Спиридоновича Никитина и был открыт этот санаторий. В нем четыре большие комнаты, в которых размещено по 15 кроватей, перевязочная, операционная, кабинет главного врача, изолятор и дежурка. Кухня, склад, конюшня на две лошади размещены в других помещениях. Окна палат выходят на юг. Вдоль здания с южной стороны – открытая веранда. Но все это я узнал позднее.

А пока мы с Надей продолжали находиться в изоляторе. Изредка заходят няни и сестрички, внимательные и доброжелательные к новеньким. Особое их внимание к Наде. Девочка не перестает плакать. Мне ее жаль. И это снимает чувство обиды к персоналу, уделяющему ей больше внимания, чем мне. Вдали слышен детский гомон, иногда взрыв смеха, иногда отдельные возгласы и наиболее частое обращение к неизвестному нам Юрию Ивановичу. Эта пульсирующая жизнь детского коллектива, отгороженная от нас с Надей

коридором, наводит жгучее чувство одиночества, заброшенности. И даже мне, имевшему опыт жизни в свердловском санатории, очень хочется домой, к маме, к дворовым друзьям Вове Быстрову и Юре Дешко.

Наконец закончился срок пребывания в изоляторе. Надю перевели в палату девочек, меня – к мальчикам. Светлая, просторная комната после маленького и тесного изолятора вызывает чувство радости, которое тут же уменьшается под любопытными взглядами четырнадцати незнакомых мальчиков. В наступившей внезапно тишине при появлении новенького слышу голос:

- А Вася наш был лучше!

И, перестав обращать на меня внимание, каждый старается рассказать что-то очень хорошее о незнакомом мне Васе, место которого я занял. Узнаю, что Вася был на два года старше меня; значит, ему было двенадцать лет, что он много знал и по вечерам рассказывал забавные истории. Он был добрым и внимательным к товарищам по палате. А самое главное – он делал из картона и фольги из-под шоколада самолетики, которые были очень похожи на настоящие. Но однажды Вася захандрил, его увезли в Самару, где делали дважды операцию. А недавно кто-то сообщил, что Вася умер от туберкулезного менингита. Мне становится тяжело на душе от жалости к незнакомому мальчику, от того, что ничем не похож на него. И вновь охватывает мою детскую душу столь знакомое чувство изгоя.

Электричества в санатории не было. У каждого больного на прикроватной тумбочке была керосиновая лампа, доставленная из дома родителями. Когда-то привезет мне мама такую же?.. А пока у меня есть то, что всегда со мной - воспоминания.

Через несколько дней пребывания в санатории я освоился и сблизился с окружавшими меня ребятами. Этому способствовал мой предшествующий опыт. В свердловском санатории мы приспособились без помощи нянь общаться друг с другом, передавая игрушки, книги, бумагу, карандаши, ножницы и т. п. Лежали мы в гипсе на краснобаевских кроватях (названных по имени профессора Краснобаева). Их отличали от обычных приделанные к ножкам кровати колесики, позволявшие легко передвигать больных, возить на перевязку и т. д. Представьте, что нас, шестьдесят с лишним детей, ежедневно (зимой и летом) вывозили на веранду утром, а вечером заво-

зили обратно. Койки, очень легкие на ходу, свободно поворачивались в любую сторону. Я научил ребят в Зубчаниновке, как, будучи неподвижными, можно общаться друг с другом. Для этого служил длинный шнур, к концу которого привязан кубик. Кубик, как груз, бросался в нужном направлении. Если он попадал «не по адресу», его перебрасывали дальше. К шнуру привязывалась необходимая вещь, которую легко подтягивал к себе «отправитель». Если было нужно, то с помощью этого же натянутого шнура можно было прямо на легко скользящей кровати подъехать к товарищу. Вскоре этим методом общения владели все ребята моей палаты, а потом и всего санатория.

Утро начиналось с уборки. Нянечка поправляла постели, расправляла складки, убирала крошки. Кто лежал в гипсовой кровати, того переворачивали на живот, протирали спинку, убирали с постели накопившийся мусор, а затем вновь укладывали. Этим ребятам мы завидовали: ведь их раз в сутки переворачивали на живот, а многим из нас это было недоступно. Затем няня появлялась с тазом и чайником, из которого она поливала на руки, и нужно было, предварительно почистив зубы, умыться. И все это сделать на спине. И вновь мне пригодился мой прежний опыт: умыться так, чтобы капли не попало на кровать. Я научил ребят пить из льющейся струи чайника, не прерываясь на отдельные глотки. Иначе вода попадает на лицо, на постель. После умывания – завтрак. И вновь приобретенный мной ранее навык принимать пищу из тарелки, находящейся сбоку от головы, пригодился моим товарищам.

После завтрака – обход врача. Быстрым шагом, слегка ссутулившись, в сопровождении медсестры и нянечки входит Михаил Петрович Сериков, исполняющий обязанности заведующего санаторием и лечащего врача. Его приход мы ждали с радостью. Иногда со страхом, если чувствовали в чем-то свою провинность. Он один мог наказывать, его слово было законом для всех. Малый проступок – лежать без простыни, в трусах. Более серьезный – снимали и трусы – лежи голый. Наивысшей мерой наказания являлась изоляция в отдельной комнате (изоляторе). И здесь все зависело от срока изоляции – от одного дня до нескольких суток, но не более трех. Правда, наказание «без трусов» вскоре отменили. А причиной этого был такой случай. Был среди нас Веня Спиридонов. У него был распространенный процесс, поражены туберкулезом все мелкие суставы

рук, ног, голеностопные и реберно-грудинные сочленения. В результате – десятки гнойных свищей и рубцов. Он в чем-то провинился, и его оставили без трусов. Вскоре нас вывезли на веранду на солнечные ванны. От принятых ранее процедур мы были с налетом довольно темного загара, а под трусами кожа оставалась белой. Загорали мы минут сорок. К вечеру у Венки на месте трусов были сплошные волдыри от солнечного ожога, которые избавили в дальнейшем нас от этого вида наказания. Поводом для взысканий служили развязывание лифчика и самовольный поворот на живот, употребление поваренной соли и снабжение ею товарищей (в порядке эксперимента мы в течение полугода были на бессолевой диете), употребление нехороших слов, грубость, неисполнение лечебных процедур. Самым большим проступком, наказуемым изоляцией, было, если больной самовольно садился или вставал на ноги. Молодой, энергичный Михаил Петрович, осмотрев больного и выслушав сообщение дежурной медсестры, с особым каким-то сарказмом произносил свой приговор о наказании шалуна, присовокупив при этом такую поговорку, что вся палата заливалась хохотом. А это действовало порой сильнее, чем отбывание наказания. Наш доктор был объективным человеком, и поэтому мы еще до обхода знали кого, за что и как накажут. В конечном итоге наказанных становилось все меньше и меньше, и позднее проступок стал чрезвычайным происшествием, осуждаемым всей палатой или всем коллективом санатория.

Жили мы как одна семья. В вечерние часы, особенно осенью и зимой, мы по очереди рассказывали о себе, о товарищах, о доме. Были среди нас импровизаторы. Помню Сережу Молчанова из Мелекесса. Он более месяца рассказывал о Тарзане, сопровождая рассказ своими красочными рисунками. И как позднее я понял, все это была его выдумка. Любили петь. Обычно это были «Кирпичики» и «Прокати нас, Петруша, на тракторе». Но особенно звучала песня «Замучен тяжелой неволей». Любили вечерние чтения книг. Сами читали еще плохо, но читали. Особенно хорошо нам читала тетя Валя, медсестра. Это была женщина средних лет, небольшого роста, полноватая, с каким-то нежным голосом. Вместе с ней мы пережили трагедию Остапа, Андрея и Тараса Бульбы, приходили в ужас от Вия и страшного колдуна.

Тетя Валя обладала хорошим музыкальным слухом. Одному из ребят привезли детскую гармошку с семью ладами для правой руки и двумя для левой. Он извел нас своим пиликаньем. Но вот наступило дежурство тети Вали, и в ее руках гармошка заиграла, запела. Под аккомпанемент гармошки чарующе зазвучали для нас «Когда я на почте служил ямщиком», «Вот мчится тройка удалая» и другие песни. Я впервые услышал тогда эти вещи и полюбил их на всю жизнь. Многие воспоминания у меня связаны с какой-нибудь мелодией, поэтому и сейчас, спустя более полувека, услышав одну из этих песен, я слышу голос тети Вали и вижу напряженные детские лица, очарованные мелодией и проникновенным исполнением.

Позднее, в зиму 1934 года, с нами проводили эксперимент – закаляли. Не могу до сих пор без содрогания вспомнить эту страшную зиму. Суть эксперимента заключалась в том, что при комнатной температуре 17-18 градусов нам, кроме простыни, хлопчатобумажной рубашки и трусиков, ничего иметь не разрешалось. Днем, когда мы бодрствовали, махали руками, вертели головами, говорили, пели, иными словами чем-то занимались, холод нас не особенно донимал. Но вечером, когда за окнами ветер и дождь, снег, метель, - холодело все тело. Некоторые не выдерживали – плакали. Ведь самому старшему из нас, Юре Гришину, было всего 12 лет. И вот здесь я снова вспоминаю тетю Валю. Приходила она на ночное дежурство кругленькая, как шар, под белым халатом у нее было «тридцать три» одежды. Когда все дети засыпали, она снимала с себя шаль, платок, многочисленные кофточки и накрывала ими поверх простыней наиболее слабых и мерзнувших спящих детей. Утром до подъема она аккуратно убирала свои вещи, чтобы никто не заметил, чтобы дети не проговорились. Эту тайну, однажды подмеченную нами, мы свято хранили с Витей Степановым. Когда родители поднимали вопрос о снятии этого эксперимента, им доказывали, что это хоть и тяжелый, но необходимый метод лечения. К середине зимы стали промерзать углы здания. Трое ребятишек, в том числе и приехавшая со мной Надя Вихорева, заболели воспалением легких, затем туберкулезным менингитом и вскоре все трое умерли. Столь дорого обошедшийся эксперимент был снят. Для нас были получены теплые шерстяные одеяла с пододеяльниками и меховые спальные мешки, в которых нас вывозили в погожие зимние дни на веранду вплоть до самых жарких майских дней.

В конце 1934 года в санаторий поступил девятилетний Жора. Фамилию его я не помню, так как на вопрос, как его фамилия, он отвечал: «Жорка Запанской». На окраине Самары, вдоль берега Самарки был (возможно, есть и сейчас) рабочий район, носивший название Запанского. Из этого района и был Жора, с гордостью называвший себя Запанским. Острый на язык, непослушный и, я бы сказал, бесстрашный, он игнорировал любое замечание персонала и лишь Михаила Петровича побаивался. Он чаще других отбывал наказание в изоляторе. Жора много знал такого, что детям знать было не положено. Вечерами он «просвещал» нас. Благодаря ему мы все вскоре начали говорить на полублатном жаргоне. Вечерами дружный детский хор выводил мелодию знаменитой «Мурки», с чувством произнося слова:

«Тишина ночная, только ветер воет.

Там в развалинах идет совет,
Жулики блатные, урки удалые
Выбирали новый комитет.

Речь держала баба, звали ее Мурка,
Хитрая и ловкая была.
Даже злые урки все боялись Мурки,
Мурка воровскую жизнь вела».

Песня была длинной, и когда она кончалась, в наступившей тишине все еще долго переживали гибель незнакомой Мурки. Но тут снова раздавался задорный голос Жоры, как-то по-особому залихватски начинавший новую песню:

«Мы сидели на галерке»

«Умпа-а-ра-рам, - хором подхватывала палата.

«Мы с галерки полетели», - заливался Жора, и мы вновь включались со своим припевом: «Умпа-а-ра-рам».

Продолжение песни было следующим:

«А барыня: Ой! Ой! Ой!
Умпа-а-ра-рам,
Тут явился гордовой
Умпа-а-ра-рам...».

Песня довольно длинная, рассказывающая об аресте любителей забав с галерки. Заканчивалась она словами:

«Весело было нам
Умпа-а-ра-рам,
Все делили пополам
Умпа-а-ра-рам!».

Научил нас новый товарищ песне о Чесноке, воре, которого поймали с украденным чемоданом и сбросили с поезда. Примерно такого же содержания были и остальные песни Жоры. Одна из них с печальным мотивом рассказывала, как умирающая мать, лаская детей, говорит: «Ах вы, славные, сиротки бедные, как без матери будете жить? Не укроют вас, не накормят вас...». После ее смерти отец «нашел себе жену новую», злую и коварную, она уговорила отца сжечь детей. Соседи спасли только младшую девочку. И все это пелось ребятами с чувством, со слезами на глазах.

Жорка обучил нас особой разговорной манере. Она заключалась в том, что между слогами вставлялась приставка «пи» или «нака». Например, фраза – Вова, хочу с тобой дружить – звучала так: Нака-Во-нака-ва, нака-хо-нака-чу нака-с то-нака-бой нака-дру-нака-жить и т. д. Быстро освоив эту тарабарщину, мы свободно в присутствии взрослых обменивались разговорами на запретные темы. Родители, навещавшие нас, приходили в ужас, когда кто-либо из нас, забывшись, начинал что-то рассказывать на этом непонятном языке.

Иными словами, Жора для персонала был чудовищем, а для нас, мальчишек, чем-то вроде героя. У него процесс был в голеностопном суставе. Никакого больничного режима он не соблюдал, и мы с завистью смотрели, как он, развязав свой лифчик, в отсутствие персонала гулял по палате. Из нас на такое никто не решался. И не только из чувства страха перед наказанием. В каждом из нас жил страх перед мучительными болями, возникавшими при ходьбе. Видимо, у Жоры процесс был небольшим, и он не знал этих мучительных болей. В конце лета во время посещения санатория консультантом Александром Спиридоновичем Никитиным, Жорка в ответ на замечание известного всей Самаре хирурга ответил многоэтажным матом: настолько он обнаглел и распоясался. Волевым интересное

лицо Никитина брезгливо скривилось, побледнело, но, овладев собой, он тихо и спокойно сказал:

- Сегодня же отправить домой.

Больше я Жору не видел и ничего о нем не слышал.

Как-то тихо стало без жоркиных рассказов о запанских и владимирских уркаганах, без его песен. Иногда мы оживлялись, когда со станции доносились гудки проходящих поездов. Каждый гудок звучал приветствием нам, хотя предназначался одному. Услышав его, мы говорили: «Юра, это твой папа» или «Витя, это тебе».

Дело в том, что санаторий принадлежал управлению самаро-златоустовской железной дороги. Все, находившиеся на излечении, были детьми железнодорожников. У некоторых отцы были машинистами: у Юры Гришина из Кинеля, Вити Степанова из Самары, Эну Матизинь (он был эстонец), Толи Погорельского из Бузулука. Проезжая мимо Зубчаниновки, они подавали гудок. По тембру и манере паровозного гудка мы легко определяли, кому он предназначен.

В начале сентября наш доктор Михаил Петрович привел в палату пожилую женщину и представил нам ее в роли нашей учительницы. Это была Лидия Николаевна Черкасова. Через несколько дней нам привезли грифельные доски величиной с развернутую тетрадь. Для учеников сделали подставки, чем-то напоминающие пюпитры, доска которых могла подниматься и опускаться. Ставилась эта подставка на кровать над грудью ученика. Поместив на нее грифельную доску, мы, лежа на спине, имели возможность писать грифелями на этих досках. Нас разделили на три класса. Для четвертого не было никого ни по возрасту, ни по предварительному обучению. Я попал во второй класс. В каждом классе нас было вместе с девочками по 5-8 человек. В часы занятий нас свозили в одну палату, расставив койки «по классам».

Фельдшерица Мария Густавовна (я не знаю ее фамилии, она была эстонка) стала обучать нас нотной грамоте. И где-то через месяцев 6-7 у нас сформировался довольно хороший оркестр в две гитары, две мандолины и две балалайки. Лежа на спине, каждый из нас держал инструмент, а перед нами был сделан небольшой стоячий пюпитр. И вот приехала какая-то грозная комиссия, и главный врач Михаил Петрович Сериков, который нас научил играть в шахматы, бегал весь раскрасневшийся. Все были встревожены. Это был 1935 год. Первой из этой комиссии к нам в палату вошла дама в по-

лугимнастерке, с красной косынкой на голове, подпоясанная ремнем. Она осталась всем недовольна, ходила и фыркала, все ей было неладно. И вдруг пожилая Мария Густавовна подошла к ней и сказала:

- А вы не хотели бы послушать наш оркестр?

Дама ответила:

- Какой еще оркестр? Еще над детьми издеваетесь!

Мария Густавовна не отступала:

- Ну я вас очень прошу.

И вот нас подвозят друг к другу, койки ставят рядом, и звучит вальс, потом фрагмент из оперы «Кармен», и играют это дети 8-11 лет (самому старшему – Володе Попову – было 12). А Вера Панферова поет: «В море была качка высока, не жалея морячка моряка...», потом «Вдоль по Питерской» исполняем. И когда мы посмотрели на эту разозленную тетку – у нее из глаз текли слезы. Комиссия уехала, а она осталась у нас, пожила с нами где-то дня три. Через четыре месяца она явилась, кончив курсы РОК, в качестве медицинской сестры, бросив очень выгодную для карьеры и по заработной плате работу инспектора Башоблсовпрофа, и была одной из самых любимых наших сестер, которую мы звали тетя Валя.

Электричества в этом санатории не было, были керосиновые лампы. Помню первый «волшебный фонарь» с диапозитивами, где лампа. Мы видели «Тараса Бульбу». К десяти годам я прочитал всего Майн Рида, к одиннадцати – Жюль Верна и Джека Лондона. И, никогда не забуду, в течение двух дней я прочитал «Отверженные» Гюго. Чтение для нас, прикованных к постели, было главным занятием.

Однажды Михаил Петрович уговорил приехать к нам из Самары шахматного гроссмейстера Лилиенталя, который давал одновременный матч для многих. Все, конечно, проиграли, один только Витя Степанов свел с ним партию вничью. Это был талантливейший мальчик: у него были замечательные сочинения, он был настолько музыкален, что подбирал на слух на любом струнном инструменте самые сложные мелодии. Но этот мальчик в жизни никогда не ходил: у него где-то в год и два месяца появился туберкулез шейного отдела позвоночника, и всю жизнь он был прикован к постели.

Из 65-ти ребят, лечившихся в Зубчаниновке, в живых осталось двое, все остальные еще в детстве умерли от страшного туберкулез-

ного менингита, тогда неизлечимого. Пребывание в этой санатории, где я впервые почувствовал себя человеком, много читал, общался с ребятами, не прошло для меня бесследно. Когда я выписался оттуда и пришел в 5-й класс своей уфимской школы, первым подлетел ко мне один из прежних обидчиков. Но он не учел того, что за годы, проведенные в санатории, у меня развилась страшная сила в руках. И если бы не прибежали учительница и завуч, я, наверное, насмерть ухлестал бы его за одно слово «хромой». Больше меня никто никогда не трогал. И с тех пор по школе пошла слава о Скаче (так меня прозвали) как о защитнике слабых и несправедливо обиженных.

Когда в 16 лет я получал паспорт, то решил свою фамилию Скочиллов переделать на Скачиллов, что больше приближало ее к моему школьному прозвищу.

ВЕЧЕРИНКА

Последние часы уходящего 1942 года. Года трудного, полуголодного, наполненного горестями, часто печальными фронтовыми известиями. На улице мороз под 40 градусов. Настроение у всех не ахти какое. И все-таки хочется встретить Новый год как всегда торжественно, с друзьями. В Уфе есть еще кое-кто из нашей бывшей школьной компании, и мы решили собраться на квартире одноклассницы Веры Гавриловой. Обычного предпраздничного настроения, конечно, нет. Мы раньше всегда отмечали праздники либо у Мокшановых, либо у Гавриловых; они проходили прекрасно, хотя и без всякого винного застолья, но запоминались весельем, играми, спорами, песнями, танцами. Нынче же нам как-то не хочется и думать о возможном веселье. Брат Веры Гавриловой Ленчик (полное имя его Ленин) на фронте. Там же Володя Быстров, Петя Киселев, Юра Арцимович и другие ребята. Где-то по пути на фронт должен следовать Миша Фоменков - организатор, руководитель и аккомпаниатор классного хора, украшение нашей школьной самодеятельности. Да и некоторые девчата покинули Уфу. Не будет Нелли Морозовой, ставшей студенткой сценарного факультета ВГИКа, не будет солистки нашего хора Лины Афанасьевой, заводилы веселых танцев Любы Елькиной (позднее по мужу Езовой). Многие девочки встретят Новый год у станков в холодных заводских цехах. И я ругаю се-

бя, что согласился быть организатором сегодняшней вечеринки. Мне поручено привести ребят. Кого? Они все далеко отсюда. Будут лишь мальчики с нашего двора – не по возрасту длинный 15-летний Гена Басенник, музыкальный, общительный, да Илюша Литваков, ровесник Гены.

Я зашел с приглашением к однокласснику Юре Дешко, но соседи по квартире сказали, что его четвертые сутки нет дома: работает на оборонном заводе слесарем-зуборезчиком и часто после двухсменной работы у станка ночует прямо в цеху. Оставил ему записку.

... И вот мы за новогодним очень скромным (если не сказать – бедным) столом. Тревога за ребят, ушедших на фронт, чувство какой-то вины, что ты не можешь быть вместе с ними, грустное настроение у большинства собравшихся как-то не вяжутся с наступающим праздником. Юра Дешко пришел усталый, даже не снявший рабочей одежды, с жадностью набросился на винегрет и картошку. Кто-то из девчат запел довоенную песню, но она быстро смолкла: уронив голову на стол, крепко спал Юра. Наступила тишина, разговаривали вполголоса, лица у всех тревожные, ни улыбок, ни смеха.

Я вышел на тускло освещенную лестничную площадку курить. Внезапно услышал какой-то шум со стороны чердачной лестницы – там кто-то был. На мой окрик – молчание. Затем появились на ступеньках сапоги, потом шинель, спина человека с мешком за плечами. И вот он повернулся лицом... У меня перехватило дыхание:

- Мишка!

Я рванул дверь в комнату:

- Ми-и-и-шка пришел!

За мной стоял Миша Фоменков с неразлучным своим баяном! Окруженный друзьями, смущенный их объятиями, поцелуями, рукопожатиями, он рассказывал, как напугал Скачу, то есть меня. Спрятавшись на лестнице, он хотел войти в квартиру внезапно, новогодним подарком. Ему дали увольнительную на три часа. Радости нашей не было предела, особенно была довольна Мишина подруга Люся Короткова.

Когда все успокоились, Миша вынул из футляра свой баян, и зазвучали наши любимые и довоенные, и первые военные песни. Слаженный хор заглушил бой часов, извещавших о наступлении нового, 1943 года. Был провозглашен тост:

- За скорую победу! Чтобы все вернулись с войны домой!

Всей компанией мы вышли провожать своего дорогого солдата. Ему нужно было с улицы Худайбердина дойти до конца Глумино, где в районе радиомачт дислоцировалась его часть. Позднее мы узнали, что уже к утру их погрузили в эшелон и отправили на фронт.

* * *

Прошло более полувека с того времени. Не вернулся с войны Ленчик Гаврилов. В письмах он писал мне: «Скаченька, дорогой, ты хранитель наших уфимских традиций. Пиши чаще, да не забудь насыпать в конверт махры, а то она у нас не всегда бывает». Погиб наш богатырь и весельчак. Не дождалась своего друга участница нашей новогодней встречи Тося Рыкина (по мужу Денисова). Позднее я встречался с ней, она работала окулистом в одной из поликлиник города. Более десяти лет тому назад Тося умерла. Тяжелораненым вернулся с фронта Юра Арцимович. Володя Быстров, служивший радиотехником в морской авиации, демобилизовался после войны в звании лейтенанта и умер в 1972 году от гипертонической болезни в Мурманске. Через три года после него умер Юра Дешко, кандидат технических наук, руководитель одного из НИИ в Москве. Неоднократно приезжал с Украины Петя Киселев, двоюродный брат Любы Елькиной. Первый раз мы встретились спустя 30 лет после нашей разлуки. Он позвонил мне по телефону, и мы договорились о встрече в сквере. Я пришел раньше, боясь не узнать его. Оказалось, так же сделал и он. Я искал глазами подполковника, а проходили все люди в штатском. И вдруг увидел у входа в сквер пожилого мужчину, внимательно всматривающегося в прохожих. Подошел к нему. «Извините, вы Киселев?». И тут же оказался в крепких объятиях друга. Он искал человека на костылях (таким знал меня в школе), а я избавился от них в 1959 году после удачной операции. Шли мимо люди, оборачивались на нас, смотрели, как два немолодых человека плачут в объятиях друг друга.

Гена Басеник работал заместителем начальника главупра одного из министерств, жил в Москве. До этого с ним, главным инженером завода гибких валов, мы частенько встречались.

Илюша Литваков живет в Одессе. Лауреат премии Совета Министров СССР, талантливый инженер.

Люба Елькина (Езова) работала инженером в Ишимбае, позднее заместителем заведующего отделом Башкирского обкома КПСС. А затем в течение 16 лет возглавляла Орджоникидзевский райком КПСС.

Высокая, стройная, серьезная Вера Гаврилова (по мужу Наруква) многие годы работала инженером в Башкирском главке молочной промышленности. С ней мы встречаемся и по сегодняшний день.

И, наконец, о главном герое моего рассказа – Мише Фоменкове. Много встретил он невзгод на дорогах войны, воевал, побывал в госпиталях. После победы вернулся в родной город, женился на Люсе Коротковой. Она вместе со мной закончила Башкирский медицинский институт, защитила диссертацию и до самого выхода на пенсию трудилась в Институте глазных болезней.

А Михаил Петрович Фоменков – заслуженный деятель искусств РБ, хормейстер, профессор, проректор по науке Уфимского института искусств. Встречаясь с ним, мы часто вспоминаем встречу нового, 1943 года, вспоминаем нашу юность и друзей.

ВЫБОР ПРОФЕССИИ

По окончании семилетней 26-й неполной средней школы я поступил в 1-ю среднюю школу на Красина, которую закончил в 1942 году. Пережита была финская война. Мы в школе не занимались, а гуляли по всему городу, по всем школам. Там же меня застала и Великая Отечественная война. Я никогда не думал стать врачом, у меня в мыслях этого не было, потому что я устал от белых халатов медиков, большую часть своего детства пролежав в лечебных учреждениях. И надумал быть часовых дел мастером. Но однажды я встретил на улице своих одноклассниц: Иру Макарову (потом она стала замминистра здравоохранения по фамилии уже Курбангалеева), Надю Глебову (нынешнего профессора, акушера-гинеколога) и Риту Бычкову (тоже будущего профессора по детским болезням). Они меня спрашивают:

- Ну, что ты, Володя, надумал?

Я говорю:

- Вот, часовых дел мастером...

Как вцепились они в меня и утащили в мединститут.

Надо сказать, что первый год я учился без особого интереса, поскольку там была сплошная зубрежка, а в школе я то круглым отличником был, то допускал по каким-то предметам четверки, хотя любимыми предметами были литература и математика, то есть принудительно я не любил учиться. Я участвовал в художественной самодеятельности: читал стихи Лермонтова, Некрасова, Мажита Гафури. Почему-то мне особенно нравилось стихотворение Гафури «Не хнычь!». Участвовал в школьных и районных олимпиадах. Но если меня заставляли выучить какое-то стихотворение, для меня это была настоящая мука. Я и в институте учился больше на слух: внимательно слушал, но никогда не записывал конспекты. Если с кем-то готовился, то второй человек читал (чаще всего это была моя жена Таня, у которой была изумительная зрительная память), а я запоминал на слух, а потом шел сдавать экзамены.

Институтские годы были очень тяжелые: ни разу не топили каменное здание этого громадного учреждения. На улице мороз лютый, а в институте на лекции сидишь – пар изо рта. Причем еще московский был мединститут, учение проходило в три смены, в три потока. Занятия заканчивались иногда поздно ночью, когда трамваи уже практически не ходили. Было тяжело: и голодно, и холодно.

Увлеченность моя медициной началась тогда, когда я прослушивал замечательные лекции профессора Серебрянникова по физиологии о тех тайнах, которые происходят внутри организма, о поразительных связях и автоматике отдельных органов. Я слушал его лекции, раскрыв рот в буквальном смысле слова. Очень полезными для меня были лекции профессора Гиниатуллы Нигматулловича Терегулова. Он учил нас методике: как надо правильно собирать анамнез, что нужно, чего не упускать, как последовательно и правильно смотреть больного сверху донизу, не ограничиваясь каким-то одним признаком. Если увидел желтизну белка, посмотри всего, взгляни на ладошки: это может быть желтизна от акрихина, это может быть от гиповитаминоза, а может и от заболевания печени. И в последующем, когда я был уже врачом, я любил приглашать его на консилиумы из-за его пытливости, дотошности врача в обследовании больных.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Т.В. РОМАНКЕВИЧ

Январь 1942 года. Идет война. Я работаю радистом-оператором в радиоотделе Уфимского телеграфа. Тяжелые двенадцатичасовые то дневные, то ночные смены. От голода часто давит желудок и кружится голова, но иногда бригадир посылает нас по очереди в столовую, где без карточек дают какую-то мучную похлебку с кусочками мороженого картофеля, свеклы, капусты, и это уже счастье. Вместе со мной работает Володя Быстров: мы оба кончили Осоавиахимовские курсы радистов по путевкам комсомола. Но его через 2-3 месяца призывают в армию. В отделе остаются только девушки, да и то некоторые тоже уходят на фронт.

У меня туберкулез легких, лечусь плохо, нерегулярно, но летом 42-го мне дают путевку в санаторий Шафраново, и там после активного лечения и хорошего питания я оживаю. Осенью этого же года поступаю в Башкирский медицинский институт. На одном из первых практических занятий замечаю знакомое лицо – паренек с пышной белокурой шевелюрой, слегка прихрамывающий. Да это же товарищ Володи Быстрова, он заходил иногда к нему на работу! Так произошло наше знакомство с Володей Скачиловым. С 3-го курса мы особенно сблизились, бывали в одних компаниях, вместе занимались, читали, иногда ходили на галерку в оперный театр. И что удивительно: никогда не ссорились. Хотя по характеру были совершенно разными людьми. Он мягкий, спокойный, уравновешенный (жил с матерью, простой работницей, без отца). Я же росла с отцом (мама умерла, когда мне было шесть лет), была очень начитана, писала стихи, по характеру резкая, с мальчишескими замашками, хорошо дралась (жизнь заставила), много бегала на лыжах и коньках. Сближали нас книги, любовь к истории, театру, участие в самодеятельности, общественная работа.

Володя ходил с палочкой, а иногда и на костылях, это ежедневно 2-3 километра в институт и обратно. И несмотря на холод в аудиториях, недоедание, учились все с каким-то даже азартом. Да и каков был состав преподавателей! Нам читали часть лекций прекрасные уфимские профессора: Д.И. Татаринов, В.А. Самцов, В.А. Жухин, Н.И. Савченко, А.А. Полянцев, Г.А. Пандиков, Н.А. Шерстенников, И.А. Лерман, В.Г. Кузнецов, кроме того, члены Украинской Академии наук (эвакуированной в то время в Уфу): А.В. Палла-

дин, А.А. Богомолец, Н.Д. Стражеско, профессора 2-го Московского медицинского института: Я.В. Ролл, Е.С. Бурксер, Н.Д. Маргулис, М.М. Кузнец и многие, многие другие блестящие ученые.

Где-то в 1944 году мой отец, доцент мединститута В.М. Романкевич, большой любитель и знаток литературы и искусства, организовал студенческий литературный кружок. Собрания его проходили у нас дома. О многих писателях, поэтах, художниках мы делали доклады. Отец имел прекрасные альбомы репродукций известных мастеров, хорошую библиотеку. Было нас, студентов, человек 18-20, с трудом размещались в нашей небольшой комнатке, но как бурно и интересно проходили эти занятия! Сколько нового мы узнавали! Готовясь к докладу, каждый изучал много литературы, рассказывал о самых интересных, а иной раз и о малоизвестных произведениях. Посещал этот кружок и Володя. Помню его доклад об А.П. Чехове, который мы бурно обсуждали и сделали внушение докладчику «за узкое освещение творчества писателя». Вот какие были критики!

Отец мой был требовательным преподавателем. И даже зная о нашей с Володией дружбе, строго гонял его на экзамене по оперативной хирургии (иногда даже неправильно подсказывал) и заставил его сдавать экзамен дважды.

Затаив дыхание, мы бывали на сложнейших операциях профессора Александра Андриановича Полянцева, который умел, работая на операционном поле, одновременно рассказывать студентам все этапы операции, приучая этим к систематизации работы.

С удовольствием занимались мы с Володией в кружке нервных болезней. Руководителем его был доцент Николай Иванович Воробьев. Обследуя с нами больных, он иногда открывал такие необычайные истоки болезни, ее проявления, возможности излечения, что мы диву давались.

Сухой и трудный предмет патологической анатомии Виктором Александровичем Жухиным преподносился как интереснейшая история битвы против злейшего врага человека – болезни, и мы даже забывали записывать его лекции, слушая их порой как чарующую сказку.

Но, кроме занятий, мы возили на санках дрова в институт с Правой Белой. Иногда бревна вмерзали в речной лед, и приходилось

вырубать их. Ездили в колхоз на уборку картошки и свеклы, работали на субботниках.

Уже в конце 5-го курса мы решили с Володей пожениться и после института уехали в Кармаскалинский район, где и началось наше становление как врачей. Вскоре к нам приехала и Володина мама, добрая, хотя и властная женщина. Мне, выросшей без матери, первое время было трудно находиться под ее началом. Но ее тактичность, ненавязчивые советы, искреннее ко мне чувство привязанности сыграли свою роль, и она стала для меня таким же близким человеком, как Володя.

Через 4 года мы переехали в поселок Ново-Александровку. Володя был начмедом, но из-за нехватки врачей выполнял часто то работу кожника, то невропатолога, а то и хирурга.

Больница № 4 – медсанчасть треста 21, расположенная в Ново-Александровке, размещалась в нескольких бараках: стационар, поликлиника, родильное отделение, детское отделение. За высоким забором непосредственно к стационару прилегал 5-й лагерь, где находились тысячи заключенных. Во время ночных дежурств все время слышны были окрики часовых, лай сторожевых собак, а иногда и стрельба. Бывало, что из санчасти лагеря обращались за помощью в нашу больницу, особенно при хирургических случаях. И врачи больницы даже ночью ходили в лагерь оперировать заключенных.

В Ново-Александровке было очень много спецпереселенцев: немцев из Поволжья, греков из Крыма и др. Была спецкомендатура, в которой они ежемесячно отмечались и не имели права без разрешения даже поехать в Уфу. Поселок полностью состоял из барачков, только через два года стали появляться кирпичные здания. В бараках теснота, надворные грязные туалеты, страшная грязь на улицах. Много больных дизентерией, туберкулезом. Среди детей свирепствовала дифтерия, коклюш. Не без активного участия медиков постепенно был наведен порядок. Больных обязательно госпитализировали, детям провели прививки, с помощью руководства треста и жителей стало чище в поселке. Силами персонала больницы во главе с Олегом Леонидовичем Вехновским территория больницы была преобразована в цветущий сад. Масса самых разнообразных цветов, деревьев, кустарников (смородина, шиповник) настолько украсили больничный двор и невзрачные бараки, что руководство города специально привозило в больницу некоторых произ-

водственных деятелей, чтобы показать им, что можно сделать на замусоренном пустыре. Работы было много с утра до позднего вечера, а порой и по ночам. Имея сельский опыт, мы чувствовали себя уже уверенней, хотя было много сложных больных да и казуистических случаев.

НОВО-АЛЕКСАНДРОВКА

Мария Тимофеевна Чудакова, заведующая черниковским горздравотделом, встретила меня довольно любезно и сразу, извиняясь, говорит:

- Я вас ждала, думала, что вы через несколько дней приедете, но вынуждена была взять другого главного врача, а вас оставляю его заместителем по медицинской части.

Я прошу:

- Дайте мне возможность работать рядовым врачом.

- Нет, и даже разговора быть не может.

И направляет меня в Ново-Александровку, туда, где могут предоставить нам жилье. Я поехал туда на попутных машинах, поскольку тогда никакого транспорта там не было. Приезжаю, смотрю: бараки, огорожены хорошо. Но главного врача на месте нет. Он уехал, а когда будет – неизвестно. Время терять нечего: я опять на попутной еду, и около ТЭЦ-3, смотрю, навстречу идет санитарная машина. Поскольку в то время это была большая редкость, я останавливаю грузовик, на котором еду, рассчитываюсь с шофером, поднимаю руку, и из этой машины, смотрю, выходит Олег Вехновский. Он на год раньше меня окончил 1-ю школу, в которой я учился, то есть школьный товарищ.

- Привет!

- Привет!

Обнимаемся, разговариваем:

- Ты чего? Откуда?

Олег говорит:

- Я еду к себе в больницу главным врачом.

- Так я к тебе начмедом назначен.

- А жена у тебя кто?

- Акушер-гинеколог.

- У-у, прелесть какая!

Вот так мы начали работать. Работать в Ново-Александровке в тот период было исключительно трудно. Если я уже был в какой-то степени обласкан населением, избалован вниманием, то теперь я попал в среду, в которой формировался коллектив жителей этого поселка, прибывших не только с разных концов республики, а с разных мест. А это всегда сопровождается низким уровнем санитарно-гигиенического поведения. Сама Ново-Александровка только строилась. Она вся была из бараков, ни одного кирпичного здания, ни одного деревца не было. Я помню, как мы с Олегом куда-то шли и застряли в грязи так, что у Олега сапоги в грязи остались. А я и вовсе на костылях. Но надо отметить, что уже через полгода этот поселок стал приобретать соответствующий вид, а в больнице мы распределили обязанности следующим образом. Олег Леонидович, бывший фронтовик, занимался исключительно организаторской и административной работой. Вся лечебная работа лежала на мне. В первые дни, когда мы приехали, я даже спать ложился с электричеством, потому что за четыре с лишним года в районе соскучился по городскому комфорту (ведь там нужно было все время керосиновую лампу заправлять). Радио не выключал: нарадоваться не мог. Нам дали двухкомнатную квартиру в каркасонасыпном доме. А в больнице Олег, человек прямолинейный, был бескомпромиссен, мог начальству любое слово сказать и был болезненно честным. Мне пришлось с ним почти семь лет вместе работать.

На первых порах Чудакова дала Вехновскому приказ:

- Ваша 4-я больница города Черниковска является медико-санитарной частью 21-го треста.

Это был 1951 год. Но для того, чтобы ее признали медико-санитарной частью 21-го треста, надо было, чтобы 21-й трест признал. И нужно было ехать к управляющему трестом. И вот мы в один из морозных декабрьских дней поехали на санитарной машине. Олег в демисезонном пальто, а я уже в зимнем, заработанном сельской моей работой, спрашиваем у секретаря:

- Управляющий у себя?

- У себя.

Открываем дверь, заходим – сидит интересный седовласый мужчина высокого роста, управляющий трестом Гурген Вахтангович Визирьян. Когда-то он был первым заместителем министра неф-

тяной промышленности, Сталиным был исключен из партии и снят с работы за то, что он построил в Подмоскowie дачу, но оплату строительных материалов производил не по магазинным ценам, а по оптовым. А в магазинах тогда и гвоздей не продавали. За это он был наказан. А его хороший знакомый генерал-лейтенант Сафразян, глава строительства промышленных военных объектов, пригласил его работать сюда. Визирьян был очень крутой, дисциплина у него была жесткая. И мне казалось, он даже не признавал советской власти, потому что заселял Ново-Александровку своими ордерами, кого хотел, и с ним никто не связывался. И вот мы, два молодых человека, влетаем к нему в кабинет. Он увидел нас:

- Вы кто?

Олег говорит:

- Начальник медико-санитарной части 21-го треста.

- Во-первых, я такой медсанчасти знать не знаю, а, во-вторых, где вы кончали институт?

- В Уфе.

- То-то и видно: явились к управляющему в одежде, без предварительной договоренности. Можете освободить помещение.

Мы вылетели оттуда. Олег сообщил Чудаковой, что у нас с санчастью ничего не вышло. Но прошло некоторое время, и в марте 1952 года трагически погиб главный инженер Визирьяна Борисов. Это был исключительно талантливый человек, который в Орске построил подобный завод (а Новоуфимский при нас только начали запускать), который почти не бывал дома, ночевал в кабинете. Он был очень жесткий, требовательный, но несмотря на это рабочие в нем души не чаяли. И вот этот Борисов на одном из совещаний в порыве возмущения плохим строительством резервуаров для мазута крикнул:

- Что я в них прыгать должен, что ли?

А как раз яма была выкопана, налит туда мазут, и до ее середины были мостки. И он в своем кожаном пальто бросился в эту яму. Он вынырнул, но все у него было залеплено мазутом, глаза ничего не видели. Ему пытались совать палки, кто-то пытался его вытаскивать, но ничего не вышло, и он погиб. Визирьян вечером присылает записку Вехновскому: «Убедительно прошу прислать на квартиру главного инженера Борисова опытного врача, поскольку его жене и детям плохо, а похороны назначены на послезавтра. И кроме того

прошу Вас обеспечить обработку тела, чтобы мазута не осталось». Олег это все сделал, а я в ночь уехал на квартиру этого главного инженера. Мне было очень трудно, но запомнилась одна вещь. В момент похорон его, поскольку это посчитали самоубийством, было запрещено проводить какие-либо массовые панихиды. И вот с улицы Кольцевой выходит автобус с телом Борисова и, когда он выезжает на улицу Ульяновых, не может проехать дальше из-за огромной толпы народа. Автобус останавливается, и какой-то пожилой рабочий заходит в него. А руководителем похорон Борисова обкомом партии был назначен Сарван Шайбакович Бикбов. И вот рабочий говорит:

- Товарищ Бикбов, народ хочет проститься со своим главным инженером. Мы не будем ни речей произносить, ничего. Только разрешите, чтобы мимо него прошли люди.

Бикбов растерялся: позвонить в обком – Игнатьев очень строгий человек был. Тут начал Визирьян говорить, что надо разрешить. Так и сделали. И мимо тела Борисова люди без головных уборов проходили целый час.

Буквально через месяц у заместителя Визирьяна Воробьева случился инсульт, он потерял речь. Идет строительство: ТЭЦ-3 построили, Новоуфимский пустили. Только с Воробьевым закончили, как назначенный на место Борисова главным инженером Проценко обратился к нам с тяжелейшим инфарктом. Мы все это делаем. Обязаны делать, потому что врачи. В кабинете КПП (конторы подсобных предприятий) начальник РИВО умер за столом. Какая-то полоса такая в 21-м тресте. Это были люди, которых Визирьян привез с собой. Илья Вениаминович Лисовский, который потом в Башкирии много сделал; снабженец Розенберг; Погребицкий и целый ряд других опытных специалистов. И вот они один за другим выходят из строя. Однажды вечером (нам приходилось возить больных на рентген за пятнадцать километров в соцгород) я сижу и кого-то громко отчитываю в кабинете. Редко когда голос повышал, а тут, видно, такая ситуация сложилась, а может, и моя невыдержанность. За стеной раздавался громовой бас Олега. В этот момент дверь открывается, и входит Визирьян. Я сразу отправляю сотрудника и говорю:

- Проходите, Гурген Вартанович.
- А где Олег Леонидович?
- В соседней комнате.

А он там кроет всюду. Мы заходим. Олег тут же товарища отправил и предложил:

- Давайте пройдем по больнице.

- Давайте.

Мы прошли по больнице. Он посмотрел: идеальная чистота, полный порядок. Вновь создаваемый коллектив, и сестры добросовестные были. Он посмотрел, а потом говорит:

- А что бы вы хотели? В чем я могу вам помочь? Первое: я сразу вам скажу: медико-санитарная часть 21-го треста – это первая, как я узнал, медсанчасть строителей в стране. Второе: я могу сообщить вам, что беру полностью на себя все коммунальные услуги больнице. Я выделяю вам ежедневно грузовую машину. Она будет полностью в вашем распоряжении, только путевки подписывайте. Круглосуточно будет санитарная машина, и скоро я куплю новую, трест купит вам, и, кроме того, вам, Олег Леонидович, и вам, Владимир Анатольевич, выделю два новеньких «Москвича» первого выпуска.

Это было какое-то чудо. У заведующего горздравотделом машины нет, у начальника крупнейшей медсанчасти моторостроительного завода Гульсум Мухаметовны Кандаровой нет, у Зайнаб Галеевны Усманаевой, начальника медсанчасти старого нефтеперерабатывающего завода, нет, у начальника медсанчасти Новоуфимского нефтеперерабатывающего завода Алексея Иосифовича Баталова нет. Ни у кого машин нет. А у нас не только главный врач, но и его заместитель с машинами. И мы попросили его, чтобы он поставил нам рентгеновский аппарат, чтобы нам сделали дополнительный барак, в котором мы могли бы открыть ночной санаторий для рабочих, чтобы нам построили помещение для откорма свиней и морг. И надо отдать должное, все это в кратчайшие сроки с отличным качеством было сделано.

Наш руководитель Мария Тимофеевна Чудакова была волевым организатором. При небольшом росте она имела резкий голос. Ее боялись такие фронтовики как Коля Корниенко, он был тогда главным врачом поликлиники № 1. А больниц тогда было немного. Это инфекционная, в которой работал Марсель Львович Гендель; 3-я больница бывшего города Черниковска (сейчас это 10-я больница); 8-я больница (она тогда 7-й называлась) только еще в задумках была и на моторостроительном заводе 2-я больница. Так вот, опытные

зубры – главные врачи-фронтовики – трепетали перед языком Марии Тимофеевны. Хотя к кому-то из главных врачей она могла за-просто приехать и выпить могла вместе с ним, песни попеть. Но не дай бог если главный врач на следующий день опоздал на работу или не вышел, тут она давала жару!

- Мария Тимофеевна, так мы же вместе были.

- Вот за это тебе. Пить не умеешь и не берись. Получай теперь выговор.

Когда она входила в гнев, у нее начинался какой-то особый прононс:

- Вы – ниврипатологи, дерьмовинирологи. Народ страдает, а вы сидите, чем занимаетесь?

Такой была оратор. Она могла осадить любого хулигана, который бы проник к ней в кабинет. Помню, одна женщина как начала хлестать о стол:

- Я мать-одиночка! Вы обязаны...

Она слушала-слушала, а потом как грохнет об стол:

- Да я тоже мать-одиночка. Да я стесняюсь людям говорить об этом, а ты гордишься и еще каких-то привилегий от меня требуешь. Вон отсюда!

В общем интересный человек была.

Как же развивалась наша больница? Сложился очень дружный коллектив. Уже были хирурги Аксан Гирфанович Гимаев, Иван Николаевич Шавахин, Наиля Габдрахмановна Мавлютова. Ново-Александровку начали засаживать тополями, асфальтировать. На территории больницы появились цветы. Это увлечение у Олега Леонидовича было от его тещи. Возле коттеджа, где он жил, у них был изумительный цветочный сад. Каких только цветов не было! Старушка их заботливо выращивала. И вот Олег, увлекшись этим, начал выписывать и даже однажды меня в Москву посылал в ботанический сад за семенами. Был сделан парник, и вся территория больницы была словно покрыта ковром из цветов. Где-то уже в марте месяце во всех кабинетах стояли ящики с рассадой. Мы знали, что такое пикировка. И я уже на всю жизнь запомнил сорта цветов. И, когда приезжали откуда-нибудь, всех поражало: бараки, а в бараках идеальнейшая чистота, и вот этот ковер цветов, украшающий территорию.

Трудности были колоссальные. Поскольку это являлось медико-санитарной частью, мы каждый год по весне троекратно должны были десятки тысяч рабочих прививать от инфекционных заболеваний. В частности, против брюшного тифа и еще целого ряда болезней. Более того, случались и казуистические случаи. В те годы у людей был низкий уровень гигиенической культуры. И хотя были горячая и холодная вода и туалеты, но люди приезжали как временщики. Сплошная дизентерия была, много дифтерии. И вот исследовать нужно было дизентерийные очаги. У нас своя собственная санэпидстанция была, и мы посылали сестер, чтобы они собирали испражнения людей, особенно в общежитиях. Была у меня медсестра Дериглазова. Вдруг однажды все обитатели одного барака стопроцентно оказались носителями одного вида бациллы. Меня это смутило. Я ее пригласил к себе и сказал:

- Я ругаться не буду. Скажи, что произошло?

- А что? Все верно.

- Расскажи, что было?

И она рассказывает. Пришла к молодым рабочим-монтажникам с баночками, а они затолкали ее в туалет, закрыли на замок общежитие и ушли. И она целый день там просидела и, когда ее выпустили, решила больше ни к кому не ходить и свое собственное добро по тридцати баночкам разложила. А оказалось, что она «бацилловыделитель».

Прививки делать легко, когда организован народ или как сегодня с помощью инъекторов вводят без укола. Тогда ведь этого не было, а шприцы надо было кипятить и так далее. Это было очень трудно, но с этим справлялись, и дисциплина была исключительно высокая. Но было одно обстоятельство: рядом, буквально в нескольких метрах, находился лагерь ЛО-1, а сам поселок чаще назывался не Ново-Александровка, а 5-й лагерь. И вечером, когда дежурили, слышали, как перекликалась охрана на вышках и без конца вдоль двойных заборов бегали с лаем караульные собаки. Это мешало, и мы вынуждены были сменить комнату отдыха дежурных врачей на другое помещение. У нас была круглосуточная фельдшерская скорая помощь.

Мне вспоминается случай житейской казуистики из области медицины. В одно прекрасное время в Ново-Александровку прислали стройбатовцев. Мы еще тогда об этом не знали. Они были воен-

ные, главным образом с Кавказа. В Ново-Александровке было очень много спецпереселенцев: немцы, армяне, греки. Особенно было немцев много. И вот вдруг к нам зачастил один армянин. Мы видели, что он симулирует, а поймать его не могли. В чем заключалась симуляция? Он приходил, начинал тебе объяснять, что он болен, потом вдруг начинал бледнеть или краснеть и обильно заливаться потом. При обследовании же обнаружить ничего не удавалось. Как выявить? Без конца больничные давать ведь не будешь. Это надо на ВТЭК направлять. А с чем? У нас диагноза нет. Однажды мне довелось быть на консультации в лагере. Я рассказал об этом случае больному заключенному и спросил:

- Ты мне скажи: что это может быть?

Он рассмеялся:

- Гражданин доктор, это очень просто: пачку чая возьми и туда таблетки четыре аспирина, все это выпей, и у тебя такая же вещь будет.

На следующий раз, когда пришел этот пациент опять с этой же картиной, я ему говорю:

- Молодой человек, будьте любезны больше к нам не приходите, иначе я сообщу о ваших проделках куда следует. Вот этот аспириновый чай, которым вы все время пользуетесь, может истощить ваши силы и здоровье, но вам придется отбывать уже в лагере.

Он встал, ушел, и больше я его не видел.

В ново-александровской больнице № 4 города Черниковска сложился довольно дружный, хороший коллектив. Но, в семье не без урода, были, конечно, и люди, которые портили жизнь и настроение в работе главному врачу Вехновскому и мне, его заместителю. О них я говорить не буду: пусть это останется на их совести.

Радио, центральное отопление, теплый туалет – все это, конечно, резко отличало жизнь от Алайгирова, но, откровенно сказать, все годы, пока мы жили в Ново-Александровке, дорогое нам Алайгирова все время нам вспоминалось и даже снилось. Народ ведь там был очень доброжелательный, а здесь разношерстный, ежедневно какие-то драки, ранения. Люди, съехавшиеся с разных сторон, спецпереселенцы, обозленные, но свою злость не имевшие возможности проявить в отношении людей другой нации; все это накладывало отпечаток. Память о чудесной природе, особенно по весне, которая окружала нас в деревне Алайгирова, была болью нашего существо-

вания в Ново-Александровке, особенно тогда, когда воздух стал просто невыносим из-за вступающих в строй нефтеперерабатывающих заводов.

Я не собираюсь рассказывать о медицине, об отдельных моментах. Много ушло в медицинскую историю, как ликвидация малярии, трахомы. Но отдельные случаи из того времени мне хотелось бы отметить.

СЛУЧАЙ С САФРАЗЯНОМ

Однажды, часа в два ночи (дело было зимой) меня разбудили. В дверях стоял начальник СУ-4 Василий Марушкин. Вася Марушкин был когда-то моим соседом, позднее он был первым заместителем министра нефтехимической промышленности. Мы с ним встречались в Уфе, и в Москве я у него бывал. Стоит он весь встревоженный:

- Слушай, Володя, давай быстрее, быстрее! Тут приехал Сафразян, он тяжело заболел и, в общем, надо немедленно оказывать помощь.

Я оделся на ходу, потому что спускались со второго этажа, спрашиваю:

- Что с ним?
- Да вот у него горло заболело.
- Значит отоларинголога надо.

А у нас была молоденькая совсем врач, недавно приехавшая из Казани, Раиля Газизовна Маняшева. Они жили на первом этаже – три врача, молодые, очень дружные: Ляля Бургановна Трохина, Мариам Хакимовна Мусина и Раиля. У них была двухкомнатная квартира. Давай будить. Стучу, стучу: достучаться не могу. Наконец откликнулся чей-то сонный голос. Говорю:

- Срочно надо Раилю Газизовну.

Через некоторое время выходят одетые и обеспокоенно спрашивают:

- Что там такое?
- В соцгороде очень большой начальник заболел, и нам надо ехать.

А у самого все внутри от страха обрывается. Я слышал о грозном начальнике военстроя МВД генерал-лейтенанте Левоне Богдановиче Сафразяне, к которому нам предстояло ехать и которого до ужаса боялись все управляющие трестом, директора заводов и так далее. Он был исключительно умен, остроумен и своим словом мог пригвоздить кого угодно и, кроме того, обладал чрезвычайно высокими полномочиями. По пути заехали в амбулаторию, взяли необходимые инструменты; и вот мы в соцгороде. Поднимаемся на второй этаж, где останавливался Сафразян. Там уже целый эскорт людей, приехавших для организации медицинской помощи. Когда я увидел в первой комнате на кресле висящий мундир генерал-лейтенанта МВД, меня всего пробила дрожь. И вот вхожу я с этой девочкой-врачом к нему. А перед этим я узнал, что его посетил опытный врач Савелий Израилевич Ляст, польский еврей, который его осмотрел, но Сафразян остался недовольным. Подходим мы с Раилей к громадной постели. На ней лежит маленький человечек, закрытый одеялом. Это сам грозный Левон Богданович. Я дрожащим голосом ему докладываю, что прибыл заместитель начальника медсанчасти 21-го треста Скачилов. Он на меня смотрит.

- Я привез вам доктора, который будет вас лечить.

Он продолжает на меня смотреть. Я говорю:

- Разрешите вас оставить одних.

Он что-то буркнул в ответ, я пулей вылетел оттуда. Все ко мне:

- Ну, что? Как?

Ничего сказать не могу, а сам в ужасе: сейчас, чувствую, будет еще больший скандал. Если уж Ляста выгнал, то мою Раилю – только свист пойдет из этого люкса. И вдруг слышим смех. Сначала стариковский голос такой нежный, потом громкий, а потом хохот. Она говорит:

- Откройте рот!

Ей горло нужно посмотреть. А он ей говорит:

- Перед такой молодой девушкой буду я еще старый рот открывать. У меня и зубов нет.

Минут через тридцать соизволил нас пригласить. Я захожу уже уверенный в приговоре, который сейчас прозвучит, и слышу (Левон Богданович весь изменился и лицом, и глаза у него яркие, сверкают вовсю):

- Я прошу вас, доктор, завтра утром, как мы договорились с вашим специалистом, поскольку у меня на восемь назначено совещание (он их проводил обычно в 5-6 утра), она запретила мне раньше вставать, чтобы она меня вновь обслуживала. Знаете, она мне горло чем-то смазала, у меня все так хорошо, я совсем здоровый. Не знаю, почему она меня не отпускает. Завтра вы ее привезите.

Видя в таком хорошем настроении страшного Сафразяна, я вдруг осмелился обратиться к нему с просьбой:

- Левон Богданович, а можно к Вам с просьбой обратиться?

И сразу жесткая маска малознакомого человека уставилась безответно на меня. Я говорю:

- Левон Богданович, Вы знаете, мы открываем ночной санаторий в бараке в Ново-Александровке: хотим, чтобы рабочие ночью лечились, отдыхали и питались, а днем работали.

- Ну и что?

- Но нет канализации, мы не можем ванной добиться, нет водопровода в этом бараке. Он рядом с больницей и, конечно, если уж называть его «ночным санаторием», нужны картины, нужны люстры и хоть дорожки какие-то.

- Вот что, доктор, сегодня утром поезжайте в 21-й трест и скажите об этом Сметанину (а Сметанин Василий Иванович был помощником управляющего 21-м трестом) и передайте ему, что я послезавтра приеду посмотреть этот санаторий: он мне его должен сдать.

Сафразян уже уехал, вместо него остался Константин Петрович Кузнецов. Утром, как было сказано, я приехал. Когда начал рассказывать Сметанину, смотрю, Василий Иванович весь перекосялся:

- За два дня канализацию, ванную и все остальное сделать будет очень трудно.

- Но ведь не так далеко.

- Не знаю. Ну ладно!

За два дня сделали канализацию, повесили картины, люстры, постелили дорожки ковровые, а Сафразян и не подумал приехать. Такова была сила его власти.

ВСТРЕЧИ СО СПЕЦСЛУЖБАМИ

Не только лечебная работа вызывала стрессовые ситуации, которых было более чем достаточно. Вот еще один из характерных случаев, произошедших со мной. Где-то в первой половине пятидесятых годов меня вызвал начальник спецотдела, где регистрировались все спецпереселенцы, выезжающие за пределы Уфы. Даже дети-школьники не имели права без разрешения ехать со всем классом в музей в Уфу. Меня возил шофер-грек Анорий Константинович. Он говорил:

- Владимир Анатольевич, я воевал плохо: у меня только четыре ордена, но дети – Митя и Марина – чем виноваты? Поймите меня правильно.

Кстати сказать, из рассказа этого Анория я узнал, что когда он попал в плен, то его и казанского татарина как евреев повели на расстрел. Как оба ни кричали, что они не евреи, было бесполезно. А тут подошел какой-то немецкий офицер, велел их догола раздеть. Татарина расстреляли, а Анорий остался живой.

И вот начальник, с которым мы здоровались (он работал у нас секретарем), заходит как-то ко мне и говорит:

- Владимир Анатольевич, приходите ко мне.

Он занимал особняк, в котором в одной половине находилась вот эта спецчасть, а в другой он жил вместе с женой. Я думал: он приглашает в гости, говорю:

- У меня жена поздно заканчивает.

- Нет, я на сей раз очень прошу вас прийти одному.

Я как-то себя неловко почувствовал: ну, что двум мужикам еще водку пить? Этого я вообще боюсь, потому что в любое время меня могут вызвать и как акушера-гинеколога, и как хирурга, и, кто его знает, кто-нибудь из врачей заболит. Но в назначенное время я к нему явился, и меня удивило: он провел меня не к себе на квартиру, а в противоположную сторону – в спецкомендатуру – и тут же вышел, и дверь захлопнулась на замок. «Что такое?- у меня сразу гнев внутри. – Безобразие! Что я, заключенный что ли?». Минута, десять минут, пятнадцать минут, двадцать минут, двадцать пять минут, уже полчаса прошло – никто не заходит, и какая-то внешняя тревога (а я сидел за столом, и позади меня было окно), ощущение такое, как будто на тебя кто-то смотрит. Оборачиваюсь и вижу: «Победа» сто-

ит, а из «Победы» очень бледное лицо какое-то не отрываясь смотрит в окно, как будто меня разглядывает. И когда он увидел, что я обернулся, он быстро встал и захлопнул дверцу, шофер остался. И вот через некоторое время вместе с этим капитаном, который меня закрыл, является мужчина в штатском, садится за стол, здоровается, называет по имени-отчеству и говорит, что он полковник КГБ.

- Владимир Анатольевич, мы знаем, что вы коммунист, вы честный патриот, ветеран.

Потом начинает расспрашивать:

- Как живет ваша жена Татьяна Владимировна? Как ваша мама Наталья Ивановна?

А потом обрывает ответ:

- Ну, вы, наверное, догадываетесь: я ведь не только за этим приехал, поинтересоваться здоровьем ваших близких. Дело вот в чем: нам нужна ваша квартира.

Я говорю:

- Я не возражаю, но чтобы только мне дали равноценную.

Потому что я всего-навсего года полтора или два как переехал в кирпичный дом, который управляющий трестом Визирьян прямо Вехновскому восемь квартир отдал заселять самому, а ордера уже оформляли по указанию главного врача. Из восьми квартир часть занимали врачи, и нас там жило порядка десяти врачей.

- Нам нужна ваша квартира.

- Ну, что ж, пожалуйста, только дайте мне что-то равноценное.

- Вы меня не поняли. Ваша квартира нам нужна два раза в месяц, и в это время, о котором мы заранее предупредим, чтобы у вас в квартире ни одной живой души не было.

Я сразу догадался, что, значит, собирают сведения о спецпереселенцах, значит, среди них есть доносчики, и будут это делать у меня на квартире. А больные с таким доверием ко мне относятся. Я буду, стало быть, пособником всякой грязи. У меня внутри все оборвалось: я понимаю, что отказать я не имею права, ни партийного, ни гражданского, и в то же время согласиться на это не могу.

- Да вы не беспокойтесь: мы очень хорошо будем компенсировать вам это. И квартиру будем полностью оплачивать.

Материально я, конечно, не нуждался, а голова продолжает работать: «Как вывернуться? Как вывернуться?». Я уже догадался и все-таки задаю вопрос:

- С какой целью? Для чего?

Он мне сразу холодно так говорит:

- Вопросы буду задавать я, вы уж простите, Владимир Анатольевич, а отвечать вам не буду.

И тут у меня мелькнула гениальная мысль. Я говорю:

- Я догадываюсь, товарищ полковник, но дело в том, что за стенкой у меня живет Анна Кирилловна Дудкина, наш врач, а муж у нее немец Александр Шарих. За стенкой напротив живет доктор Мазитов с женой. Оба они врачи, но Мазитов по 58-й статье был осужден и только недавно вернулся домой. Рядом с ним, наискосок от меня квартира, где Имаев Аксан Гирфанович, всю войну прошедший в плену, кстати сказать, героический врач – он многих спас во время плена. Поэтому квартира моя не подходит.

Он смотрит на капитана и говорит:

- Товарищ капитан, правда?

Тот говорит:

- Правда.

Как вскочит, и от его лощености, от его бледности ничего не осталось. Он покраснел и начал орать на этого капитана:

- Как вы смели подобрать такую квартиру!

И потом садится и говорит:

- Знаете, доктор, чтобы никто: ни мать, ни жена не знали о разговоре, который мы провели с вами. Помните, что если вы кому-то проболтаетесь, то отвечать вам придется очень здорово.

Когда я вышел оттуда, был чудесный летний вечер, еще солнышко не зашло, воздух какой-то особенно живительный. Я как будто ожил. У меня такое бодрое настроение было: я выбрался. Жене я очень долго не рассказывал, а публично сейчас рассказываю об этом впервые через сорок с лишним лет после этих событий.

* * *

Год или два прошло; больница наша все больше набирает обороты, работает всю хирургию, опытные хирурги Аксан Гирфанович Имаев, Иван Николаевич Шавахин, Наиля Габдрахмановна Мавлютова, хорошие терапевты. В общем, полноценная больница. Особым авторитетом наша больница пользовалась у заведующей горздравотделом Чудаковой. Она не только была требовательной, но и, несмотря на то, что была не намного старше нас, ее все руководи-

тели здравоохранения глубоко уважали и считались с ее мнением. Но она была изумительно чутким человеком: не позволяла ни одного руководителя разбирать где-то в партийных органах. Она управлялась сама. Она боялась, что могут несправедливо, не зная сути дела (поскольку ни в райкоме, ни в райисполкоме так человека не знали, как она), решать судьбы ее подчиненных. Она часто проезжала по всем лечебным учреждениям и в шесть часов возвращалась в горздравотдел, и только после этого ее можно было застать.

Нашим большим покровителем (вот везло мне на это!) тут был изумительный председатель райисполкома Рафгат Мирзаханович Мамин. Он буквально каждую неделю приезжал в Ново-Александровку. А ее в это время асфальтировали, одевали в зеленый наряд, сооружали кирпичные здания, новые школы и даже начали строить новую больницу. И вот единственное, что нам удалось добиться: в Ново-Александровке открыли отделение милиции. В какой-то степени нам сразу стало легче, но и здесь случилась такая история. Однажды, когда в больнице было очень много послеоперационных больных, тяжелых терапевтических, детей тяжелых, и без конца скорая помощь привозила больных на консультацию, а я просто задыхался от этого тяжелого дежурства – раздался звонок. Меня приглашают к телефону, беру трубку и слышу:

- С вами говорит заместитель министра внутренних дел. Немедленно приезжайте в отделение милиции.

Бросить больных я не мог. Я ему объясняю, что я здесь единственный врач. В нашей больнице уже сто коек, народа тяжелого полно.

- Если вы не явитесь и с больным будет плохо, ответите головой.

Делать нечего, а как раз в это время подъехала машина скорой помощи, и был у нас в бытовке такой пожилой фельдшер Николай Иванович Медведев. Я говорю:

- Давай быстро в отделение милиции!

После звонка прошло где-то максимум пятнадцать минут, и мы приехали в отделение милиции. Встречает начальник отделения, который хорошо ко мне относился. Тут выходит звонивший полковник и говорит:

- Ну что же, товарищ Галиакберов, будем с вами составлять акт. Я позвонил час тому назад: не приехали, а человек умер. Давайте составлять акт.

У меня внутри все оборвалось: это неоказание медицинской помощи, человек умер. И в то же время я пытаюсь сказать:

- Товарищ полковник, не час, а всего пятнадцать минут только прошло.

- А у меня свидетель есть, - он показывает на начальника отделения.

Как выйти из этого положения? Я говорю:

- Мне надо как врачу засвидетельствовать факт смерти. Может быть, еще что-то можно сделать...

- Нет никакой необходимости.

- А где этот больной?

- В КПЗ.

Я тогда чувствую, что где-то задеваю то, что меня может спасти, и говорю:

- Нет, без освидетельствования я никакие бумаги не буду подписывать.

Наконец он с большим неудовольствием разрешает мне пройти в камеру предварительного заключения. Там действительно лежит молодой мужчина. Я подошел, он явно мертвый. И тут я говорю фельдшеру:

- Николай Иванович, разденьте.

Полковник весь взвился:

- Не смей! Пока он не сфотографирован, я запрещаю проводить осмотр!

- Вы извините, я тогда ни одного документа подписывать не буду.

Я уже понял в чем дело. В конце концов он уступил. И когда раздели мертвого, я попросил его перевернуть. На спине были ярко выраженные трупные пятна. Тут не час тому назад умер и не два. Тогда я говорю:

- Ну, все мне ясно, полковник. Теперь я буду составлять акт.

Тут я уже почувствовал в себе уверенность, внутреннюю силу. Я усаживаюсь и начинаю диктовать фельдшеру, что такого-то числа в КПЗ мною осмотрен труп мужчины, как это положено при судебно-медицинской экспертизе. И тогда полковник садится и говорит:

- Ладно, доктор, нашей встречи не было, документов никаких не было, давайте-ка уезжайте отсюда.

Позднее я узнал, что при избиении в КПЗ этого молодого человека сильно ударили задом о цементный пол, в результате чего произошло кровоизлияние, перелом основания черепа. И чего они мне голову мутили? Все равно этот труп подлежал судебно-медицинской экспертизе. И даже если бы он был еще живым, то мои действия несколько бы его жизни не продлили.

В конце 1956 года Уфа с Черниковском объединились, и стали единым городом. Меня назначили заместителем заведующего горздравотделом, где я проработал два года, но, несмотря на то что работал в качестве чиновника, я отвечал за организацию лечебной работы. Заведующий горздравотделом, очень талантливый, но своеобразный человек Герман Иосифович Геллерман занимался исключительно строительными, хозяйственными, финансовыми делами, но был довольно хорошо осведомлен в области медицины, а моя была медицинская часть.

ГДЕ ТЫ, ГУЗЕЛЬ?

В жизни врача, в его работе при постоянном общении с людьми бывает много интересных случаев. Есть среди них такие, что и с годами не забываются. Об одном я хочу рассказать.

Это было лет двадцать пять назад. Я, тогда еще молодой врач, работал на северной окраине города. Специалистов в больнице было мало, и мне, терапевту, приходилось и при родах помогать, и кожные болезни лечить, и при операциях ассистировать. Коллектив был небольшой, работали дружно. Часто приходилось задерживаться вечерами, иногда и ночью вызывали к больным.

В один из декабрьских вечеров члены партбюро больницы за сиделись допоздна, я вышел из поликлиники около двенадцати часов ночи. Было морозно, снег скрипел под моими костылями (я в то время ходил на костылях из-за больной ноги). Темень такая, что и домов почти не видно. Уличные фонари, редкие, тусклые – света от них мало. В поселке тихо, даже собак не слышно: попрятались от мороза.

И в этой темной ледящей тишине уже на полпути к дому я вдруг услышал плачущий женский голос. Она о чем-то умоляла даже вскрикивала – в ответ слышалось неясное ворчание мужчины. Первой мыслью моей было: обижают женщину, и я ринулся вперед. Скрип моих костылей был услышан – голоса умолкли. Впереди было все так же темно.

- Кто там? - крикнул я.

Молчание.

- Я врач! Что случилось?

После этих слов я услышал приближающиеся шаги, затем увидел человека, подошедшего ко мне.

- Доктор! Жена рожать надумала. Веду в роддом. Не может идти, плачет. Что делать?

До роддома было еще около четырехсот метров. Мы попробовали вдвоем вести женщину, но она плакала, кричала и наконец опустилась прямо на снег возле уличного фонаря.

- Беги в поликлинику, - крикнул я мужчине. – Возьмите с санитаркой носилки и скорее сюда! Я останусь с ней!

Он побежал. Женщина стонала, и я с ужасом думал, что роды на таком морозе могут закончиться гибелью и матери, и ребенка: я не знал, что решить.

Вдруг в стороне прозвенел девичий смех. Я крикнул:

- Девушки! - сразу все смолкло.

- Девушки! Я врач, здесь женщина до роддома дойти не может. Идите сюда, помогите!

Откуда-то из темноты робко приблизились три или четыре фигурки.

- Давайте понесем ее, - заговорил я, но тут же понял, что нести уже поздно. По тяжелому дыханию женщины было ясно, что роды начались, и тут же мы все услышали приглушенный крик новорожденного. Я выхватил его из одежды матери, кричащего, горячего – пар поднимался от его тельца, при свете фонаря перерезал пуповину, расстегнул свою шубу и кричащего, барахтающегося, мокрого, прижал к своей груди, закрыв полами шубы. И тут же услышал топот сзади: бежали с носилками.

Через пятнадцать минут все мы были в роддоме. Я снял перепачканный пиджак и пошел вымыть руки в дежурку. Акушерка пеленала новорожденного.

- Ну и крестница у вас! Ровно четыре килограмма, такая крепышка, кричит хорошо. Будет здорова.

Она была права. Ни разу не чихнула и не кашлянула наша маленькая Гузель (так мы ее называли между собой). Здорова была и мамаша.

На девятый день при выписке из роддома зашли они ко мне в кабинет попрощаться. Я неловко чувствовал себя, когда отец – неуклюжий добродушный бульдозерист – долго жал мне руку, а мать только благодарно всхлипывала, прижимая к груди дочку.

... Давно уже выросла эта девочка, может быть, и зовут-то ее не Гузелью, а каким-нибудь другим, тоже красивым именем. Я думаю, что родители, наверное, рассказали ей историю ее рождения, ведь не так уж часто бывают такие случаи. А у меня всегда становится хорошо на душе, когда я вспоминаю посторонних людей, помогавших мне, и всю эту зимнюю историю. Где ты, Гузель? Отзовись!

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Т.В. РОМАНКЕВИЧ

После непродолжительной работы в горздравотделе в 1959 году Володю перевели в больницу № 1 Минздрава БССР на должность главного врача. А ведь сам он был тяжело болен. Туберкулезный процесс тазобедренного сустава обострился, пришлось снова встать на костыли, мучился от болей, появились гнойные натечники около сустава, изменения в моче. Никто из больших светил в области костного туберкулеза не мог ему помочь. И совершенно неожиданно взялся его оперировать профессор Свердловского института туберкулеза Афанасий Васильевич Бедрин. Он увез Володю в Сысерть - поселок под Свердловском, где находился костно-туберкулезный санаторий с операционным отделением.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЖИЗНИ

Вновь тяжелейшее обострение началось у меня. Оно продолжалось с 1950 года. Ведь я от костылей никак избавиться не мог: если в институт я с палочкой ходил, то теперь вновь встал на костыли. Мучительные боли, почти ежедневно по вечерам субфебрильная

температура: 37,1 – 37,3. Это изнуряюще и противно. То есть отравление туберкулезом продолжалось.

Когда я пришел в эту больницу, профессор Лукманов написал в Москву, в Ленинград в институт костного туберкулеза, академику Корневу письмо отправили, все документы. Оттуда пришел ответ, что оперировать слишком поздно, сделать ничего нельзя: много поражения. Опять было назначено медикоментозное лечение. Посылали меня в Москву. Был я у академика Ралье Зинаиды Ульяновны. Та тоже мне сказала:

- Ведь вы, доктор, видите на снимке что же у вас. Ну, ладно, если, скажем, ногу ампутуруем, но тазовые кости тоже пораженные. Это удивительно: столько лет активный процесс носить!

Собственно, я уже был обреченным. И я это понимал, и в семье моей понимали... Но случилось то, что я не ожидал. Однажды мой школьный товарищ, ведущий специалист по костному туберкулезу Борис Кузнецов, друг мой большой, приходит и говорит:

- Володя, у меня тут доцент из Свердловска приехал. Давай-ка покажемся ему.

Ну, я, конечно, вспылал:

- Боря, мотай ты от меня подальше, потому что академики консультировали, не взялись.

Он ушел, обиделся. Через некоторое время заходит плечистый такой, интересный мужчина, называется доцентом Бедриным Афанасием Васильевичем, ведущим хирургом научно-исследовательского института туберкулеза из Свердловска, и говорит:

- Дайте, Владимир Анатольевич, ваши снимки.

Он взял их, смотрел, смотрел и говорит:

- А я берусь вас оперировать.

Я всю жизнь с малых лет мечтал, чтобы хоть отрезали мне эту больную ногу, и вдруг он берется оперировать. Я тут же набираю телефон, еще не посоветовавшись ни с семьей, ни с кем, звоню профессору Лукманову (в то время министру):

- Сабир Закирович, вот из Свердловска тут Бедрин показательные операции приезжал делать, он берется меня оперировать.

Лукманов говорит:

- Быстро присылай ко мне человека! Я оформляю документы и деньги. И не задумывайся! Печати отдай Журенко. Она, Серафима Ивановна, пусть остается за тебя.

На следующий день я улетел в Свердловск. Договорились с Афанасием Васильевичем, что 10 июля он будет меня оперировать. Однажды он приходит и говорит:

- Десятого я уезжаю в длительную командировку: либо осенью приезжайте снова, либо шестого июля я смогу вас прооперировать.

А 6 июля мой день рождения, а 6 июля понедельник - и то, и другое никак не лезет. Но выхода нет, и я даю согласие.

Наверное, редко бывает так, когда больного везут на операцию, он боится только одного: чтобы не передумали. Мне уже выхода не было: либо смерть без операции, ну, а от операции все может быть. И как позднее мне друг мой большой (мы с ним очень сдружились, с Афанасием Васильевичем; он позднее неоднократно приезжал ко мне) рассказывал:

- Все-таки академики умнее меня были! Если бы я знал, что пять с половиной часов весь мокрый от пота буду оперировать, то вряд ли взялся бы за это. Ведь только-только закончишь, нет – снова где-то очаг появился...

Почти два флакона (тогда не было такого наркоза, как сейчас) влили в меня эфира и всего замуровали. У меня от гипса были свободны только одна голова и две руки, туловище и обе ноги были в сплошном гипсе. Я после такого наркоза дважды впадал в так называемый коллапс. Вытащили. Самым мучительным было то, что стоило выпить глоток воды, как из тебя сразу полведра воды вылетало на капельницы. И еще более мучительными были страшные боли, потому что он вытянул ногу (у меня же было 9 сантиметров укорочения, а осталось 4). И вот в этом непривычном положении мышцы давали такую боль, что я от этой боли почти терял сознание. Где-то дней двенадцать я находился под почти непрерывным воздействием морфия. Но самое мучительное было не это. В августе стояла такая жара, а под гипсом начался такой зуд, что это непередаваемо! И я, просыпаясь от этого мучительного зуда и понимая, что тело свое почесать не могу, закрывался подушкой и долго-долго рыдал, так под эти рыдания и засыпая.

Вокруг меня лежали такие же взрослые люди, которые оставили семьи, тоже замурованные в гипс. И что-то обреченное было во

всей этой компании, оно отличалось от нашего детского санатория, и я видел, что здесь просто закисну. Рядом со мной лежал профессор Вейзе Аполлон Анатольевич с поражением позвоночника (у него были парализованы обе ноги после операции. Афанасий Васильевич восстановил ему движение в ногах.), я с ним поделился, и, однажды проснувшись утром, я своим громовым голосом как рывкнул:

- Подъем!

И запел песню «Распрягайте, хлопцы, коней»:

- Раз, два, три, четыре, чернобровая дивчина...

И все, почти 60 человек на этой веранде, грянули и по животу хлопают, как будто целая рота идет. А потом:

- Руки вверх, развести...

В общем, началась утренняя гимнастика. Мы стали придумывать с Аполлоном игры в слова, организовывать этих замурованных людей на концерты. Оказалось, многие замечательно пели. Одна Розочка была из Казани, она так хорошо и мелодично пела татарские песни, что многие, которые никогда татарского языка не слышали, с удовольствием ее слушали.

Вот эти четыре месяца я там провел. И наконец я вернулся в больницу без палки, без болей, без температуры. И благодаря Афанасию вторую половину своей жизни, начиная с 6 июля 1959 года, я прожил, забыв, что такое моя нога.

Первые годы я ходил без костылей на работу с Айской на Пушкина и с Айской на Тихорецкую в больницу. Я ходил на работу и после работы всегда пешком. Вот мой второй день рождения (так я и Афанасию говорил).

Последний раз я виделся с ним в 1982 году, когда Свердловск отмечал 50-летие его научно-исследовательского института. Афанасий меня пригласил. А потом через пару лет он умер. Нет уже и Бори Кузнецова, моего друга...

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Т.В. РОМАНКЕВИЧ

Его оперировали в день рождения – 6 июля 1959 года. Я не успела прилететь к моменту операции из-за нелетной погоды и только к вечеру добралась до Сысерти. Он тяжело отходил от наркоза (операция длилась более пяти часов). От груди и до кончиков стоп

был закован в гипс, но был счастлив, что ему помогли. И когда через неделю на контрольном снимке обнаружилось хорошее приживление пересаженной со здоровой ноги кости, когда нормализовалась температура, радости его не было предела. Несмотря на боли, он отказался от наркотиков, не желая привыкать к ним. Через неделю я уехала домой к детям и работе. Спустя месяц снова лечу в Сысерть. Нахожу его все так же в гипсе, но уже на большой веранде, где стоит еще 25-30 коек с такими же больными. Он бодрый, веселый, запеваля в хоре, консультант во всех житейских ситуациях и медицинских вопросах. Он всех подбадривает, заставляет есть тех, кто еще слаб и отказывается от пищи, улаживает маленькие конфликты, иногда, сам прикованный к постели, ухитряется оказывать медицинскую помощь. (Так было, когда больная Рая Огородникова едва не погибла от обильного носового кровотечения. Дежурил молодой врач, растерялся, Володя сделал больной внутреннюю тампонаду носа и спас ее. Многие годы Рая писала Володе письма, называя его всегда своим спасителем.)

По утрам они занимались доступной в их положении гимнастикой. Жили они на веранде, как в коммуне, делились всем. Я привезла целый рюкзак яблок, смородиновую пасту, колбасу – все разошлось в один день. Зато на следующее утро няни передавали от других больных то ароматные доли дынь, то груши, то печенье. На ночь больных развозили по палатам (кровати были на колесиках), а днем они снова съезжались, читали, пели, разговаривали, играли в шахматы – и все это неподвижные загипсованные больные. Помню, одна из больных даже готовилась к госэкзаменам, и тут первым ее помощником по истории марксизма и философии был Володя. Через 4 месяца я приехала за ним и в гипсе на носилках с большим трудом с пересадкой в Челябинске привезла домой. Гипс вскоре был снят, надет жесткий корсет, и на костылях он снова начал работать. Постепенно брошены костыли, по совету врача он начал с палочкой много ходить – пешком на работу, а иногда и обратно. Это около 4-5 километров, так настаивали врачи. Все стало налаживаться.

Еще в детстве, не имея возможности к большим физическим нагрузкам и подвижности, Володя увлекался коллекционированием. Это было и собирание марок и значков, и денежных знаков, и открыток, а в дальнейшем переросло в большое благородное увлечение – краеведение. Он очень любил заниматься фотографией. Это была

всегда очень тщательная, аккуратная работа. Иногда он целый выходной день сидел в темной ванной комнате, печатая фотографии. Тут были и снимки близких и друзей, и виды Уфы, и в основном дети, дети и дети, а позднее еще в большом количестве внуки.

Мы не так уж много видели своих детей: загружены были работой с утра до вечера. Но Володя их нежно любил. Его, врача, в жестокую панику повергало малейшее заболевание детей, он совершенно терял голову, ночами носил заболевшего на руках, иногда даже терялся в вопросах лечения. Он любил всех детей. Умел с ними говорить, петь, читать им, что-то объяснять. Даже самые маленькие дети ощущали тепло его рук. Он заходил иногда ко мне в детское отделение больницы, брал на руки самого беспокойного, плачущего больного малыша и долго носил его по палате, прижав к груди. И ребенок всегда успокаивался. Из его рук, видимо, исходила доброта, покой, ласка, то, к чему так чувствительны дети.

Володя хорошо играл на гитаре - научился еще в детстве, лежа в гипсе в санатории под Самарой, неплохо пел, слух был прекрасный, но часто забывал слова. И поэтому, начиная какую-либо песню, предварительно шептал мне: «Танечка, подсказывай». Это была моя основная роль. Любил русские песни, романсы, песни нашей молодости, с удовольствием слушал игру на курае.

Он всегда был душой компании, и хотя ходили мы по гостям редко (не всегда позволяло здоровье и дети), но бывали искренне рады при посещении друзей. Долгие годы к нам приезжали знакомые из Кармаскалов, во-первых, навестить, во-вторых, проконсультироваться о здоровье со своим «Ак-Башем» (так Володю звали в деревне – «светлая голова»). А позднее ездили и ново-александровцы, да и многие другие. Бывали у нас и бывшие алайгировские девочки-медсестрички, ставшие давно уже солидными мамашами. И каждый со своей бедой, со своей радостью.

Много было у Володи друзей. Особенно близки до какой-то болезненной нежности были ему друзья юности – Володя Быстров и Юра Дешко, с которыми он общался до самого ухода их из жизни, тяжело переживал их довольно раннюю смерть. Очень любил школьного друга Сережу Романовского – бывшего посла нашей страны в Норвегии, Бельгии, Испании, и взаимно был любим Сергеем. Саша Драпеко – несколько младше по возрасту, но они выросли в одном доме и были очень привязаны друг к другу. Илья Литваков –

тоже близкий ему с юных лет, жил последние годы в Одессе, был всегда дорог ему как брат. Они часто переписывались и встречались то в Уфе, то в Одессе.

Один из самых близких школьных друзей Миша Фоменков был с ним рядом почти всю жизнь. Он – музыкант, профессор училища искусств, вечно занятый человек, но когда они встречались с Володей, исчезали пройденные годы, снова вспыхивали воспоминания юности, школьные проделки, песни. А затем уже начинались литературные и философские дебаты, правда всегда кончавшиеся миром.

В Сысерти Володя близко сошелся с Аполлоном Анатольевичем Вейзе. Их оперировали в один день, койки стояли рядом, и общение было очень тесным. Языковед, начитанный и умный преподаватель английского языка, переводчик и автор ряда учебников, он был настолько целеустремлен в своей работе, что и в санатории, лежа на спине весь в гипсовой повязке, приспособив на подставной столик пишущую машинку и часами работал, не обращая внимания на окружающий шум. Позднее Вейзе стал доцентом университета в Свердловске, затем получил кафедру в Минске. На всю жизнь у них сохранились самые добрые дружеские отношения.

БОЛЬНИЦА № 1

Если посмотреть на весь мой жизненный путь врача, то я бы назвал три основные ступени формирования во мне этой довольно сложной профессии, которая включает в себя не только ремесло, но и в большой степени искусство. Первой моей ступенью была очень тяжелая, напряженная, совершенно самостоятельная, без всяких условий, работа на селе в течение четырех лет. В Ново-Александровке этот опыт позволял мне оставаться за любого врача, который по той или иной причине не мог принимать больных. Я общался там уже с такими специалистами, как хирурги Аксан Гирфанович Имаев и Наиля Габдрахмановна Мавлютова, замечательные терапевты Нина Константиновна Семенова и Анна Кирилловна Дудкина. Общался с окулистами, отоларингологами, и тем самым я вбирал их знания, их опыт. Особенно запомнились мне супруги Шавохины. Иван Николаевич – это прекрасный был клиницист и замечательный хирург, а

Галина Сергеевна была очень хорошим терапевтом. И самое главное, жизнь в Ново-Александровке резко отличалась от всей последующей и предыдущей моей жизни. Это было не только особым периодом моей деятельности в области здравоохранения, но и второй ступенью формирования моей личности как врача. Ну, и высшей школой, безусловно, я могу назвать больницу № 1 Минздрава БАССР, или, как ее еще называли, больницу Совета Министров, где мне пришлось работать в качестве главного врача более 25 лет.

Чем же была богата моя жизнь в этом лечебном учреждении? Прежде всего приобретением все новых и новых знаний от замечательных специалистов, которые работали там: Гайши Усмановны Загидуллиной, Ляли Ганеевны Червяковой, Халиды Назиповны Якубовой и целого ряда других (всех перечислить невозможно!). Вот, взять даже рентгенологов. Работали у нас Анна Порфирьевна Ежова и Фаяз Магруппович Гильманов. Они после своих рентгенологических исследований всегда были у постели больного. Я благодаря им научился довольно хорошо читать костные рентгенограммы, неплохо разбирать легочную патологию и т. д. С момента прихода в эту больницу был организован такой порядок, при котором главный врач обязательно делал обходы с разбором каждого больного. Коллектив к этим обходам, в каком бы отделении это ни было, готовился торжественно. Больные все ожидали: сегодня обход главного врача! Задумано это было психологически для веры в данное лечебное учреждение и меньше всего для поднятия авторитета главного врача. Специально для этих случаев выглаживался белоснежный, «с иголки» халат. (Вообще, когда развенчивали в печати эту больницу, ничего не могли найти, кроме как написать с иронией: «белые халаты, как лебеди».)

Это пришло с Ново-Александровки. Вехновский Олег Леонидович был очень требовательным к форме медицинского работника, добиваясь, чтобы она блистала. И он всегда говорил: «Если врач или сестра неряха, то у больного внутри все содрогается: такой перепутает и лекарства, и рецепты». Поэтому какой бы добротой ни обладал тот или иной медицинский работник, но если по его внешнему облику видно, что это неаккуратный человек, то это всегда вызывает тревогу.

Во время обхода мы разбирали каждого больного предварительно, затем я осматривал. От старых врачей, таких, как Бронислав

Федорович Вагнер – терапевт на железной дороге, или замечательный акушер-гинеколог, как его в Уфе называли, «бабий бог», Николай Николаевич Страхов, было заведено особое обращение к больным. Они никогда не позволяли больного называть «мамашей», «папашей», «гражданином» или «товарищем». Они всегда называли больного по имени-отчеству. И я видел, насколько это важно, как это сразу располагает к тебе больного. Эти обходы обогащали мои знания, мой опыт.

Кроме того, у нас были регулярные врачебные конференции. И ни один из консилиумов, собираемых около тяжелого больного, никогда не обходился без главного врача. Это была высшая школа формирования меня как специалиста-врача.

Но здесь я не могу умолчать о другом: тот контингент больных, который к нам приходил, обогащал мои знания в самых разнообразных областях. Часто в свободное время спокойных дежурств мне выпадали длительные беседы с такими интереснейшими людьми, как Григорий Васильевич Вахрушев, Кадыр Рахимович Тимергазин, Саит Рауфович Рафиков. (Это крупнейшие ученые!) Их всех тоже перечислить нельзя. Взять вот Раиля Гумеровича Кузеева и его брата Рустема. С ними были тоже многочисленные беседы, которые наполняли мои познания в области истории и этнографии. А если говорить об искусстве, таких встреч и бесед было еще больше. На одной из них мне хотелось бы остановиться.

Еще в годы Великой Отечественной войны, когда оперный театр только начинал свою творческую деятельность, ставили «Акбузат». На одном из спектаклей я сидел на галерке (на большее денег, конечно, не было) и меня поразил бас Габдурахмана Сулеймановича Хабибуллина. Помню, тогда слава шла: Хабибуллин! Хабибуллин! И вдруг он передо мной появляется в больнице этот человек, который поразил меня как изумительный певец. Он был очень остроумный, художавый, ироничный такой. Бывало зайдет ко мне в кабинет:

- Ох, Владимир Анатольевич, вы уж положите меня, пожалуйста, отдельно. Ну, вы поймите, ну, что это, поглядите на меня.

Щелк - глаз один на ладошке. (А у него, действительно, один глаз вставной был.) Хоп – все челюсти вынул:

- Фе-фе... я теперь ни говорить, ни петь не могу. Ну, имейте в виду, я если разденусь, кожа да кости у меня.

(А у него, на самом деле, желудок был удаленный.) Многочисленные беседы с Хабибуллинским и его обаяние какое-то приводили к тому, что, когда я слышал в его исполнении оперные арии и, особенно, «Урал», щемящая боль в сердце наполняла меня. Его давным-давно уже нет, но, когда я вспоминаю этого изумительного артиста, то помимо его замечательного голоса вспоминается его неповторимый актерский талант. Если это был Мефистофель, так это дьявол какой-то: вечно подвижный и юркий. И он всегда говорил:

- Я ведь своей судьбой, Владимир Анатольевич, очень доволен. Я же простой деревенский пастух, и вдруг я вырос до народного артиста Российской Федерации.

Встречи с Арсланом Мубаряковым, Тамарой Худайбердиной, Фирдаус Нафиковой, Магафуром Хисматуллинским, который, как увидит меня на улице, кричал: «О, земляк, здравствуй!». Мы, действительно, близкие своими корнями друг к другу.

Писатели, такие, как Хаким Гиляжев. Собственно, Хаким Гиляжев, будучи главным редактором журнала «Агидель», однажды в таком ночном разговоре (у него, видно, бессонница была, а я дежурил) убедил меня взяться за перо. Я ему рассказывал о своей врачебной практике, об Алайгирово, о Ново-Александровке, а он вдруг мне говорит: «Так вы что-нибудь пишете, вы пишете: у вас же есть такой определенный дар». Я отказывался, потом какую-то очень плохенькую статью написал. Он тут же ее перевел, и в «Агидели» это вышло. И он меня натолкнул сесть и написать книгу, которая явилась основой моей кандидатской диссертации.

Мустай Карим, Рашит Нурмухаметов, замечательный художник (мы были одногодки). Рашит никогда не забывал мой день рождения. Либо дома, либо на работе он обязательно прибежит и какой-то маленький этюд или небольшую картину принесет. Важна была не картина, а важно было то внимание, которое я ощущал с его стороны.

Михаил Чванов. С ним запомнились многочисленные беседы не только в Уфе, но и в гостиницах, где приходилось нам с ним бывать в командировках. Баязит Бикбай, который однажды во время моего обхода такой экспромт выкинул, что мы животы надорвали. И этот экспромт я даже на корке его истории болезни записал: все собираюсь как-нибудь предоставить возможность посмеяться и моим читателям.

Сагит Агиш. Идет по поликлинике:

- Кто это?

- Это я, Сагит-ага. Это я, Скачилов.

- А-а-а, Владимир Анатольевич, здрасьте!

Проходит две минуты. Он уже видит меня, но узнает опять:

- А-а-а, кто это?

- Это я, Скачилов Владимир Анатольевич.

- А-а-а!..

И это может продолжаться три-четыре раза, с его юмором, с его неподражаемым обаянием.

Я очень любил Ахмата Лутфуллина, часто бывал в его мастерской и высказывал со всей прямоотой то, как я понимал его работы. Иногда он мне говорил:

- Не торопитесь, Владимир Анатольевич, еще раз посмотрите: вы пока замысел не разгадали.

Ахмат ведь художник-философ, поэтому нужно понимать то, что он задумал. Ну вот, маленький пример. На картине три женщины, приплюснутые сверху вниз. Я ему говорю:

- Так это же нарушение в какой-то степени анатомии, Ахмат.

- А вы еще раз посмотрите.

Когда я повторно обратил внимание, то понял, что хотел Ахмат показать. Картина называется «Проводы». Горе человеческое пригнуло этих женщин. Вот что именно он хотел изобразить на этой картине.

Алексей Кузнецов, которого мне дважды пришлось от смерти спасти, Борис Домашников, Александр Бурзянцев, Алексей Кудрявцев, Тамара Нечаева и т. д. Всех перечислить невозможно. Эти люди наполняли меня расширением общего кругозора. Появился какой-то интерес к искусству.

Я был заядлым театралом, знал большинство наших артистов и все в свое время оперы прослушивал, и даже бывал на премьерах. Вспоминаю, как с могучей гривой волос влетает ко мне в кабинет Нариман Сабитов. Поначалу даже испытываешь робость от идущего от него чувства высокого достоинства. А когда начинаешь с ним говорить, он расплывается в улыбке и сразу становится интереснейшим собеседником. Я никогда не забуду, как они вместе с Халяфом Сафиуллиным пригласили меня однажды на премьеру. Музыку к балету написал Нариман. Знаменитые прыжки, изумительная игра

даже не как танцовщика, а как изумительного артиста Халяфа остались в моей памяти на всю жизнь.

Вот это общение я считаю главным багажом, который наполнил меня за все 25 лет работы в этом лечебном учреждении.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Т.В. РОМАНКЕВИЧ

Больница № 1, куда Володя пришел в 1959 году, обслуживала не только работников обкома и райкомов партии, но и руководителей крупных предприятий, педагогов, артистов, писателей, художников, композиторов.

Всю жизнь он любил работу врача-лечебника, а работать приходилось администратором. Но регулярные обходы в стационаре, участие в консилиумах для тяжелых больных, постоянное наблюдение за работой своих высококвалифицированных сотрудников давали возможность хорошо разбираться в диагностике и лечении многих заболеваний. Будучи прирожденным дипломатом, он умел найти тесный контакт даже с любым капризным больным. Володя был хорошо знаком с такими своими пациентами, как народные артисты Олег Попов (хранится его афиша с автографом: «В.А. Скачилову – другу моего здоровья»), Михаил Жаров, Клавдия Шульженко, Сергей Филиппов, Николай Акимов. Он всегда посещал концерты и спектакли с их участием. Огромное впечатление оставили встречи и беседы с академиками А.А. Богомольцем, Б.Д. Петровым, П.Е. Лукомским, Е.М. Тареевым, В.А. Неговским, Г.В. Морозовым. Он был одарен дружбой Мустая Карима и Сайфи Кудаша, Ибрагима Абдуллина и Рустема Кузеева, вниманием Баязита Бикбая, Анвера Бикчентаева, Гилемдара Рамазанова, Гузели Сулеймановой, Тамары Худайбердиной, Иллариона Глушарина, Федора Крашенинникова, художников Ахмата Лутфуллина, Бориса Домашникова, Алексея Кузнецова, Александра Бурзянцева и многих других талантливых людей. И для них он был не просто главным врачом больницы, а их «личным» доктором, который мог долго и внимательно беседовать, утешать, при необходимости осмотреть, решить вопросы обследования и лечения. Поэтому они безоговорочно доверяли ему свое здоровье и строго выполняли все предписания.

Я помню, как он восхищался мужеством Гузели Сулеймановой, уже неизлечимо больной, но находившей в себе силы участвовать в спектаклях. Она преподала ему еще один пример преданности искусству.

Володя всегда считал, что эти одаренные, эмоциональные люди нередко «уходят» в свою болезнь, поэтому задушевные беседы врача, его советы, возможность высказать все свои сомнения действуют подчас больше и лучше, чем медикаменты.

У него была прекрасная память. Всех своих пациентов он называл по имени и отчеству, никогда не забывая и не искажая порой трудно произносимых имен. И больные отвечали ему чувством доверия и признательности.

Весна 1965 года выдалась для нас очень и очень трудной. Я тяжело заболела, диагноз был неясен; резко ухудшилась кровь, врачи никак не могли мне помочь. Знаю, что был заподозрен лейкоз (рак крови). Май-июнь я лежала в больнице, бесконечные переливания крови, кислород, сердечные – силы уходили. Володя бывал у меня каждый день. Как сквозь туман видела его грустные глаза, иногда он отворачивался к окну и долго стоял неподвижно.

Подошел его день рождения – 6 июля, и я прочитала ему свои новые стихи, прочитала полушепотом, еле-еле, но он их сумел записать. И позднее, когда мне стало наконец лучше, он прочитал их вслух и потом долго сидел, закрыв лицо руками.

*Пчелы в липах цветущих запели,
Солнце льется в палату дождем...
Я прикована снова к постели,
Задыхаясь в бессилье своем.
Надавила на плечи усталость,
Боль в груди, и в глазах темнота...
Мне, наверное, мало осталось,
В основном уже жизнь прожита.
Что ж тянуть эту серую муку,
От судьбы никуда не уйдешь.
Но, когда ты прохладную руку
Мне на щеку тихонько кладешь,
Все проходит. Я снова с тобою,
Только сбросить бы мне двадцать лет*

*И девчонкой упрямой, худую
Снова встретить с тобою рассвет,
Босиком по траве пробежаться
И запеть, словно все впереди.
Я держусь, я умею держаться.
Только ты со мной рядом иди.*

*И он шел со мной рядом все эти годы, он помог мне победить
болезнь, и это было мое второе рождение.*

ГЕНЕРАЛ НОВАК

В начале 1966 года в Уфе проходили международные мотогонки на льду. Я на них не был и особенно не интересовался ими, иногда только по телевизору смотрел. И вот, когда мотогонки закончились, вдруг к нам в больницу привозят чехословацкого генерала с тяжелейшим инфарктом, так называемым трансмуральным, когда очаг поражения миокарда поразил всю толщу этой мышцы. Очень тяжелый случай.

Мы, конечно, быстро все собрались, положили его, тут же консилиум был собран. Требовался в течение трех недель абсолютнейший покой. Тут же установили около него индивидуальный пост. Вечером к нему прибыли первый секретарь обкома партии Зия Нуриевич Нуриев и председатель Совета Министров республики Зеке-рия Шарафутдинович Акназаров. Побыли. Мы долго не разрешали около больного быть. Они ушли и, надо сказать, впоследствии довольно часто и регулярно навещали этого гостя.

Мы были очень обеспокоены, потому что, помимо руководителей республики, нам несколько раз звонили из министерства обороны СССР, из министерства иностранных дел СССР, из посольства Чехословакии. Дело в том, что этот генерал Франтишек Новак был военным атташе посольства Чехословацкой Республики. Напряженные дни были.

И в самый ответственный момент, когда однажды в моем кабинете проходил консилиум в составе профессоров Терегулова, Загидуллина, Фридмана, вдруг вваливаются три полковника. Один из них представился начальником санитарной службы Куйбышевского округа, другой – начальником окружного госпиталя, расположенно-

го в Куйбышеве, а третий был главным терапевтом санитарной службы округа. И вместо того, чтобы какой-то товарищеский разговор завести, они взяли тон, начали требовать:

- Чем вы лечите! Почему неправильно лечите!

В общем, я вижу - мои профессора стушевались, растерялись (я же руководитель). Тогда я встал, пригласил их сесть и сказал:

- Если вы приехали с добрыми намерениями, мы готовы с вами проконсультироваться, но такой тон я считал бы непригодным для дальнейшего разговора.

Один из полковников грубо что-то мне ответил. Я тогда набрал номер непосредственно товарища Нуриева и сказал:

- Зия Нуриевич, вот прибыли такие-то полковники и ведут такой с нами разговор. Как мне быть?

Надо сказать, что тогда такой аппарат был, который распространял ответ на весь кабинет. И на весь кабинет раздался голос Нуриева:

- Гони ты их к чертовой матери! Чтобы духу их не было здесь! За жизнь генерал-лейтенанта Новака отвечаешь своей головой.

Полковники мои сразу сникли и попросили принять участие в консилиуме. Я немножко задумался, потом обратился к своим профессорам: не возражают ли они? Но предупредил прибывших, что никакого диктата с их стороны принимать мы не будем, больного лишний раз беспокоить не дадим. Они хотели навестить генерала, я категорически отказал им в этом.

Пробыл генерал у нас полтора месяца. Это оказался очень обаятельный человек. Я его на первом своем обходе спросил:

- А как вас зовут?

- Франтишек.

- Но, позвольте, у нас не принято, да тем паче генерала, называть Франтишек. А отчество ваше?

- Да зовите просто Франтишек.

- Ну, отца как вашего звали?

- Людвиг.

Франтишек Людвигович – это то, что вошло в обиход всего персонала. Поскольку здесь у него ни родных, ни близких не было, кроме посещений руководства, мы организовали ему, этому гостю нашему из другой дружественной страны, индивидуальное питание на самом высоком уровне. Кое-что на рынке брали. Такое внимание

ненадоедливое, чтобы никто ему не мешал. И вот он стал выходить из этого тяжелого состояния, потом уже стал прогуливаться. Был очень общительный со всеми.

Через полтора месяца он отправился в Москву, к себе в посольство. Сопровождала его врач Ляля Ганеевна Червякова. И, возвратившись оттуда, она рассказывала как тепло ее встретили в семье этого генерала. Привезла мне интересную, очень красивую книгу «Курорты Чехословакии» с его надписью на русском языке.

После этого у нас началась переписка в виде праздничных поздравлений, но в период «чешских событий» все прервалось, и я многие годы ничего не знал об этом Франтишке Новаке. И вот совсем недавно чехословацкий национальный герой Даян Баянович Мурзин вдруг передал лично, прямо на всю аудиторию привет мне от генерала Новака, которго он недавно видел при очередном посещении Чехословакии.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Т.В. РОМАНКЕВИЧ

Работа в больнице, которая подчинялась непосредственно Минздраву, была очень и очень непростой. Большая ответственность лежала на главном враче и на всем персонале. Коллектив в больнице был очень дружный, хорошо обученный, дисциплинированный. Главный врач требовал и с врачами, и с медсестерами, и с санитарками не только медицинского мышления и точного исполнения назначенного лечения, но и аккуратности, чистоты, вежливости по отношению к каждому больному, кем бы он ни был вне стен больницы. Никаких пререканий друг с другом и с больными, обязательное обращение к больному по имени и отчеству – это было законом больницы.

Всю жизнь Володе сопутствовало и помогало работать чувство доброты к людям. Это было кредо, основа в любом деле. И, кроме того, чувство милосердия, сострадания к больному всегда ставило его на высокую ступень врача. Сам долго и тяжело болевший, он, как никто другой, понимал жалобы и муки своих пациентов. В этом же духе он воспитывал и своих сотрудников, уже в те годы широко пропагандируя этику и деонтологию.

Володя бывал неоднократно в командировках, на симпозиумах, съездах, на краеведческих Бирюковских чтениях. И всегда по приезду собирал сотрудников и рассказывал им о своих впечатлениях. Рассказчик он был удивительный, его можно было слушать часами.

Большим недостатком Володи была чрезмерная мягкость характера. Он не мог зачастую резко ответить на какую-нибудь клевету собеседника, прервать его, никогда не вступал в конфликты, был честен и целеустремлен. Он считал ниже своего достоинства отвечать на получаемые порой оскорбления, и, к сожалению, некоторые «чины» пользовались этим.

МОИ ПАЦИЕНТЫ

У секретаря обкома Зии Нуриевича Нуриева хватило мудрости во всем разобраться. Потихоньку самого заводилу старого коллектива убрали, обстановка сразу разрядилась, и работали мы довольно дружно. Для меня эта больница еще дорога тем, что я, работая в Алайгирово, читал в газете о Зайтуне Агзамовне Насретдиновой. Редко приезжая из района из-за трудностей с транспортом в Уфу, я ходил в музеи, театры значительно чаще, чем сегодня. Я любовался картиной, написанной Рашитом Бореевичем Нурмухаметовым. И вдруг, много лет спустя я вижу этих людей у себя, перед собой. Ко мне заходила Тамара Худайбердина, о которой я столько слышал; со своей могучей гривой бывал Мустай Карим; приходил Анвер Бикчентаев. Дружба с этими людьми прибавила мне жизни на многие годы. Это интереснейшие люди сами по себе. Никогда не забуду, как в доме отдыха на концерте я увидел Зайтуну Насретдинову. Когда концерт закончился (я сидел на втором ряду), она, кланяясь всему залу, вдруг увидела меня, приветливо улыбнулась, наклонилась. Ей-богу, никакого лекарства не надо! Вся тяжесть моей работы слетела. Сколько интереснейших личностей прошло передо мной в этом лечебном учреждении. А партийно-советский состав составлял всего 12-15 процентов. Поэтому я считаю в моей деятельности два счастливых момента, хоть и трудных: это Алайгирово и больница № 1 Минздрава БАССР. Я очень благодарен этим коллективам, которые мне помогали и в значительной степени воспитывали. Потому что руководитель лечебного учреждения должен быть врачом преж-

де всего, второе, он должен быть воспитателем коллектива и третье, он должен быть организатором. На этой почве у меня часто возникали конфликты, в том числе и в Министерстве здравоохранения.

Если брать лечебные случаи, которые для меня были особенно трудными, то можно взять такой. К нам в больницу был доставлен первый секретарь обкома партии из Монголии Цооктоо. А каким образом он попал? Учился он в Высшей партийной школе при ЦК КПСС в Москве. Их там несколько студентов из Монголии было. И вот попросили, чтобы по пути домой им дали возможность познакомиться с жизнью Башкирской АССР. Во время пребывания в Туймазах с ним стало плохо, и его доставили к нам. Что было у этого крепкого, среднего роста, неплохо, но с сильным акцентом говорившего по-русски монгола? Вел его Брек Ахметзянович Байков. На лице у этого больного был какой-то остаток прыща, который он выдавил пальцем. Буквально через пару дней мы обнаружили, что инфекция при раздавливании этого прыща распространилась по всему организму и наступил сепсис. Тут был консультант профессор Гранов. Дней через десять этот монгол умер, хотя возились около него и применяли самые последние антибиотики. И вот здесь, пожалуй, самая трагическая история произошла. Когда он умер, Нуриева не было, Акназарова в Уфе не было. Они были в Москве по делам. Второго секретаря обкома не было. На улице жарища стояла. Что делать с этим монголом? Во-первых, кто его будет хоронить? Хотя он первый секретарь обкома партии, но не Башкирии, а Монголии. Я позвонил бывшему тогда секретарю обкома партии по идеологии Файзулле Валеевичу Султанову, единственному оставшемуся в городе секретарю обкома партии. Он говорит:

- Хорошо, я сейчас с Москвой свяжусь.

Через некоторое время звонит и говорит:

- Москвичи сказали: хороните у себя.

Надо сделать судебно-медицинскую экспертизу. И здесь тоже ума хватило. Привожу его на кафедру судебной экспертизы. Судебный эксперт вскрывает в присутствии профессора Сунаргулова. Тут же находятся министр здравоохранения, секретарь обкома Султанов и прокурор республики. Я всех их собрал, чтобы никаких недоразумений не было. И только мы заканчиваем вскрытие, влетает инструктор обкома партии Давлетшин:

- Прекратите, прекратите! Поступил сигнал везти в Москву. И чтобы его сегодня доставили, потому что завтра его повезут самолетом в Монголию.

Батюшки! Разрешения на вскрытие нет. Как монголы на это прореагируют неизвестно. У нас прямо внутри все оборвалось. И решили составить толковое заключение, потому что вскрытием все подтвердилось: гнойники в мозгу, в легком – в общем, это была самая настоящая септоцемия. Султанов проявил настойчивость: тут же металлический гроб привезли, его наглухо запаяли, и оставили только маленькое стеклянное окошечко. А в направлении мы написали: «Не вскрывать в связи с инфекционной опасностью». Как Давлетшин позднее рассказывал, когда он прочитал наш документ в монгольском посольстве в присутствии заместителя министра СССР, тот сделал такое заключение:

- Сделано было все. Большого мы и в Москве бы не сделали. Но, к великому сожалению, он должен был умереть.

Это легко рассказывать, пережить не дай бог.

Или такой случай. Я только приехал домой и схватился за ложку, вдруг звонок секретаря обкома партии Манаева:

- Владимир Анатольевич, Устинов здесь в Уфе (А он тогда уже был министром обороны СССР.) на старой даче в Глумилино. У него носовое кровотечение. Немедленно приезжай!

Хоть бы машину дал. Я своего шофера отпустил. Я не задерживал, когда приезжали на объект. Я выскочил. Что у меня дома? Бинты были, вата была. В карман сунул пузырек со спиртом для инъекций. Выскочил во двор – нет никого. Потом смотрю – Игорь Плеханов, наш сосед по дому, известный мотогощик. Я говорю:

- Игорь, подбрось меня, пожалуйста.

- Владимир Анатольевич, я только что из гостей.

- Я за все отвечаю.

Посадил. Я говорю:

- Гони на красный свет!

- Да как?

- Гони! За все буду отвечать, только в аварию не попадай.

Мы быстро приехали. Меня всего трясет: ну, как я к министру обороны буду с ваткой и марлей лезть? Когда я подскочил к этим воротам, там уже стоял Манаев.

- Понимаешь, оказывается кровотечение не сильное, прекратилось. Да у него и собственный врач есть.

Я говорю:

- Ты же меня с ума свел!

Мы с ним на «ты» были, потому что по Ново-Александровке я его помнил, он прорабом работал на строительстве завода Синтезспирта. Я ему говорю:

- Ты же меня с ума свел! Но теперь отдай мне свою машину. Впереди поедет мотогощик, мой сосед, а сзади я на твоей машине. И чтобы никто не смел останавливать нас, потому что мы сюда мчались с нарушением всех правил уличного движения.

К счастью, все обошлось.

Однажды (дело было 8 марта в Международный женский день, в выходной) собрались у нас гости. Только я за стол – звонок. Нет, еще утром был звонок, до застолья. Звонит дежурная Зоя Михайловна Сафронова:

- Владимир Анатольевич, к нам поступил Нигмаджанов Гильман Вильданович. (Он тогда был заместителем председателя Совета Министров.)

- Что?

- Да ничего. Мы сами управимся. Просто я вам доложила.

Порядок был такой, что о таких людях мне докладывали. И вот только мы сели за стол, вдруг звонок. Я подхожу к телефону, и плачущий голос Зои Михайловны:

- Владимир Анатольевич, Владимир Анатольевич...

- Что такое? Говорите!

Я заорал, что бывает редко вообще, особенно дома, хотя я взрывной был по характеру и сейчас остался таким. Не так уж часто, но бывает.

- Нигмаджанов умирает!

Я быстро схватил шапку, пальто. Подо мной жил Ривкин Вениамин Яковлевич, заместитель начальника Сельхозтехники. У него была машина. Она как раз стояла возле крыльца. Я говорю:

- Вена, быстро!

Буквально через несколько минут я был в больнице. Поднимаюсь на второй этаж, по пути шубу бросаю, шапку бросаю, влетаю в люкс, где лежал Нигмаджанов, подбегаю к нему – пульс еле-еле прощупывается, сознания нет, дыхание незаметно. Я кричу:

- Адреналин, адреналин мне!

Стоит сестра очень опытная Валентина Сергеевна, и врач Зоя Михайловна на меня глаза пялит, как будто ступор. Вот тут уж я рывкнул так, что по всем этажам раздалось. Сестра вылетела. Возвращается с адреналином, с длинной иглой. Набираю в шприц адреналин, прокалываю грудную клетку, попадаю в сердце и прямо туда ввожу. Начинаю массировать область сердца и вижу коллапс, а причины не знаю. И в это время Гильман Вильданович открывает глаза и смотрит на меня:

- Владимир Анатольевич, так сегодня же выходной. Ты чего не отдыхаешь?

Я говорю:

- Гильман Вильданович, мимо проходил, узнал, что вы поступили, и решил вас навестить.

- А-а, спасибо.

И тут влетает кто-то из моего медперсонала. Примчалась замминистра Курбангалеева Ирина Гавриловна, моя школьная однокашница, и институт мы вместе кончали, и жена Гильмана Вильдановича, бывший наш ассистент по терапии. И вот Рахия Габдрахмановна подходит:

- Что с тобой?

На него смотрит. А он ей:

- А я не знаю ничего. Сейчас вроде получше чувствую.

Когда я их оставил и вышел в холл, мое сердце схватило как будто ежовыми рукавицами. Что-то непередаваемое. Я чуть сознание не потерял. Но, зная, что оказывать помощь мне некому, потому что все там, у Нигмаджанова, я еле-еле прошел в ординаторскую, сел там и жене позвонил:

- Таня, с гостями расправляйся сама, угощай. Больной тяжелый, я до утра останусь здесь.

Лишь позднее я рассказал и Гильману Вильдановичу, и Рахие Габдрахмановне что с ними произошло. Что опытного врача привело в такое состояние, я понимаю, потому что, прямо вам скажу, ответственность чрезвычайно высока была в обслуживании этого контингента. И эта повышенная ответственность передавалась всему коллективу. Мы помнили о том, что для нас все больные одинаковы, но ответственность разная за каждого из них.

Много случаев было, когда мне приходилось больных сопровождать в Москву. В Кремлевскую больницу, в 4-е главное управление, в Кунцево я привез тяжелую больную. Нас там встретили. Докладываю о ней, а в руках академик Владимир Владимирович Сура держит историю болезни. Я рассказываю о ее болезни за все двадцать лет, об анализах, делаю сравнения: что было, что есть. Докладывал я минут, наверное, двадцать. А уже консилиум был собран, ждали. И вот академик говорит:

- Вот каким должен быть лечащий врач!

А главный врач этой больницы:

- Так ведь это не лечащий, это главный врач.

- А тем паче, тем паче!

Мне посчастливилось потом Владимира Владимировича встречать здесь, в Уфе, и провести с ним целый интересный день. Почему такая вещь произошла, что я докладывал? Здесь две причины. Во-первых, все-таки это главное управление. Ты можешь туда попасть, выйти, а второй раз тебя туда не пропустят. Но когда уже не как лечащий врач, а руководитель хоть и маленькой, но больницы, я пришел к главному врачу и сказал, что мне нужен ежедневный пропуск, и не только мне, но и мужу больной, пропуск без всяких был выписан. А поскольку эта больная несколько дней там находилась, я каждый день туда ездил. Вряд ли они столько бы занимались с простым лечащим врачом и прислушивались к его замечаниям.

ЗИС ОТ НУРИЕВА

Я знал, что Нуриев, хотя и сдержанно, но очень хорошо относился ко мне. Особенно в моей памяти осталась какая-то заботливость, как о человеке, ко мне со стороны его жены Айслу Хабириновны. Это был изумительный человек! Бывшая акушерка или фельдшер (я не знаю), она никогда среди нас, медиков, не ставила себя как жена первого секретаря. Я мог с ней вести самые откровенные разговоры.

И вот однажды проходила областная комсомольская конференция. Областной комитет партии уже обговорил в ЦК партии кандидатуру Гареева. Кто такой Гареев – я не знаю. Видно, очень хороший человек, так мне потом говорили. А сами комсомольцы из-

брали Поройкова. Это ЧП! И в этот же день я обслуживал второго секретаря обкома партии (потом он был первым секретарем Астраханской области) Леонида Александровича. И где-то в половине первого ночи (была осень, отопление центральное еще не дали, в квартире было сыро, холодно) резкий телефонный звонок. Я этих ночных звонков страшно боялся. Боялся потому, что, значит, с кем-то плохо стало. Тем паче в этой больнице я пережил два пожара. И я в одних трусах подлетел к телефону, и мне говорят:

- Сейчас будете говорить с Зией Нуриевичем.

Ну, жду-жду: меня уже дрожь начинает пробивать (пол холодный), и слышу голос:

- Что там у Леонида Александровича?

Я говорю:

- Предынфарктное состояние.

- А-а-а, предынфарктное состояние! Почему даже в ЦК об этом знают, а я ничего не знаю!..

И понес. И ругает, и ругает. Меня и так-то трясет от холода, а тут еще... Нецензурных слов не было, нет. Но это был голос страшно рассерженного человека. Ну, и когда он кончил, конечно, всю остальную ночь я не спал.

Утром я сел и написал заявление с просьбой освободить меня от занимаемой должности. Только явился на работу, меня вызывают: приглашает, значит, Зия Нуриевич. Я прихожу: полная приемная народа. Секретарь, увидев меня, тут же проводит в кабинет. За столом сидит Нуриев. Ну, думаю, продолжение того ночного разговора.

- Садись, Владимир Анатольевич. Слушай, ты меня в Крым отдыхать не отпустишь? А то у меня нервы что-то стали сдавать. Надо отдохнуть.

Я говорю:

- Ну почему, Зия Нуриевич (а в кармане лежит заявление), почему не отпущу? В Крым вам очень хорошо, но только при одном условии: вы поедете туда один, без жены, потому что Айслу Хабировне Крым абсолютно противопоказан.

- Ну вот, начал за здравие, кончил за упокой! Так ведь не выйдет ни в коем случае: как это я поеду без нее отдыхать? Ну, а, может быть, ты уступишь?

- Нет, Зия Нуриевич, она очень тяжелую форму ревмокардита перенесла. Не могу я никак ее отпустить.

- Знаешь что: у меня, вот, откровенный сейчас с тобой разговор. Какие трудности сегодня ты испытываешь?

Я говорю:

- Ну, какие трудности? Особенно нет трудностей. Вот, трудность есть, например: на вызов или к вам даже еду на санитарной машине, ГАИ останавливает. (А тогда был такой приказ: главным врачам запрещено было вообще на санитарных машинах ездить, даже если на вызов, значит, на трамвае.)

- Да-а-а, это действительно...

Набирает номер телефона или как ли (я не помню), дает задание Гарееву:

- Гареев, вот у меня тут главный врач сидит. Ну-ка, посмотри там: какую машину ты можешь ему выделить?.. Да? А что, она на ходу? На ходу. Давай-ка отдай!

Так я получил ЗИС. Это была громаднейшая машина, мощная, сиденья с гагачьим пухом, автоматические дверцы... Она прошла очень мало, но модель была морально изжившая себя: 25 лет она простояла, на ней встречали именитых людей. И, видно, забыл однажды Зия Нуриевич о своем распоряжении. Выходит из больницы, а машины его нет. Я подал тогда ему эту.

- Как она у тебя оказалась?

Я говорю:

- Да по распоряжению товарища Нуриева. Я, Зия Нуриевич, вот собираюсь на дверце надпись сделать: «На ней ездили Косыгин, Нуриев и Скачилов».

Расхохотался и ничего не сказал. Но этот случай обошелся благополучно. Он снял конфликтную ситуацию, и я даже не осмелился поднимать свое заявление.

Я не могу сказать, что очень держался за должность главного врача. Раза четыре я подавал заявления о переводе на другую работу. Но удивительная какая реакция была: как только подам заявление, обязательно организовывалась человек из пятнадцати комиссия. По всем отделам тщательно все обследуют, а потом, когда уже казалось, что вот-вот снимут и накажут, вдруг все это уходило в небытие. Я понимал это как намек: мол, не высовывайся, когда тебя не спрашивают.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Т.В. РОМАНКЕВИЧ

Занимаясь краеведением, Володя особенно увлекся историей здравоохранения Башкирии. Выкраивая свободные часы, выходные дни, много работал в архивах, встречался со старыми врачами, фельдшерами, членами их семей, собирал фотографии, биографические сведения. Материала было так много, и он был так красочен и интересен, что по совету профессоров Н.А. Шерстенникова и А.Н. Усманова он написал и защитил в 1972 году кандидатскую диссертацию. А позднее вышла его книга по этому же материалу «Люди подвига и долга» в двух изданиях.

Он участвовал в 1-ом и 2-ом Всесоюзных съездах историков медицины, где успешно выступал с докладами и был на них одним из руководителей секции.

Многие годы Володя был составителем и одним из авторов краеведческих сборников, издававшихся в Уфе. Часто появлялись его статьи и в периодической печати.

Мне кажется, только с его необычайным трудолюбием, способностью часами разыскивать в архиве нужный документ или фотографию и затем анализировать найденные источники, он смог стать настоящим краеведом и книголюбом. Книги – это была его большая слабость. Он не только любил собирать их и читать, но любил дарить друзьям, детям.

Осенью 1991 года он выступал в Одессе на Всесоюзном съезде библиофилов с сообщением о найденной им в Уфе книге «Жертвы разврата». Книга была обнаружена в единственном экземпляре. Рассказ о ней произвел настоящий фурор, было много вопросов и хороших отзывов.

Очень любил Володя общаться с молодежью, часто проводил лекции на краеведческие темы в школах, институтах.

ВСТРЕЧИ С ИНТЕРЕСНЫМИ ЛЮДЬМИ

А самое интересное – это встречи. Ах, какие они были чудные и интересные! О нескольких из них я вам расскажу.

* * *

Из обкома партии звонят:

- В гостинице «Россия» в люксе лежит Жаров Михаил Иванович.

Он приехал в Уфу, чтобы выступить в спектакле «Волки и овцы», но заболел. Была скорая помощь, подозревают воспаление легких и просят туда приехать. Я собрался и взял с собой опытнейшего нашего врача Клавдию Васильевну Тимофееву. Мы приезжаем, стучим в люкс, открывает какой-то длинный, совершенно безволосый мужчина, ничего похожего на Жарова нету. Я говорю:

- Мы прибыли к Михаилу Ивановичу Жарову.

Он недовольно так:

- Ну, скажем, я Жаров.

- Разрешите пройти.

Проходим. Я объясняю, что перед ним главный врач такой-то больницы и заведующая терапевтическим отделением, что мы хотели бы его посмотреть.

- Ну, смотрите!

Смотрю на него и думаю: где же он, король санкт-петербургского бильярда, где этот Жаров, мой любимец? После трилогии о Максиме я в восторге от него был. Да еще по военным киноборникам запомнил. Его Клавдия Васильевна посмотрела, а потом говорит:

- Владимир Анатольевич, вы его послушайте.

Я его тоже всего обслушал со всех сторон, горло посмотрел и говорю:

- Клавдия Васильевна, а пневмонии-то здесь нет, никакого воспаления легких.

- Правильно, я только об этом вам хотела доложить. Здесь острое респираторное заболевание.

Я говорю:

- Сейчас пришлем отоларинголога из поликлиники. Он с сестрой приедет, смажет и сделает противогриппозный гаммо-глобулин.

А потом оборачиваюсь к нему и говорю:

- Михаил Иванович, а когда спектакль?

- Спектакль послезавтра.

- Вы будете выступать, я надеюсь.

И вот в этот момент он как-то по-жаровски бросил:

- Вот это доктора!

После того как он это произнес, он вскочил и начал извиваться перед моей старушкой Клавдией Васильевной, накинул ей пальто. Боже мой, король Санкт-Петербургского бильярда передо мной! Хоть и весь лысый, но это Михаил Жаров. Вот такая произошла встреча.

* * *

Однажды в кабинет заходит женщина, а я знал, что в Уфу приехала Клавдия Ивановна Шульженко, я ее сразу узнал.

- Можно к вам, Владимир Анатольевич?

Видно, она перед дверью на табличке прочитала имя и отчество. Говорю:

- Проходите, Клавдия Ивановна.

Она проходит.

- Садитесь, пожалуйста.

Я встал, когда женщина входила, и не сел, пока она не села.

- Вы знаете, я с какой просьбой? Я очень утомляюсь во время концертов.

Я вижу: она уже немолодая.

- И вот после концерта мне надо принять несколько капель кардиамина, но я его с собой не взяла, а в аптеках товарищи, которые сопровождают меня, найти не могли. Не поможете ли вы?

- Ну, что вы, Клавдия Ивановна, конечно.

Звоню по внутреннему телефону старшей сестре:

- Быстренько два флакона кардиамина.

Сестра приносит.

- Ой, как вы любезны!

Она встает, знаки признательности какие-то проявляет. Я вокруг нее пляшу вовсю.

- Как вы сразу меня узнали!

- Ну, как же! Я с юности помню вашу Челиту и Креолку.

Тепло прощаемся. Она оставила мне билет на свой концерт, но я им воспользоваться не смог.

* * *

Наиболее интересной была встреча с Олегом Константиновичем Поповым. Он прибыл со всей своей группой в Уфу. И вот опять же мне звонят, что была скорая помощь, Олег Попов в гостинице

цирка лежит довольно серьезно больной, и просят меня принять меры. На этот раз я поехал один. Я уже себя как врач чувствовал довольно уверенно, Клавдии Васильевны для страховки уже не нужно было. Я приехал, нашел его в небольшом таком номере. Он один, очень хмурый сидит. За все свои 47 лет работы врачом я ни разу не видел, чтобы больные обращались к нам с радостью. Больной есть больной: он всегда тревожен и по-разному эта тревога у него проявляется. Я его внимательно послушал: действительно, пневмония. Есть признаки самого начала этого заболевания. Я ему говорю, что надо ложиться в больницу. Он говорит:

- Как же, ведь цирк будет стоять! Люди без работы, я же подвожу всех, потому что стержнем всех этих выступлений является Олег Попов. Без меня они ничего показать не могут.

Я ему говорю:

- Вы меня тоже правильно поймите: от того, что вы с температурой сорок будете лежать на арене, народ хохотать не будет.

Получился такой довольно серьезный разговор. Я его взял в машину и привез к себе в больницу. Дело было под Пасху. Прежде всего мне пришлось буквально через сутки около дверей Олега Попова сначала санитарку посадить, а потом просто ставить стул, потому что, как узнали, что здесь лежит Олег Попов, все больные стали без конца заглядывать в его палату. Было бесполезно объяснять, что он болен. Пришлось закрыть к нему допуск. Утром прихожу его посмотреть, и что он делает: он куриные яйца разрисовывает такими чудесными мордочками. Оказывается, он прекрасно рисует и решил сделать санитаркам и сестрам пасхальные подарки. Собеседником он был еще более обаятельным, чем в своих выступлениях на арене. Он изумительно остроумный рассказчик. Не острослов, а острого ума человек. Пролежал он у нас почти целый месяц. Каждый день мы с ним встречались. Он подружился с сестрами. Как мне говорили сотрудники больницы, он ко всем был настолько добрым, что, когда он уходил, было жалко с ним расставаться. И перед самым уходом он зашел к старшей сестре Марье Яковлевне, бывшей фронтовичке, большой умнице, и говорит:

- Марья Яковлевна, я недавно приехал из Франции и привез бутылку коньяка «Наполеон» 0,75. В Москве даже такой не продают. Завтра хочу Владимиру Анатольевичу подарить.

Она ему:

- Ну, если вы хотите испортить с ним отношения, то попробуйте сунуться.

- Что, не примет?

- Не только не примет, а обидится. У нас это не принято.

- А что он может принять?

И она возьми и скажи, что он может принять книжку с автографом автора, но не купленную; небольшой этюд художника, если тот нашел нужным подарить. Таких картин у нас в больнице полно: домой он редко уносит, а книги берет.

На следующий день идет оперативка, и вдруг дверь открывается, в желтом пиджаке и полосатых брюках влетает Олег Константинович, как солнышко ярко улыбающееся, разворачивает безмолвно перед собою большущий календарь, на котором изображен он, лежа на животе, с головой, подпертой руками, а впереди белая собачка. И на фоне этой собачки фломастером написано: «Другу моего здоровья Владимиру Анатольевичу Скачилову от народного артиста Олега Попова».

Позднее мы в уфимском цирке два раза встречались. И было неловко, когда он узнавал меня в зрительном зале, по окончании всего действия высовывал свою физиономию в отверстие занавеса, протягивал руку и прямо тебе показывал пальцем: «Иди сюда!». Вся публика начинала на тебя смотреть, и уйти было неудобно, и быть на всеобщем обозрении было не очень приятно. От него я узнал, что он собирает и реставрирует антикварные вещи и самовары. Когда мы в первый раз попали к нему в артистическую, он заканчивал реставрацию старинного кресла. Он заставил каждого из нас сесть в это кресло. И действительно, как сядешь, все твои мышцы и суставы отдыхают, а он радостно улыбался.

* * *

Бывали и казуистические встречи. Однажды к нам в больницу привезли члена делегации не то из Кении, не то из Нигерии... Не знаю. Но настолько черный негр, что стопроцентная чернота была! Мы его положили в отдельную палату и няне наказали, чтобы она ему помыла ноги, поскольку от него шел неприятный запах. И вот через некоторое время смотрим: няня вылетает, глаза у нее на лоб:

- Владимир Анатольевич, а он линяет, негр!

Я обалдел вначале. Потом, когда догадался, захожу - действительно, в тазу такая же черная вода, как и он сам. И этот случай житейский остался в памяти.

Я очень жалел и сейчас жалею, что не было магнитофона, когда он мне был нужен, особенно во время дежурства. А дежурил я постоянно затем, чтобы контролировать больных: как их лечат, как обслуживают. И в какой-то степени это был пусть маленький шаманский метод: когда главный врач дежурит, у моих пациентов складывалось впечатление строгого контроля.

ПОДВОДЯ ИТОГИ

Меня и сейчас мучает совесть за то, что не всегда мог отстоять хороших врачей от несправедливых действий начальства. Вот, два врача было замечательных: Алексей Сергеевич Луканин и Евгения Васильевна Ляпустина. Луканин, хирург наш, начал хирургическую деятельность в больнице. Заставили его убрать, и я отстоять не мог. Не мог никак. Он и сейчас работает заведующим хирургическим отделением в 6-ой больнице. Ляпустина была главным терапевтом в бытность моей работы в горздравотделе. Она – участница Великой Отечественной войны. Два ордена Отечественной войны и орден Октябрьской революции – они сами за себя говорят. Это замечательный был терапевт и хороший человек, но я увидел, что сколько бы я ни бился, отстоять я ее не смогу (видно, где-то наверху кому-то она не понравилась). Была точная команда, и взвалили мне объявить о том, что они освобождаются от работы в нашей больнице.

Из нашей больницы вышли такие главные врачи в последующем, как Михаил Георгиевич Мочалов, Иван Иванович Шкуратов – будущий главный врач 14-ой больницы, Азат Хабибьянович Ямалов – главный врач поликлиники филиала Академии наук, Радик Ахметович Гайнетдинов, Брек Ахметзянович Байков (потом ушел ассистентом на кафедру хирургии).

Больше всех доставалось, прямо вам скажу, это, конечно, моему заму Радика Ахметовичу Гайнетдинову, с которым я проработал более половины лет в больнице № 1. Хоть он сейчас и говорит, что скачиловскую школу прошел и благодарен мне, но, как и всякому заму, ему, бедному, доставалось больше всех. Обладая вспыль-

чивым характером, я иногда позволял себе очень злые замечания. Язык мой намного злее, чем я по натуре своей. Как я говорю: злое слово – это пуля в сердце. И вот, эти пули, выпущенные моим языком, попадали в него. Правда, если я позволял себе это в публичной обстановке, то на следующий день я публично перед ним извинялся, хотя от этого, может быть, ему не было легче.

Были и другие. Например, Анатолий Сергеевич Карпов – молодой врач, пришедший в самом начале моей деятельности в нашу больницу. Он без конца бегал ко мне за советами. Консультации ему я давал, и постепенно он вырос в самостоятельного прекрасного специалиста. Ему тоже доставалось от меня, потому что мне хотелось изменить его характер. Но это был напрасный труд, поскольку характер закладывается значительно раньше. Я его глубоко уважал и сейчас уважаю этого специалиста.

Вот на этом мне и хотелось закончить, потому что ушел я из больницы № 1 Минздрава БССР 8 мая 1984 года.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Т.В. РОМАНКЕВИЧ

Уход на пенсию, как и на многих других людей, подействовал на Володю угнетающе. После бурной административной и общественной деятельности трудно было смириться с вынужденным «отдыхом». Кроме того, незадолго до этого он перенес инфаркт и еще плоховато себя чувствовал. Были даже периоды, когда любимые книги, картины, архивные материалы стали терять свою притягательность. В силу своих физических возможностей я делала все, чтобы вывести его из этого состояния депрессии. По утрам ходили на прогулку в лес, днем – в музей или в кино, вечерами – в театр или на концерт. Но оживлялся он ненадолго, часто лежал, сидел бездумно у телевизора.

Случайно я узнала, что на территории 21-ой больницы открывается медицинское училище по повышению квалификации средних медработников, и убедила его пойти туда на работу. Приняли его охотно. А он, прекрасно понимая, как много своих знаний, своего опыта может передать молодым медикам, с огромным желанием готовился к каждому занятию. Его лекции захватывали слушателей, заставляли думать об ответственности и значимости медика,

были насыщены необходимыми советами, пожеланиями и часто заканчивались аплодисментами учащихся.

Он никогда не отказывал молодым преподавателям в помощи, тактично давал те или иные рекомендации. Коллектив в училище был в основном молодой, очень дружный, хороший, в него Володя вошел как в родной дом и скоро стал душой сотоварищей.

* * *

В 1986 году мы узнали, что в деревне Загорское Иглинского района (родина матери Володи, там он часто бывал школьником на каникулах у родственников) продается дом, владельцем которого был когда-то Иван Васильевич Светлаков – Володин дед. И он загорелся мыслью приобрести его. Они поехали с сыном, потом свозили меня. И вот мы владельцы небольшого домика у заросшего пруда на задах деревенской улицы. Небольшой огород, на нем две молодые лиственницы, старый замшелый колодец. А дальше за оградой из жердей необъятные луга, поля, перелески – тот простор, что был близок его душе. За оврагом густая роща на кладбище, где похоронены бабушка и дедушка, тишина и чистейший воздух, наполненный ароматом полевых цветов, стремительно летящие в небе ласточки, даже огромные стаи галок – все вызывало чувство покоя, умиротворения и радости.

Он сам подремонтировал дом, оштукатурил стены, побелил, выровнял пол. Выкопали колодец и стали жить здесь все летние месяцы. Приезжали дети, внуки, кипела жизнь.

Утром Володя вставал рано: поработает в огороде, потом сидит на крылечке, покуривает, на плече белоснежная кошка Мотя, на коленях любимец – кот Рыжик. То и дело я слышу:

- Таня, смотри, скворчата вывелись, пищат!

Или:

- Посмотри, кукушка на забор села. Я ее раньше никогда не видел, думал она маленькая, а она довольно крупная.

Он любил землю, все время что-то копал, полон, пересаживал. Видно, сказывались давние крестьянские корни.

Но если бы только это!

В деревне не было никакого медпункта, ближайший за пять километров в селе Балтика. За любой медицинской помощью, даже ночью, жители деревни бежали к нам. Мы привозили с собой из

Уфы увесистую аптечку и все необходимое для экстренных случаев (позднее нам стали присылать часть лекарств из медпункта Балтики).

Володя лечил сердечных больных, вскрывал различные гнойники, зашивал раны, отправлял при необходимости в больницу. На мою долю детского врача доставались больные дети, их тоже было немало. Каждый год, когда мы приезжали на лето, нас встречали радостные жители деревни: «Вот наконец-то приехали наши доктора! Теперь и болеть не страшно». И это было все девять лет.

Так он к концу жизни вернулся в свое Загорское – на родину предков. Уезжая последний раз из деревни и, видимо, чувствуя себя уже плохо, он тепло распрощался с соседями, поклонился на все стороны и сказал, повернувшись в сторону кладбища: «Я бы хотел лежать здесь».

Но это его желание не удалось выполнить – умер он в середине зимы, в деревню не было проезжей дороги.

И все-таки сердцем он остался там, в Загорском, где жили его деды, его мать, и где он провел последнее свое лето.

Все возвращается на круги своя.

*Мой дорогой! Ты, словно дуб могучий,
Нас всех поддерживал своею доброй силой.
Какой же страшный и нелепый случай!
Как глубока, черна твоя могила!
А мы живем. Живем в тоске и муках,
Храня тебя в своих воспоминаньях.
И для меня, и для детей и внуков
Ты остаешься эталоном подражанья.*

Т. Романкевич. Февраль 1996 года.

Татьяна РОМАНКЕВИЧ

Татьяна Владимировна Романкевич (1923-2008) родилась 12 января 1923 года в Уфе в семье известного уфимского хирурга-морфолога, одного из организаторов Башкирского мединститута и станции переливания крови Владимира Михайловича Романкевича (1889-1966) и активной участницы революционного движения в России, соратницы М.В. Фрунзе, учёного-гидробиолога Сусанны Альбертовны Дамской (1889-1929). Рано оставшись без матери, Татьяна Владимировна воспитывалась отцом. Училась в Галановской гимназии, а затем в 3-ей школе, по окончании которой в 1940 году поступила учиться в Коммунистический институт журналистики в Ленинграде. Несмотря на блестящие способности к журналистике, учёбу пришлось прервать весной 1941 года из-за начавшегося туберкулёза. В 1942 году Татьяна Романкевич поступила на лечебный факультет в Башкирский мединститут. Здесь она познакомилась со своим однокурсником и будущим мужем Володи Скачиловым (1923-1996). В 1947 году после окончания мединститута они поженились и уехали работать в сельскую больницу Кармаскалинского района БАССР. В 1949 году в селе Алайгирово у Татьяны Владимировны родилась дочь Сусанна. В 1951 году молодых врачей перевели на работу в посёлок Ново-Александровка города Черниковска в больницу № 4 МСЧ треста № 21. В 1953 году у Скачиловых родился сын Михаил. С 1957 по 1961 годы Татьяна Владимировна работала зав. отделением детской республиканской больницы г. Уфы. С 1961 года до ухода на пенсию в 1973 году Татьяна Владимировна работала врачом детского ревматологического санатория г. Уфы, помогая отцу и мужу в их нелёгком служении на ответственных медицинских постах. Она была незаменимым другом и помощницей своему мужу в сборе и обработке материалов по истории здравоохранения Башкирии. Трудно переоценить вклад Татьяны Владимировны в развитие башкирского краеведения. И дело не только в её великолепных, хотя и немногочисленных, статьях по истории родного края. Думается, что без её действенной и вдохновляющей поддержки было бы трудно обойтись составителям четырёх, теперь уже легендарных краеведческих сборников («По тропам былого», «Поиски и находки», «Сохраним выцветшие строки», «Живая память») М.Г. Рахимкулову и В.А. Скачилову. После

смерти мужа в 1996 году Татьяна Владимировна продолжила его дело. В 1998 и 2003 годах она дважды опубликовала собранные ею по крупицам мемуары В.А. Скачилова «О прожитом, пережитом». В книгу «Татьянино детство» (2010), составленную её родными и близкими, вошли стихи и рассказы Татьяны Владимировны, а также фрагмент её собственной биографии, охватывающий первые 13 лет её жизни в Уфе. Татьяна Владимировна до конца жизни оставалась душой своей семьи, талантливой журналисткой и замечательным человеком. Скончалась после тяжёлой и продолжительной болезни в октябре 2008 года. Похоронена в Уфе.

МОИ РОДИТЕЛИ

Прежде всего, я хочу рассказать о своих родителях. Они были людьми неординарными. Отец родился в городе Гродно. Его отец был военным (в чине капитана). Где уж он служил, я не знаю. Его отец был белорус, уроженец Гродно. А мать – русская, домашняя хозяйка. В семье у них было четверо детей: три мальчика и одна девочка. Старший мальчик учился потом на правоведа. Мы потеряли с ним связь во время гражданской войны. Думаю, что он ушёл, наверное, с белыми. Вторым был по возрасту мой папа – Володя. Третьим – Миша. Он тоже учился в каком-то благородном пансионе, не кончил, конечно, к сожалению, из-за войны, и всю жизнь потом работал простым бухгалтером. А сестру я даже ни разу не видела, и от нашей семьи она была очень далека: жила где-то в Петербурге. Отец сначала был отдан в реальное училище. После реального училища переведён в морское по желанию деда. На четвёртом курсе морского училища, будучи уже гардемаринком, выпускником, можно сказать, он совершил на корабле плавание вокруг Африки и Индонезии. Очень хорошо знал южные страны, все их обычаи, поскольку побывал в них. Но по окончании плавания сразу подал прошение об отставке и ушёл из морского училища. А основание было такое: очень жестокое обращение с младшим персоналом. Он не переносил, когда били матросов. За то, что он ушёл из морского училища, он был изгнан из семьи. Семья от него отказалась. И больше никогда не встречались. Но поскольку он окончил почти четыре курса морского училища, он поступил на третий курс Петербургской военно-

медицинской академии. Но опять проучился год, и через год его исключили за связь с революционерами по политическим убеждениям. Он поехал в город Тарту. Там тоже был медицинский институт, причём хороший. Его взяли. Но он опять проучился несколько месяцев и за связь с революционно настроенными людьми и распространение запрещённой литературы был исключён. Хорошо, что ещё не посадили. Началась империалистическая война. И во время этой войны его как приват-врача (не закончившего учёбу, но уже имеющего медицинские знания) забрали в армию. В армии он пользовался довольно большим успехом. Когда началась революция, он сразу же перешёл на сторону красных и попал в 100-й Уфимский полк. Вот с этим полком он с боями дошагал до самой Уфы. И так в Уфе остался. Здесь демобилизовался. Там он был старшим врачом полка. Здесь он занимался в основном хирургией, теоретическими вопросами, преподавал в медицинском техникуме. Провёл здесь уже всю основную жизнь от приват-врача до профессора. В 1920 году он уже был знаком с мамой. У них была девочка. Девочка эта потом умерла. Работал он в Уфе хирургом, преподавал теоретические дисциплины. Вместе с профессором Терегуловым ему была поручена организация Башкирского медицинского института, в котором он организовал ряд кафедр и работал до последних дней жизни. Был организатором станции переливания крови в Уфе. Во время Великой Отечественной войны был главным хирургом Башкирии. Умер папа в 1966 году в Уфе, и здесь похоронен.

О маме я знаю очень мало, потому что, когда она умерла, мне не было ещё шести лет. Уже после смерти отца, разбирая кое-какие его документы, я нашла очень много свидетельств о её связи с Фрунзе. Оказывается, будучи гимназисткой, она работала в гимназических кружках, читала лекции рабочим, арестовывалась, сидела, и была одним из организаторов революционной работы среди гимназистов в Шуе. Там даже был стенд, посвящённый ей. Володя ездил, смотрел. Сейчас, наверное, уже ничего нет. Мама работала гидробиологом в Уфе и тоже преподавала теоретические дисциплины в медтехникуме. Была у нас такая совпартшкола. Она преподавала там биологию, анатомию, поскольку она знала эти дисциплины. Умерла она в 1929 году от туберкулёза совсем молодая. Похоронена она в Уфе, но могила её потеряна.

Я хочу ещё сказать, что у матери моей была старшая сестра, которая окончила медицинский факультет в Берне в Швейцарии. Мать у неё тоже была врачом и приложила все усилия, чтобы её туда отправить. С отцом они не жили тогда. Она окончила факультет и работала во многих местах. В частности, вышла замуж за какого-то коммерсанта и с ним уехала в Китай. И работала в Китае. Потом, когда начались все эти раздоры с КВЖД, их попросили выехать оттуда. Там они жили очень хорошо. У них было трое детей. Вот, наша Зоя, которая потом у нас воспитывалась, ещё старшая девочка и мальчик. Мальчик умер у них там, а девочки все живы остались. Они решили ехать в Уфу, поскольку нигде родных больше не было. Но, доехав до Челябинска, оба заболели (и отец, и мать) сыпным тифом в очень тяжёлой форме и буквально в один день умерли. Мама моя с бабушкой поехали в Челябинск. Младшая девочка родилась в 1919 году, совсем маленькая ещё была. И вот они этих двух девочек забрали, потому что они никому не нужны были. Младшую Зою мой папа удочерил: дал ей свою фамилию Романкевич. А старшую забрала тётка со стороны отца. Сестра, которая жила у нас, окончила школу. Папа заставил её окончить школу в Уфе, а затем врачебную школу. Она стала зубным врачом. Работала в туберкулёзном диспансере, но сама заболела туберкулёзом и умерла. Умерла она приблизительно в 1964 году. Она жила одна. Они всё хотели с сестрой объединиться, но не получилось.

В 1934 году отец мой женился на подруге матери, женщине очень хорошей – Евгении Николаевне Клобуковой. Она ботаник была. Эта женщина очень многое мне дала в воспитании, потому что я дикарём росла: у меня же не было матери, а отец был всё время на работе. Она следила за одеждой, за школой, заставляла заниматься музыкой и подбирала мне очень много книг для чтения. Я читала вразнобой: что попадётся, то и читаю. Она подбирала мне книги.

Когда отец заведовал кафедрами в мединституте, у него было несколько сотрудников, защитивших кандидатские и докторские диссертации. Потом я рада была: я вышла замуж, у меня семья была отдельная. А он женился, у него была очень хорошая, заботливая жена, которая заботилась о нём. Так что он брошен у меня не был. По-прежнему очень много читал. Единственное, о чём я жалею, отец забросил скрипку. Когда-то он хорошо играл на скрипке. Очень хорошо рисовал. У него были альбомы, где он рисовал не натуру, а ве-

ны шеи трупов. Там всё законсервировано, залакировано, и вот он полностью всё это срисовывал. Я жалею, что эти альбомы все растеряны. Работал он много. Он работал до последнего дня, можно сказать. У него была своя школа. Хава Сафиулловна Бикмухаметова, она умерла. Она после него оставалась заведующей кафедрой, работала несколько лет. Я не знаю точно: в каком году она умерла. Она старше меня года на три-четыре. Я как-то туда приходила, там уже молодое поколение. Но там везде висят его рисунки, сделанные им непосредственно из трупов муляжи. Всё, ведь, это консервируется, потом красится, лакируется. Иногда он до позднего вечера сидел в мастерской. До сих пор у него на кафедре висят его фотографии, его высказывания. В мединституте на кафедре организации здравоохранения прямо в коридоре висит его большой портрет, как одного из организаторов мединститута. Там портрет Терегулова, ещё кого-то, я не помню, но он висит до сих пор. Когда отмечали 50-летие института, меня даже специально водили показать.

- Да я уже видела.

- Ну, иди, посмотри.

Кандидатскую он практически не защищал. Он был в Омске, работал там как кандидат, и ему там присвоили звание кандидата без защиты, но потом прислали всё-таки бумажку. С докторской он очень долго возился. У него очень трудная тема была, связанная с яремными венами шеи, что имеет большое значение при операциях. На грудной клетке можно анестезировать хорошо, если правильно подойти к этому вопросу. Руководитель у него был Шевкуненко из Москвы. Отец к нему ездил, показывал. Тот говорил: «Хорошо, хорошо». В один прекрасный день слышим: Шевкуненко сняли. В общем, он попался на каком-то деле, и с этой должности профессора-консультанта его убрали. И вся работа, проделанная папой в течение 10-12 лет, пошла насмарку. Не годится. Переделывать надо. Он переделал всё и потом защитился в Рязани. Защитился блестяще, говорят. Был очень доволен.

Ещё он занимался краеведением, и меня втянул в это дело. Я помогала ему собирать эти краеведческие сборники, помогала в оформлении газетных статей. В этих сборниках есть материалы о моей маме, вся её жизнь. Владимир Михайлович ездил в Москву, захал в Шую, где работала мама, и где они с Фрунзе организовывали всю эту работу. Там был музей имени Фрунзе и огромный стенд, по-

священный маме, с её фотографиями. У нас переписка была с ним довольно тёплая. Они запрашивали фотографии, я им послала какие были. Сейчас, я думаю, этого нет.

И самое последнее. Когда была война во Вьетнаме, отец говорил:

- Эх, вот связан я институтом, не могу бросить: это моё детище. Если бы не это, я бы уехал во Вьетнам. Я бы помогал, потому что я войну прошёл и знаю как надо себя на войне вести, как нужно раненых обслуживать.

Тогда ему было уже шестьдесят лет с лишним.

- Папа, ты что?

- Вот тебе и что. Поехал бы. Здоровье у меня ещё ничего, но вот я не могу из-за института.

Буквально за два года до смерти он вступил в партию. Я говорю:

- Почему ты раньше не вступал?

- Ты знаешь: какая-то неустойчивость, колебания, вот эти всякие взрывы, аресты. Это меня сбивало с толку. Только соберусь, опять смотришь: полетел человек абсолютно хороший, нужный.

Он вступил в партию по убеждению. Вот после этого его и наградили орденом Ленина через некоторое время. Но где теперь этот орден? Я пытаюсь дозвониться его приёмному сыну, но его не поймашь. Он работает проводником, всё время в поездках, дома никого нет (он не женат). Может, у него хранится? Может, не вручался? Но объявление об этом было опубликовано, когда папа слёг. Поэтому я думаю, что ему ничего не вручали.

Папа похоронен недалеко от входа на Сергиевское кладбище. Памятник у него очень простой, но эмблему я ему сама придумала. Поскольку он был раньше моряком – книга, на ней якорь. По этой эмблеме можно найти его. Отделано золотом. Правда, золото украли там, соскоблили часть. Но Миша ездил в прошлом году, они там выровняли немножко покосившийся памятник, выложили там всё плиткой вокруг, чтобы не было сорняка. Я-то уж в прошлом году не смогла поехать, мы только в позапрошлом году с ним съездили. Я говорю:

- Миша, давай что-то делать при жизни: нас не будет, никто не приедет. Они, наверное, не знают, где он похоронен.

На похоронах, помню, было очень много народа, очень много выступлений, много речей было, директор был института Иксанов тогда. Отзывался о нём очень хорошо:

- Я считаю, что он является основателем института. Что говорят там: «Терегулов, ещё кто-то»? Терегулов как сел на свою терапию, так и всё. А Владимир Михайлович пять кафедр организовал. Проработает на одной кафедре, нашёлся человек, который может его заменить, тут же: «Ставьте его, организуйте следующую кафедру». Открывают новую кафедру, которой ещё не было. Институт только организовывался. И дошёл до оперативной хирургии. На кафедре оперативной хирургии он проработал всю оставшуюся жизнь.

ДЕТСКИЕ ГОДЫ

Самые ранние воспоминания детства относятся к 4-5 годам. Ещё жива была мама (она умерла, когда мне было шесть лет). Она очень много работала, часто до позднего вечера, так как преподавала и в медицинском техникуме, и совпартшколе. Мы с моей приёмной сестрой Зоей (старше меня на четыре года) оставались целыми днями с молоденькой смешливой няней Симой, которая играла с нами в куклы и варила овсяную кашу.

Хорошо помню, как мама рассказывала:

- Иду поздно вечером с работы, темно-темно, вдруг за мной громкие шаги и постукивание по тротуару палкой: тук-тук. Я быстрее иду, и шаги за мной ускоряются. Уже почти бегу и всё думаю: вдруг сейчас ударят меня, убьют, как же будут жить мои девочки? Добежала до ворот, захлопнула за собой калитку, сердце так стучит, что дальше идти не могу, сажусь на землю, еле-еле прихожу в себя.

В пять лет я тяжело болела скарлатиной, видимо, было осложнение, долго не разрешали ходить, и меня, уже такую большую, папа, придя с работы, носил вечерами по комнатам, и от него всегда терпко пахло йодом – он был хирургом, много оперировал, кончики пальцев были бурыми от частой обработки йодом.

Я была страшно упрямая и непослушная, но, видимо, всё можно было сделать со мной лаской. Только бесконечно добрая и терпеливая мама могла заниматься со мной музыкой. Учительница музыки, приходившая к Зое, справиться со мной не могла. Но я охотно учила

в группе детей немецкий язык, быстро овладела необходимым запасом слов и свободно болтала. Позднее, когда в 5-м классе начали изучать немецкий язык, мне уже учить, кроме грамматики, было нечего. К сожалению, без постоянной и систематической тренировки язык потом был забыт, хотя какой-то запас слов оставался и был полезен мне в институте.

Где-то после 4-х лет начала сама незаметно читать, видимо, от скуки стала решать задачи вместе с сестрёнкой Зоей – второклассницей. И родители с удивлением заметили, что я уже свободно манипулирую двузначными числами, умножаю, делю углом и знаю в разбивку таблицу умножения.

И всё-таки по характеру была своенравна, драчлива, как говорила няня Сима – «своебышна», верховодила сверстниками во дворе, лазила в соседние сады за яблоками, играла в лапту, «чижика», прыгала по сараям и приходила домой всегда с исцарапанными ногами и руками. Всё изменилось после смерти мамы. Я помню, что она была худенькая, всегда усталая, часто болела – у неё был тяжёлый порок сердца и туберкулёз лёгких. В кухне у нас стояла большая оцинкованная ванна, отец приносил в пакетах какие-то соли, и, растворив их в ванне, мама подолгу лежала в воде. Говорили, что это заменяет ванны Кисловодска. Время было трудное, голодное, и, конечно, мама не имела возможности подлечиться где-нибудь на курорте.

Осенью 1929 года она тяжело заболела. Воспаление лёгких, присоединившееся к её старым заболеваниям, надолго уложило маму в постель. Нас, детей, к ней не очень-то пускали, наверное, потому, что боялись заражения туберкулёзом. По утрам мы заглядывали в дверь комнаты, где она лежала, здоровались, мама слабо улыбалась, махала нам рукой, чтобы шли гулять.

Потом всё резко ухудшилось. В доме появилась тревога, суета, все ходили на цыпочках, шикали на нас. Круглые сутки в маминой комнате дежурили по очереди врачи – папины друзья, в столовой на столе всё время для них горячий самовар, бутерброды. Раз в неделю врачи собирались по 5-6 человек, видимо, были консилиумы. У мамы, как осложнение, появился пневмококковый менингит, от него в то время излечиться было нельзя.

В 40 лет она угасала, была безнадёжна, сдало сердце. Помню бесконечные вереницы серых кислородных подушек, которые всё время приносили студенты маминого техникума. Они её очень лю-

били, часто в эти дни дежурили у нас по ночам вместе с врачами, спали в столовой на стульях, в любое время суток бегали за кислородом и лекарствами в аптеку.

Мы были где-то в стороне, нас видела только заплаканная Сима, кормившая и загонявшая по вечерам с улицы. Иногда мельком встречался в комнатах осунувшийся, почерневший отец, который, видимо, и не замечал нас.

Всё кончилось 11 декабря. Нас с Зоей разбудили ночью и сказали, что маму увозят в другой город лечиться и нужно проститься с ней. Помню, мы пошли в мамину комнату, она лежала тихо, с закрытыми глазами. Мы, босые, в ночных рубашонках, не проснувшиеся окончательно, смотрели на всех со страхом. Кто-то сказал: «Поцелуйте маму в головку». И страшный крик отца: «Нет, не надо, не надо!».

Нас быстро увели, и я мгновенно уснула. Утром Зоя почему-то всё время плакала (она была уже десятилетняя и всё понимала), я утешала её, рассказывая, как маму везут в санитарном поезде на мягкой кровати, лечат. Как раз перед этим читала какой-то рассказ о санитарных поездах.

После чая Сима собрала нас и увела к нашим знакомым – Подъяковым, у них мы прожили несколько дней. Через 3-4 дня повели домой и, когда мы подходили к дому, какой-то мальчишка – мой постоянный соперник в играх и драке – закричал мне со злорадством: «Эй, Танька, твою мать похоронили!». Но его быстро прогнали, а меня увели, и я не придавала значения этому крику. Отца с тяжёлым нервным срывом положили в больницу. Мы остались с няней Симой, родных у нас в Уфе не было. Иногда навещали знакомые, студенты медтехникума, особенно мамина любимица Аня Феофанова. Все гладили нас по головкам, чем-то угощали, но я не любила этих нежностей и обычно, кое-как натянув валенки, шапку и шубейку, часто без рукавиц, убегала кататься на санках с горы по Спасской улице (теперь Ново-Мостовая).

Зоя снова ходила в школу, а для меня наступила полная воля – ни музыки, ни немецкого, целый день на санках, на лыжах. Прихожу домой вся в снегу, даже в сосульках, снимаю и бросаю у порога мокрую одежду и валенки, хватаю что-нибудь поесть, приваливаюсь на сундук и мгновенно засыпаю, крепко, без всяких сновидений.

Вернулся отец, похудевший, молчаливый, начал снова работать. Но дома было пусто, одиноко, неудобно. Душа из семьи ушла.

Летом 30-го года нас с Зоей (как контактировавших с больной туберкулёзом мамой) поместили в детский туберкулёзный санаторий. Он находился за городом, где-то за теперешним Госцирком. Помню, что папа вёз нас туда на взятом у знакомых велосипеде: Зою впереди на раме, а меня на багажнике.

Санаторий – один большой барак, разделённый перегородкой с дверью – одна часть для девочек, другая для мальчиков, в дверях пост дежурной медсестры. На пристроенной открытой веранде – столовая, кормят по тем временам обильно: каждый день манная каша, какао, в обед мясные блюда, хлеб в избытке. В другом небольшом бараке жили врачи и весь обслуживающий персонал. В стороне хороший просторный солярий с душем, солнечные ванны голышом строго по минутам. Регулярно водили в баню, давали всегда чистую смену белья: трусы и ситцевую рубашечку. Больше ничего не носили. Бегали в основном босиком, но вечером, перед сном, в дверях стояли дежурные, заставляли обязательно мыть ноги в корытах. Были кроме медперсонала вожатые, они занимались с нами: пели, играли, ходили в походы, иногда вечером разводили огромный костёр, сидя около него пели или слушали какие-нибудь интересные рассказы. Как-то ходили отрядом в поход, босиком, в одних трусах, по тропке спустились в овраг. Там ручеёк, и над самодельным мосточком свисает огромное, величиной с ведро, осиное гнездо. Кто-то из озорников бросил в него палкой. И вот мы мчимся в разные стороны от разъярённых ос, а они жалят нас нещадно. Еле-еле добрались до реки, бухнулись в прохладную воду. Потом красные, опухшие, многие с рёвом и стонами побрели окружной дорогой в санаторий. До сих пор удивляюсь, как никто из нас не погиб от аллергического шока, и всё обошлось благополучно.

В августе, предварительно списавшись, отец увёз Зою в Ярославль к её тётке по отцу, и там она прожила до 35-го года. Сам же отец подал в ординатуру по хирургии в Омский медицинский институт и был принят. Летом 30-го года в нашу квартиру переехала семья старых знакомых Подъяковых – Татьяна Александровна с детьми Мишей и Люсей (оба старше меня) и старенькой няней. Они поселились в двух больших комнатах, а в маленькой осталась я с няней Симой. Отец договорился о моём питании, уплатил деньги,

уговорил остаться Симу и уехал, предварительно 1-го сентября отведя меня во второй класс Галановской школы (сейчас старое здание медицинского института по улице Фрунзе).

Для меня настало трудное время: дома без конца дразнили, щипали и толкали ребята Подъяковы, ворчала старая няня, усмотрев во мне испорченного ребёнка, крайне скромно, если не сказать больше, кормили и, конечно, совершенно не интересовались моей жизнью. Постепенно выжили мою заступницу – няню Симу, она уехала к родителям, в мою комнату пустили квартирантов, меня поместили в прихожей на сундуке. Уроки я готовила на кухне, второпях, стараясь скорее удрать на улицу. Но старая няня Подъяковых зорко следила за мной, заставляла мыть посуду, мести пол, приносить воду из колодца. Как-то зимой, когда в колодце по стенкам намёрзло много льда, с трудом зачерпнула полведра воды, поскользнулась по дороге, упала, всю воду пролила. Села на крыльцо и горько заплакала, впервые отчётливо поняв, наконец, что у меня нет никого, некому пожалеть, нет мамы, и где-то далеко в Сибири отец, изредка присылающий открытки.

СОЛЁНЫЙ ХЛЕБ

Это было в 30-м году, голодном, трудном для многих людей.

Я ходила во второй класс школы. Жила у чужих людей (мама умерла, отец уехал работать в Сибирь), им до меня не было никакого дела. Жила я как приبلудный щенок из милости.

Утром вставала затемно, надевала из одежды всё, что было тёплого, находила на кухне на ощупь или варёную вчера картошку, или блюдце с овсяной кашей, торопливо ела и, сунув ноги в разбитые валенки и накинув драную шубейку, бежала в школу. Пройти нужно было 4 квартала. Улицы тёмные, безлюдные. Но вот и старое здание бывшей гимназии, по крутой лесенке забираюсь на второй этаж, захожу в пустой класс и сажусь за свою парту. Постепенно подходят другие ребята, усиливается шум, прерванный звонком и приходом учительницы, начинается урок.

Мученья мои приходят после второго урока, когда уборщица вносит большой чайник с горячим чаем и поднос с хлебом.

Все ученики в начале месяца платят деньги за питание, я составляю исключение, у меня денег нет, а моим опекунам не до меня. Искоса поглядывая на своих соучеников, я стараюсь уткнуться в какую-нибудь книгу, но аромат свежего хлеба невольно вызывает обильное слюноотделение и обостряет чувство постоянного голода.

И вот однажды кто-то из учеников не пришёл в школу, и учительница Елена Ивановна подозвала меня и протянула ломоть хлеба и кружку чая. Хлеб был серый, пушистый, мягкий, с удивительным запахом. Как голодный зверёк, я схватила этот хлеб. Откусила сразу большой кусок, с трудом прожёвывая, и одновременно из глаз у меня хлынули обильные слёзы – то ли от чувства восторга, то ли из благодарности. Слёзы капали на хлеб в руке, я с жадностью ела этот уже солёный хлеб, запивая горячим сладким чаем, а учительница гладила дрожащими руками меня по голове и молчала.

С этого дня мне стали давать завтрак постоянно, я думаю, что платила за него Елена Ивановна, хорошо знавшая моё положение в чужой семье. А я, наверное, никогда даже не поблагодарила её, никто не подсказал мне, что надо было это сделать.

Но даже через 70 с лишним лет мне вспоминаются печальные глаза старой учительницы, и этот удивительно вкусный, мягкий солёный хлеб.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ОТЦА

Так жилось мне почти два года. Потом вернулся отец и отшатнулся от меня при встрече, увидев худую, лохматую, одичавшую девчонку.

Жить было негде, квартира была занята. Отец снял частную комнату у своего знакомого на Октябрьской улице. Комната маленькая, тёмная, единственное окно упирается в каменную стену – брандмауэр. Хозяйка очень строга, предупредила, чтобы «девочка не шумела, не ходила по квартире», но раз в день обещала за дополнительную плату кормить меня обедом.

На кухне большая русская печь, на ней живёт старый худой дед – то ли отец, то ли свёкор хозяйки, его держат в чёрном теле. Днём нас с ним кормят здесь же на кухне обедом из одной плошки, дают

по большому ломтю хлеба. Дед, забитый, прокуренный, меня жалеет, всё время говорит: «Таскай гуцу-то из супа, тебе расти, а мне и водички хватит». С ним мы дружны. Он учит меня играть в шашки и удивляется моей бестолковости. А я уже умею неплохо играть в шахматы (отец как-то на ходу научил), играю в школе на переменах с мальчишками и однажды возвращаюсь домой с расквашенным носом, так как обыграла в классе всех противников. Но потом наступает мир, ребята признают мой шахматный авторитет, и в большую перемену, и после уроков со мной часто сражаются и школьники более старших классов.

Учусь ни шатко ни валко, хотя много читаю и пишу хорошие сочинения в школе, пытаюсь слагать слабые стихи.

Отец женился, и мы переехали к мачехе на улицу Свердлова. Здесь большая семья: мать мачехи, сестра с двумя сыновьями старше меня, тётка. Настроены все агрессивно, но у меня уже есть опыт, как защищать себя, и, кроме того, рядом отец. Мачеха моложе отца, крашенная блондинка, совершенно равнодушная ко мне.

Я хожу со Свердлова в школу на Пушкина (теперь это школа № 3), т. к. Галановскую школу переселили и часть классов передали сюда. Утром в любой мороз в 8 часов, закутавшись старым башлыком, в больших заплатанных валенках иду по безлюдным улицам. В школе никого. Сторож Алексеевич топит печи, ворчит на меня: «Ведь был гудок, не ходить по такому морозу ребятишкам. Эх ты сирота, сирота». Приносит жестяную кружку с кипятком, ржаной сухарь. Сижусь, греюсь, потом помогаю ему разносить дрова к печкам, усаживаюсь с дедом рядом, бездумно гляжу на огонь, а он что-то бурчит про себя, затягиваясь сигаркой. Когда рассветает, иду обратно домой, в прохладной комнате забираюсь с ногами на сундук и погружаюсь в книгу. Читаю всё подряд – Тургенева, Майн Рида, Неверова, Кольцова, Некрасова.

Мачехи нет: она уехала в Москву учиться. Время голодное. Утром отец будит меня в школу. Мы с ним богаты, у нас полмешка гречневой муки, отец каждый день разводит её в воде погуще и на рыбьем жире жарит мне на керосинке оладьи. От запаха немного мутит, но голод не тётка, всё съедается.

Днём в школе на большой перемене нас бесплатно кормят. У каждого в кармане или в валенке своя ложка, в физкультурном зале стоят деревянные неструганые столы и скамейки, дежурные заранее

расставляют миски с похлёбкой, ломоть хлеба каждому дают в руки у входа в дверях. Похлёбка мутная, иногда пересоленная, иногда сладкая от замороженной картошки, но съедается быстро. В зале плакат: «Когда я ем, я глух и нем». Поэтому относительно тихо, только слышен стук ложек и причмокивания. Счастье, когда дежуришь, тут уж миска с краями да и погуще, да и горбушка хлеба, а не ломоть. Но это бывает не так уж часто, кроме того, привилегия дежурств принадлежит старшеклассникам.

К вечеру отец идёт с работы, я встречаю его на углу улиц Пушкина и Карла Маркса. Здесь, в старинном красивом здании, в подвальчике столовая для научных работников. Мы, не раздеваясь, садимся к столу, отец съедает суп с хлебом, мне достаётся второе, иногда с мясом, а иногда и свёкольный кисель.

Отец занимается организацией Башкирского медицинского института, вечерами же, а то и ночами дежурит в хирургическом отделении больницы.

Вечером я одна при свете керосиновой лампы (электричество часто не горит) готовлю торопливо уроки и хватаюсь за книги. Или иду на кухню, где на широких полатях возле русской печки живёт какая-то нищенка с ребёнком, девочкой лет двух-трёх, с ней я играю. То ли от неё, то ли в школе заразилась чесоткой. Помню себя стоящей голышом на табуретке, а отец мажет меня вонючей серной мазью. Через несколько дней моет в корыте тёплой водой, но от меня всё равно так пахнет, что в школе все шарахаются в сторону. Потом уж отец упросил какую-то знакомую медсестру сводить меня в баню, и там меня дочиста отмыли да и остригли заодно свалявшиеся вшивые лохмы.

В те времена никто не одевался хорошо. Но на мне всё было такое старое, драное, застиранное, я выросла из старых платиц и пальто, и на улице ребята часто дразнили меня, хотя знали мой драчливый нрав и при первой опасности убегали под защиту матерей. Но если уж я ловила их, то дралась отчаянно руками, ногами, зубами, мне ничего не стоило разогнать 3-х – 4-х сверстников, а иногда и более старших ребят. За это меня дразнили «бешеной». И иногда матери пострадавших приходили вечерами с жалобами к отцу. Он молча выслушивал все нарекания, но никогда не ругал меня, видимо, понимая, что я дерусь для защиты.

Мачеха из Москвы не возвращается, по всей вероятности, наступил разрыв. Нас с отцом опять выгоняют из квартиры, здесь для

нас нет места. Перебираемся снова в старый дом по улице Пушкина, где жили ещё с мамой, но в другую квартиру, на первом этаже две маленькие комнатки, кухни нет, вход прямо со двора. С нами старушка Мария Ивановна, уже очень почтенного возраста, но она более или менее следит за порядком, готовит еду на маленькой плите в комнате и водит меня регулярно в баню. Я рада, так как снова попала в компанию своих бывших друзей по двору, уже подросших, но по-прежнему отчаянных и драчливых. В один из первых дней выхожу на улицу, мальчишки играют в бабки, девочек не принимают. Стою в стороне, наблюдаю. Вдруг один из играющих, Герка, мой старый недруг, кричит: «Танька, идём с нами играть!». Мальчишки заворчали, он прикрикнул на них, дал мне несколько бабок взаймы, битую. Сыграла несколько конов, но почему-то азарта не было, и в дальнейшем я в бабки не играла. Но по соседским садам с мальчишками по-прежнему лазила, вечерами проникали в сад Луначарского, против которого жила, смотрели на гуляющих и танцующих. Где-то с 6-7 часов вечера там каждый день допоздна играл чудесный духовой оркестр, и люди, особенно молодёжь, вереницей шли в сад, входные билеты были дешёвые, и все с удовольствием отдыхали в тенистых аллеях и у небольшого проточного озера с вековыми ивами по берегам, танцевали, смотрели на открытой эстраде выступления артистов. А мы в зарослях играли в сыщиков-разбойников, как обезьяны карабкались по деревьям и объедались яблоками-дичками.

Всё лето бегали босиком, в трусах. К школе отец по талонам приобретал мне парусиновые туфли, каждый год на размер больше, и дошёл до 39-го номера, да я, наконец, поняла, почему они хлябают на ходу. Удалось сменить их на 34-й, каковой ношу и до сей поры.

Лето кончилось. Пятый класс уже требовал больших усилий, чем младшие.

Все предметы я забрасывала, если мне попадалась интересная книжка. Читала запоем, до глубокой ночи, пока отец не отбирал у меня книгу. Помню, он принёс откуда-то старый, растрёпанный том «Графа Монте-Кристо». Книга состояла из отдельных листочков. И вот он мне в день давал только десять листов, и даже если слово прерывалось на половине, отец не сдавался, зная мою манеру чтения, и, несмотря на мольбы и даже слёзы, следующую десятку листов я получала лишь на следующий день. Так была прочитана вся книга.

Отец, в прошлом моряк, всегда любил речку, рыбалку. Со своим давним другом Петром Васильевичем Сухобоковым, строителем по профессии, они построили лодку, купили навесной мотор. Летом мы на выходные дни уезжали вверх по Белой с ночёвкой, а во время отпусков жили в шалашах на берегу по неделе и больше. Ловили рыбу сеткой и на удочку, варили уху, собирали дикую смородину и ежевику, которая в лесу по берегу росла в изобилии. Обычно с дядей Петей ездила его дочка Ия, моя одноклассница. Купались до посинения, к концу лета становились угольно-чёрными. Я научилась хорошо грести, обгоняя сверстников, здесь моим главным учителем был отец. Он всё мечтал завести ещё и парус и научить меня управлять им. Отец же учил меня по своему методу плавать, сбрасывая с лодки на середине реки. Я сразу шла камнем ко дну, и он вынужден был нырять за мной. Так продолжалось недели две, потом папа махнул на меня рукой.

В 5-м классе я заболела ревматизмом и более трёх месяцев пролежала в постели с опухшими суставами и высокой температурой. Лечил меня старый знакомый – Григорий Васильевич Голубцов, необыкновенно добрый и мягкий человек и прекрасный доктор. Мне он всегда напоминал доктора из рассказа Куприна «Слон». На всю жизнь запомнился тягучий звон в ушах от больших доз салицилки (тогда таким методом лечили), из-за него я длительное время не могла читать. Интересно, что в более раннем возрасте, несмотря на всю мою тогдашнюю неприкаянность, постоянное переохлаждение, недоедание, я совсем не болела. А тут слегла, и надолго.

Год учёбы у меня пропал, и на следующий год я снова пошла в 5-й класс, а так как раньше я была в классе самая младшая, то теперь я стала уже одноклассником своих одноклассников.

За время болезни я как-то повзрослела, остепенилась и стала более серьёзно учиться. Писала стихи, конечно, чаще плохие, аляповатые. Но постепенно, читая Пушкина, Лермонтова и особенно Некрасова, стала писать лучше. Это моё увлечение очень поддерживала преподавательница русского языка и литературы Нина Павловна Брешкова, осторожно критикуя, иногда похваливая, записала меня в литературный кружок старшеклассников, где к моему стихосложению отнеслись весьма снисходительно.

Школа постепенно становилась моим домом. Было много весёлых друзей, товарищей, меня любили за независимость, умение ла-

дить с ребятами и постоять за себя, за весёлый нрав и лёгкость общения.

Детство, трудное детство моё ушло. Наступила пора осмысления своих поступков, появилось чувство ответственности и огромная жажда познания окружающего мира. Наступила пора отрочества.

ШКОЛА

Из одноклассников запомнился Шура Фролов. Его тётка-математик была у нас классным руководителем. Но один раз он пришёл совершенно убитый. Оказывается, арестовали его отца и мать. Отец был заместителем наркома лесной промышленности. И он остался один на попечении этой тётки. Тётка его отстояла, не отдала им. Он окончил школу, уехал в Москву и поступил в какой-то московский институт. Ещё он меня провожал на вокзале, когда я уезжала в Ленинград. Но через несколько лет я услышала, что Шура погиб. «Что случилось?». Когда началось освобождение незаконно репрессированных, у него освободили мать. И он настолько тяжело это переживал, что бросился с пятого этажа в лестничный пролёт и разбился насмерть. Это вот Шура Фролов.

Друг его и мой друг – Юра Мещеряков. Они всегда меня по Пушкинской провожали. Он стал гидрохимиком. Прекрасно учился тоже, но он очень слабым по здоровью был. Он окончил вуз в Москве и работал там же. В каком году он умер, я не знаю. Но знаю, что умер.

Подруга была у меня – Зоря Утяшева. Училась очень слабо, сидела со мной за одной партой, одно время пыталась списывать у меня всё. Но у неё был хороший голос: на всех наших вечерах она выступала. Потом она окончила какой-то техникум и одно время работала в нашем оперном театре.

Ещё подруга была у меня – Фая Кульбекова. Очень серьёзная и спокойная девочка. Она окончила авиационный институт, работала в нашем кооперативном техникуме, но неудачная семья, сын – наркоман, дочка тоже наркоманкой стала. С мужем они разошлись (муж – алкоголик). И в конце концов она покончила жизнь самоубийством. Вот такая неудачная судьба. Но дочка её жива. Мы перезваниваемся, когда ей нужны советы. Она верит в меня.

Из учителей мне запомнилась Нина Павловна Брешкова. Это литератор, она вела наш литературный кружок. Она всегда меня выдвигала, говорила: «Таня, у тебя способности, не надо их зарывать». В литературном кружке были ученики 8-10-х классов. Она с 7-го класса заставляла меня печататься. Мы выпускали каждый месяц свой журнал. Между прочим, его оформляла Зоря Утяшева – она хорошо рисовала. Помещались мои стихи, некоторые писали рассказы. До конца нашего выпуска этот журнал выходил. Куда он делся? Я спрашивала об этом у директора школы на нашей последней встрече. Наверное, выбросили с хламом. Не берегут такие вещи.

В школе всё шло благополучно. Кое-что я печатала от нашего литературного кружка в «Комсомольце Башкирии». Была многие годы редактором школьной стенной газеты, начиная с 7-го класса. И как-то уже привыкли, что я занимаюсь литературой. В 3-ей школе очень хорошо была развита художественная самодеятельность, там были педагоги-инициаторы этого дела, любители: Ольга Михайловна Штейнкопф, Александра Ивановна Малышева и Нина Павловна Брешкова. У нас был очень хороший драматический кружок. Вела этот кружок преподавательница рисования Ольга Михайловна Штейнкопф, дочь её потом была артисткой. Мы очень много ставили: Островского, «Горе от ума» Грибоедова, детские пьесы. И наш кружок пользовался большой популярностью. Когда поставили «Горе от ума», нас пришли смотреть кое-какие верхние чины. Посмотрели и сказали, что это нужно показать людям, а одним только школьникам мало. Нам дали костюмы из драмтеатра, и мы в бывшем Доме учителя, деревянном, который сейчас сломали, несколько раз поставили «Горе от ума», причём с большим успехом. Я считаю, что это тоже очень большое значение имело. В этой постановке я была Графией, а в сказках Гауфа я была Звездочётом, собственно говоря, вела всё. А потом мы много ставили детских сказок. Приходили с родителями и с удовольствием смотрели.

Подошёл 10-й класс, когда начались разговоры о том, кто куда пойдёт. Мне все учителя, начиная от директора, говорили:

- Ты пойдёшь только по литературе, разговора не может быть. У тебя все способности к этому.

В «Комсомольце Башкирии» был зам. редактора (я фамилию его, к сожалению, забыла), обычно я к нему обращалась, когда приносила свой материал. Писала стихи, всякие небольшие заметки о

событиях в школе. И они как-то очень тепло ко мне относились. Он мне тоже сказал:

- Ты поедешь в КИЖ, в Ленинград. Я сам кончал его.

Это Коммунистический институт журналистики. Такой институт тогда был ещё в Свердловске и в Харькове. Но в Харькове тогда был украинский язык, а в Свердловске считался слабоватым. Я сказала:

- Я еду в КИЖ.

Папа мой был категорически против, потому что я тяжело болела. Он говорил:

- Там влажный климат. Ты обязательно заболеешь туберкулёзом. Мама болела туберкулёзом и от туберкулёза умерла.

Я поехала и была, конечно, в восторге от Ленинграда.

ЛЕНИНГРАД

Ленинград произвёл на меня огромное впечатление. Я не видела до этого таких городов. Я была в Москве, Горьком, но Ленинград был для меня чем-то потрясающим. Уехала я с большим скандалом, потому что отец не хотел, чтобы я ехала, даже не хотел мне деньги дать. Но мачеха моя настояла:

- Зачем мы будем зарывать её талант? Если не попадёт, не попадёт. Вернётся обратно.

Я узнала, что там конкурс – десять человек на место. По тем временам большой. Причём, когда приехала, меня спрашивают:

- Вы откуда?

- Из Уфы.

- А где это находится?

- На Урале.

- Разве есть такой город?

- Есть.

- Сколько вам лет?

- Семнадцать.

- Что вы! Мы семнадцатилетних не принимаем. Мы принимаем взрослых с восемнадцати лет.

И действительно, там все люди уже с опытом, уже работающие. Они учатся в этом институте для того, чтобы получить доку-

менты. У некоторых уже книжечки какие-то вышли, они работали в определённых газетах, редакторы газет, и вдруг такая пичужка попала к ним. Но экзамены я сдала, как ни странно, на отлично. Они удивлены были:

- В таком захолустном городе, как Уфа, вам дали такие знания.

Действительно, у меня был хороший аттестат кроме математики. А их математика не интересовала. И потом большую роль сыграло, конечно, то, что газета «Комсомолец Башкирии» дала мне очень хорошую характеристику. Потом был экзамен по сочинению. Я написала, видимо (я сейчас не помню), хорошее сочинение, так что его потом даже зачитывали. В общем, меня зачислили в состав студентов. Тут же дали общежитие в этом же здании. Это на канале Грибоедова здание находится, бывший купеческий особняк трёхэтажный. Там же институт, там же общежитие, там же лекционный зал, всё в одном месте, никуда бегать не надо, все удобства. Но, правда, комнаты большие; нас было шесть человек, но как-то мы довольно дружно уживались. Продолжалось это недолго. Училась я, вроде, хорошо, и интересно мне было очень, но мы начали учиться с опозданием: где-то в октябре. У нас проводились регулярные медицинские осмотры, и однажды врач, прикрепленный к нашей палате, посмотрел на меня, померил температуру, узнал, что у меня в анализе туберкулёз, и отправил меня тотчас же в туберкулёзный диспансер. Там посмотрели на рентгене и обнаружили инфильтрат с распадом, единичные палочки Коха и сказали:

- Немедленно ложиться в больницу.

Я говорю:

- Я не лягу: я же не здешняя.

- Нет, ляжете. В общежитии вас нельзя оставить со здоровыми.

Что делать? Я со слезами (ещё меня подруга одна поддерживала) иду прямо к директору в кабинет. Сидит директор, с ним завуч, ещё кто-то из преподавателей. Я постучала:

- Можно?

- Подождите.

- Мне срочно нужно.

- Ну, зайдите.

Я зашла и говорю:

- Вот заявление. Я прошу отчислить меня из студентов.

- Вы с какого курса?

- С первого курса.

- Фамилия?

Всё нашёл тут же по документам.

- В чём дело? Прекрасные характеристики от всех преподавателей, прекрасные у вас способности.

Я говорю:

- У меня туберкулёз, и мне рекомендуют лечиться.

- Ну, вот и ложитесь в больницу, потом мы вам выхлопочем путёвку в санаторий, и на будущий год вы продолжите.

Я говорю:

- Нет! У меня папа врач, мы живём на Урале, там кумыс. Я еду домой. Дайте мне академический отпуск. На следующий год, если всё будет хорошо, я вернусь.

Ну, они посоветовались и, в конце концов, решили сделать так. Не очень-то охота возиться с больными.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В УФУ

Я уехала и лечилась. Чем лечилась? Тогда лечиться было нечем: стрептомицина не было. Вернее, он был, но только в больших больницах с трудом его доставали. Я утром съедала французскую булку, выпивала пол-литра молока, становилась на лыжи и на целый день уходила за город. Вот это всю зиму. К весне папа мне где-то, наверное, за полугодовую зарплату достал стрептомицин. Начали делать мне стрептомицин. Делали хлористый кальций внутривенно. Я стала поправляться. Через дом от нас жил хороший врач Владимир Константинович Огородников, он меня курировал. Он был рентгенолог и фтизиатр, и меня отец заставлял всё время к нему ходить. Я его никогда не забуду. Между прочим, он из Иглинского района. В Загорском был поп, это его отец. Он очень хорошо ко мне относился, долго следил за моим здоровьем, даже когда я уже в институте училась.

Дело подошло к весне. Значит, мне нужно готовиться. Подготовленные документы я послала в Ленинград (что, мол, так и так). Они попросили прислать справку о здоровье. Я послала справку о том, что допускаюсь к проживанию в общежитии, что у меня закры-

тая форма туберкулёза, и что вполне могу заниматься. И началась война.

НАЧАЛО ВОЙНЫ

Началась война, и мы, как все патриоты, сразу побежали по райкомам. Райком что ж?

- Здорова?

- Здорова.

- Давай в ОСАВИАХИМ, на радиста будешь учиться.

На радиста так на радиста, только скорее бы на фронт. Несколько месяцев я там проучилась, потом призывная комиссия уже на фронт. Прошла комиссию. Рентген более-менее благополучный. Ну, слабенькая, конечно, («ничего, мы пристроим куда-нибудь!»). Потом попадаю к главному врачу наконец, а главной врач – папина ученица. Она посмотрела мои глаза:

- Тань, ты что, с ума сошла? С близорукостью «б» мы полностью освобождаем, а у тебя «8».

И, в общем, меня сняли, но оставили в тылу, в резерве. Я осталась учиться в этой же школе ОСАВИАХИМа, но уже не просто на радиста, а на радиста-оператора. Кончила я школу радиста-оператора в январе 1942 года. Но там уже учили по-настоящему. Там учили и ползать по-пластунски, и стрелять в цель. Когда кончила школу, говорят:

- Давай работать. Радисты всюду нужны.

Меня отправили на наш уфимский телеграф. Там было специальное радиоотделение. Но поскольку у меня была близорукость, поэтому у меня военной специальности не было, а просто я была штатским радистом. И вот я там работала в течение четырёх месяцев. Суточные дежурства, связь с другими городами, иногда связь с военными частями, но в основном штатские, конечно, разговоры. Что привлекало? Там нас кормили. А это было в то время большое дело. Вот ночью дежуришь, бежит старший и кричит:

- Девочки, бегите в столовую!

Все бегут в столовую, и там нам дают какую-нибудь похлёбочку и кусочек хлебца. И мы довольнѐхоньки до смерти, потому что с

собой вместо завтрака брали кусочек хлеба со свёклой, больше нечего. Потом, ближе к весне, мне отец говорит:

- Таня, в мединститут принимают в этом году без экзаменов. Что ты будешь мотаться на этот телеграф? (А ночами я уставала, конечно, слабенькая всё-таки была.) Давай, поступай в мединститут, хотя бы временно. Кончится война, а там посмотришь. Поступай в мединститут.

Я взяла документы, которые были у меня из КИЖа. Я пошла с документами, а мне говорят, что никаких документов не нужно, только свидетельство об окончании школы. Так принимали, потому что не хватало людей. Так я поступила в мединститут. Там я познакомилась с Володей. Мы с ним попали в одну группу.

МЕДИНСТИТУТ

В августе 1942 года я без всяких препятствий поступила в медицинский институт. Вот там я впервые встретила с Володей Скачиловым. У Володи был товарищ – Володя Быстров. Он тоже учился со мной на курсах радистов и потом радистом ушёл в армию. А Володя часто заходил к нам на вечерние занятия. И вот мы там ещё с ним познакомились, а потом уже встретились в институте.

В медицинском институте мы учились в ужасных условиях, потому что было холодно, было голодно, мы занимались все в верхней одежде, преподаватели тоже в одежде. У нас много преподавало профессоров и просто преподавателей из Московского мединститута, который был тогда эвакуирован в Уфу. Они совмещали у нас. У нас везде были буржуйки, а на буржуйки были нужны дрова, а дрова эти были у нас на Правой Белой в виде вмёрзших в лёд брёвен. И вот мы, студентки-девчонки (мальчишек почти ведь не было), выкалывали изо льда эти брёвна, грузили по два-три бревна, и в гору с Правой Белой тащили их на двойных санках до мединститута. Это почти каждое воскресенье, пока не потеплело. Потом их разделявали и топили. В коридорах занимались чаще, потому что там, в маленьких помещениях, было теплее.

Институт давался нам тоже нелегко: клиники были разбросаны по всему городу. Сплошь и рядом, прослушав лекции в совбольнице, мы бежали в психбольницу, затем возвращались на Ленина в

свой стационар, потом в детскую больницу. В общежитии условия были очень тяжёлые: холодно было, девочки спали там под матрацами, потому что иначе невозможно было. Но преподавание было прекрасное: все врачи, выпущенные тогда ещё Уфимским медицинским институтом, получали хорошие характеристики.

Придумали очень хорошую вещь: они предложили преподавателям, профессорам взять на дом на жильё студентов, кто сможет, бесплатно. В том числе и у нас жили две девочки Оля Бовтунова и Люся Гофман (одна с нашего курса, другая со старшего). Они окончили институт, и до сих пор мы с ними поддерживаем связь.

Надо сказать, что преподавание было на высоком уровне: у нас преподавали очень хорошие старые педагоги. Был Вехновский, он преподавал латынь. Это бывший реалист, отец главного врача. Он преподавал для тех, кто хочет, греческий. Преподавали у нас Полянцев – хирург, Батеряков – биохимик. Вообще, было очень много известных педагогов, известных врачей.

Моё художественное развитие продолжалось и в институте. Причём инициатором тут был мой папа. У него была очень хорошая библиотека, и были очень хорошие иллюстрации старых художников. Он приносил их. Проводились кружки регулярно, ежемесячно, у нас на квартире. У нас малюсенькая квартира была, но собиралось человек двадцать. Кому-то поручался определённый доклад о том или ином писателе или поэте, и затем прения с демонстрацией картин, альбомов. Это продолжалось в течение 4-5 курсов. Время было очень тревожное, папу вызывали в некоторые органы и интересовались, чем он занимался там со студентами. Он отвечал, что поскольку музыкой и пением занять их не может, а литературу и историю знает прекрасно, то хочет, чтобы его студенты, особенно студенты старших курсов, получили от него эти знания. Они все аккуратнейшим образом приходили на эти кружки и до позднего вечера сидели в маленькой комнатке.

Когда я была студенткой 2-го курса, я проходила практику в Караидельском районе у папиной ученицы Веры Павловны Лисицкой, и уже со 2-го курса я начала оперировать вместе с ней. Она меня учила. Сначала простые перевязки (тогда очень много раненых поступало, недолеченных в госпиталях). Я помню, больного перевязывала, у него гноится на плече. Месяц мучается, гной идёт. Перевя-

зывают, всё идёт, перевязывают, всё идёт. Наконец, попал он ко мне. Смотрю – там что-то белое.

- Что там у вас?

- Не знаю. Каждый раз все спрашивают: «Что такое?».

Я пинцетиком подхватила и вытащила метровый бинт. Сделали томпонаду, а вытащить забыли. Заживать-то не будет. Вытащили мы ему, обработали рану, через неделю он убежал с благодарностью домой. Много было там тяжёлых случаев. Там я научилась ездить верхом, потому что район лесной, и не везде есть дороги хорошие. Во многих соседних районах в больницах не было врачей: взяли в армию. Поэтому мы ездили в соседние районы. Уезжали с утра, нам готовили больных заранее, и в этот день оперировали человек 15-20 больных. Потом обратно уезжали, иногда ночью ездили. Однажды ехали ночью с ней вдвоём в тарантасе, нас на дороге остановили.

- В чём дело?

Выходят ещё какие-то мужчины. Один из них, который нас остановил, подошёл, осветил нас свечкой или фонариком (не помню) и говорит:

- Всё, идите обратно, это оказывается врач наш.

Оказывается, они там поджидали прокурора или кого-то. Хотели какую-то акцию устроить.

ОПЕРАЦИЯ В ПЯТОМ ЛАГЕРЕ

Как-то летом поздно вечером в квартире раздался звонок. Отворяю дверь – стоит сосед, хирург Имаев.

- Татьяна Владимировна, в лагере заключенных какой-то тяжёлый срочный больной. Хирург у них в отпуске, Владимир Анатольевич в отъезде, пойдём со мной. Возможно, придется оперировать – поможешь. Возьми паспорт.

Быстро одеваюсь и выхожу следом за Имаевым на темную улицу. Подходим к проходной лагеря. Там охрана лагеря, тщательно проверив документы, разрешает пройти на территорию в медсанчасть. Но Аксан Имаев упирается, говорит начальнику охраны:

- Дайте мне сопровождающего, со мной ведь женщина.

Начальник смеется:

- У нас врачей не обижают.

- Так ведь не знают же заключенные, что эта женщина – врач.
- Э, доктор, вы еще, наверное, до проходной по улице не дошли, а весь лагерь уже знал, что врачи в санчасть идут.
- Откуда?
- У них беспроволочный телеграф. Идите спокойно, никто не тронет.

Мы прошли по освещенной дорожке под громкий лай сторожевых собак к бараку санчасти. Больной лежал в предоперационной, молодой, съезжившийся в комок, стонущий от боли. Встретил пожилой фельдшер, тоже из заключенных.

- Доктор, здесь по-моему острый аппендицит. Если что, к операции все готово.

После осмотра Имаев подтвердил диагноз, больного стали готовить к операции. Что меня удивило – чистота абсолютная и тишина. Санитары, тоже из заключенных, отлично знают свое дело. Включили яркий свет в операционной, быстро раздели больного и уложили на стол. Никаких разговоров.

Аксан Гирфанович оперировал, я ассистировала ему. Случай был несложным, через час все было закончено, больного унесли в палату. Моя руки, снимая маску, халат, пытаюсь поговорить с фельдшером-заключенным. Имаев меня останавливает: этого делать не разрешается.

Выходим из санчасти, минуем проходную, и только тогда у меня исчезает чувство напряженности, какой-то тяжести и угнетения. Позднее узнали: больной выздоровел, уже работает, пока в пищеблоке.

Вот так я побывала в лагере № 5 для заключенных в Ново-Александровке.

ДЕТСКАЯ БОЛЬНИЦА

Я попала в детскую клиническую больницу, там, где сейчас большой дом. Она называлась детская больница № 1. Я работала там заведующей ревматологическим отделением в течение шести лет. Также приходилось очень много работать. Были тяжёлые случаи, приходилось больных консультировать. Приходилось вылетать в районы: тогда санавиация была. Я помню, вылетела в Гафурийский

район на вертолёт (самолёта не было), а вертолёт качает в разные стороны. Лететь-то тут какие-то полчаса. Вытащили меня из вертолёт, легла я около колёс и говорю:

- Никуда я не поеду, пока не очухаюсь.

Очухалась, потом пошла посмотреть больного. Обрато ехать. Мне звонит Лось, главный врач санавиации:

- Татьяна Владимировна, когда за тобой присылать?

- Не присылай. Я найду машину где-нибудь, хоть на грузовой приеду.

Я обратно приехала на грузовой. Больше я на вертолёт не стала летать, а на самолёт мне приходилось много летать.

Когда я заведовала ревматологическим отделением, поступало очень много тяжёлых больных с тяжёлыми пороками. Поступали больные с заболеванием крови (лейкоз). У меня было боксированное отделение, то есть были боксы на двух человек. Это тяжелейшая травма, когда с ребёнком целый месяц возишься, носишься, бегаешь и в институт, и в министерство, хлопчешь, достаёшь для него то или другое лекарство, те или другие ингредиенты крови, и в конце смерть. Тогда лейкоз совсем не умели лечить.

Были такие дети, которые хорошо рисовали, хорошо читали стихи. В детской республиканской больнице условия были очень хорошие, потому что это бывший дом архиерея. У него был большой плодовый сад. Был вход в сад, а дальше шёл постепенный спуск к Белой. И вот этот весь спуск был засажен сиренью. Это такой аромат! У нас там были огромные веранды во всё здание. Одно отделение, где лежали дети с туберкулёзным менингитом, всё лето жило на веранде, с весны до глубокой осени. Воздуха было очень много.

ВРАЧУ

Полны тревоги дни в больнице,
И боль людская, и беда,
И радость на усталых лицах,
Тоска и слёзы иногда...

Всё видишь ты, всё понимаешь,
Не в силах им порой помочь,

Ты сам едва не умираешь,
Но гонишь смерть отважно прочь.

Вновь светом озарить слепого,
Вернуть ребёнку звонкий смех,
Заставить сердце биться снова
Без остановок, без помех...

В твоём труде не только знание,
Не только книжный ум сухой,
В нём чуткость, нежность, в нём желанье
Спасти, помочь вернуться в строй.

Товарищ мой в халате белом!
Тяжёл твой труд. Но в славный век
Ты занят самым важным делом –
Тебе доверен Человек!

1974 г.

РЕВМАТОЛОГИЧЕСКИЙ САНАТОРИЙ

На Пушкина в старинном маленьком здании был детский ревматологический санаторий для детей дошкольного возраста. Поскольку я много лет работала в детской больнице ревматологом, заведовала ревматологическим отделением, сама болела часто, была на инвалидности, мне предложили перейти туда. Я пошла туда, и последние годы я работала там и на пенсию уходила оттуда. Там была лечебная работа, осмотры каждый день, профилактика, процедуры все были. Персонал был очень хороший, старый. Раньше этот санаторий был туберкулёзным, и персонал так и остался. Коллектив был очень дружный, оснащён хорошо. Директором была бывшая заместительница министра. При ней я работала, потом уже пришла другая женщина. Я работала там до пенсии, после пенсии я ушла.

На весь санаторий было два корпуса. В одном корпусе есть телефон, в другом нет. Всего три группы: старшая, средняя и младшая. У меня была младшая группа, малыши (это трёх-четырёхлетки). В воскресный день мне звонит медсестра из другого корпуса:

- Татьяна Владимировна, у Маратика болит живот.

Пришла к Маратику, посмотрела.

- Ты чего ел?

- Новый год. Мама пироги принесла.

Ну, успокоились, ничего как будто. Через час мне снова звонит медсестра:

- Татьяна Владимировна, его рвёт.

Татьяна Владимировна ночью бегом летит на Социалистическую. Все признаки аппендицита. Вызываю скорую, везу его в детскую клиническую больницу. Тут же при мне оперируют. Прооперировали, всё благополучно. Снова потом мы его взяли к себе.

Дети были и ослабленные, и с врождённым пороком сердца. Были и такие дети, которым впервые диагноз врождённого порока сердца я ставила. Врачи не очень внимательно смотрели, а я перед этим как раз проходила курсы в Москве по заболеваниям сердца для ревматологов. Я оттуда очень много теоретического привезла, поэтому ко мне шли те, кого подозревали. Несколько человек я отправила. В Горьком оперировали. Был мальчик Безухов. Помню, у меня ещё его фотография где-то была. Его прооперировали, у него тяжёлый был порок. И другой мальчик, поменьше его, лет четырёх, за мной ходил и плакал:

- Ну почему он Безухов? Где у него уши-то?

- У него уши на месте, просто фамилия такая.

Кормили хорошо. Были воспитатели, занимались много, устраивались праздники для детей, устраивались прогулки. Дети у нас все поправлялись. Я не помню за все годы, чтобы кто-то ушёл не только из жизни, но даже с ухудшением. Все стремились попасть к нам. Путёвки шли через горздрав, а к нам в окна прямо лезли:

- Дайте путёвку!

- У нас путёвок нет, путёвки в горздраве.

А горздрав связывается с врачом, который решает: нуждается его больной в санатории или нет. Много работали на воздухе с детьми зимой и летом. У нас там был садик неплохой. Цветы садили. Были там детские качели и пароходики, всё, как бывает в детском саду. Дети если первые дни оставались со слезами, то и уходили потом со слезами (не хотели уходить). В частности, в санатории побывали обе Валеркины (моего приёмного сына) дочери. У них бы-

ли тяжёлые осложнения после ангины, таких больных мы брали. Сначала одна была, потом вторая. Вторая за мной бегала:

- Где баба Таня? Где баба Таня?

- У нас бабы Тани нет.

- Где баба Таня?

Привыкла она за неделю. Зато мы выиграла тем, что Валерка у нас был всегда Дедом Морозом. Ёлку мы делали обязательно. Ёлку делали, подарки делали детям, так что была очень тёплая обстановка всегда. И провожали меня оттуда со слезами.

Сейчас здание это, я видела, разрушено, а санаторий сам переведён в Юматово. Он существует. Им дали там хороший корпус, хорошие условия. Они меня не забывают, они ко мне приходят в праздники, поздравляют меня часто, хотя из тех, с кем я работала, осталась одна-единственная сестра. Но говорят, что условия у них хорошие, кумыс детям дают там. Там возможностей больше. У нас тут тоже была лаборатория и рентгенкабинет, был музыкальный работник свой, были музыкальные постановки к праздникам. Так что для детей делалось всё, что возможно, и к нам стремились попасть всегда, потому что дети выписывались с улучшениями. Это большое дело.

* * *

Свои дети выросли, дети большие. По нашим стопам решила идти только дочь, хотя и у неё, может, большого желания не было: она не любила физику и химию; но отец настоял: «Поступай!». Она поступила, окончила неплохо. Должны были послать её в район, но она в это время вышла замуж и осталась в Уфе. А сын – нефтяник.

Дождь, дождь... Всю ночь шумит по крыше,
Стучит в оконное стекло,
А утром воздух влагой дышит,
Всё небо синью расцвело,
И в озерах воды садовой
Какой-то мальчуган бедовый
Уже ведёт кораблик свой.
Повыше засучив штанишки,
Фуражку сдвинув набекрень,
Готов играть, как все мальчишки,

В морскую битву целый день.
Не лужа – море! В путь далёкий
Идёт под парусом фрегат,
Дождя бурливые потоки
Его всё дальше, дальше мчат.
Эй, капитан! Как мне обидно,
Что нам с тобой не по пути –
Теперь по возрасту мне стыдно
По лужам босиком идти.
Но как мне хочется порою
На все дела рукой махнуть,
Рюкзак пристроить за спиною
И ринуться в далёкий путь.
Пройти тропинками лесными,
Вдохнуть костёрный тёплый дым
И плыть ручьями дождевыми
Вслед за корабликом твоим.

24 июля 1969 г.

МОЙ ЛАСКОВЫЙ ЛЮБИМЫЙ ЗВЕРЬ

Это был маленький тощий рыжий котёнок с белыми лапками, таким же кончиком хвоста и белым галстучком. Его принесла соседка и отдала хозяйке, сказав, что у неё несколько котят, и она их раздаёт.

Прежде всего, новый жилец был помещён в таз с тёплой водой и тщательно намылен. Он жалобно пищал, пытался царапаться, но проворные пальцы хозяйки быстро тёрли грязную шерстку, затем окатили тёплой водой, и малыш был завернут в сухую тряпку. Вид у него был жалкий, беспомощный. Он дрожал не столько от холода, сколько от испуга – ведь его ещё никогда не купали. Но вот около мордочки появилось блюдечко с аппетитным запахом, он ткнулся в него носом, и тут же язычок с жадностью стал лакать тёплое молоко. Вылизав начисто блюдечко, котёнок встряхнулся, потёрся бочком о ласковую руку и тихонько замурлыкал.

Прошло несколько лет. Котёнок превратился в большого рыжего кота. У него драные уши, мордочка в рубцах (следы битв мо-

лодости), один глаз полностью ослеп, второй видит плохо, почти отсутствует слух. В переводе на человеческий возраст (один год жизни равен семи годам) ему уже больше восьмидесяти лет. Но он ещё умеет мурлыкать, хорошо узнаёт свою хозяйку, чутьём находит блюдечко с едой и аккуратно пользуется кошачьим туалетом. Но всё остальное время он спит, свернувшись клубочком на подстилке у хозяйкиной кровати. Спит, иногда похрапывая или постанывая во сне, когда перед ним проплывают годы его жизни.

Детство

Летом он живёт с хозяевами в деревне в небольшом домике. Рядом огород, двор, там так хорошо бегать по мягкой зелёной травке, слушать чирикание воробьёв, гоняться за глупым земляным лягушонком. В гости привозят ещё и маленькую 2-х месячную кошечку Симочку, изящную, чёрную, с яркими зелёными глазами. Как хорошо бегать с ней на просторе, можно поиграть в прятки среди ботвы моркови и свёклы. А на другом конце огорода, где высокие заросли картошки, в жаркие дни приятно лежать в тени на прохладной земле.

Но пришла беда. Картофельные кусты опрыскали каким-то ядовитым веществом, и оба котёнка – Рыжик и Симочка отравились. Они лежали неподвижные, вялые, ничего не ели, носы горячие, шерстка тусклая взъерошенная. Их лечили каким-то лекарством, вливая его насильно в рот, выносили на руках во двор, кормили с ложечки, иногда даже из пипетки.

Рыжик был постарше, он поправился первым. Но подружка была ещё плоха. Подолгу лежал он около неё, вылизывая ей мордочку, тыкал носом в бочок, пытаясь пригласить к игре. Наконец-то выздоровела и она. И снова началась весёлая жизнь. Но вот похолодало, пошли дожди, Симочку увезли в город. В один прекрасный день Рыжика посадили в сумку и тоже повезли. Котёнок был оглушён тархтением мотора и духотой в сумке, пытался вырваться, но его крепко держали. Вот, наконец, большой дом, в квартире много места. Рыжик осторожно обходит комнаты, заглядывает в углы, в туалет – всё ново, всё незнакомо. За окном вскоре появляется белый занавес снега, холод, но дома тепло и тихо, всегда есть еда, а добрые руки хозяйки часто гладят мягкую шерстку, чешут за ушком.

А весной снова едут в деревню. Но уже ни сумка, ни машина не кажутся страшными, кот сидит спокойно в предчувствии приближающейся свободы.

Молодость

За зиму он подрос, окреп, в деревне стал охотно выбегать за пределы двора, иногда где-то бродил все ночи. Временами с другими котами пел пронзительные арии около миловидной соседской кошечки, а то и вступал в жестокую драку с соперниками. Но самым большим врагом Рыжика были деревенские собаки, которые при виде яркой рыжей шубки с лаем и визгом бросались за ним. Тут уж спасали только ноги. Он бежал до ближайшего забора или дерева, взлетал одним махом наверх, оставляя скулившую собаку в полной растерянности. Но однажды его схватили крепкие зубы за заднюю лапу, он ощутил страшную боль. Рванулся, оставив клочок шерсти в собачьей пасти, и успел забиться под дом.

Целых два дня кот зализывал рану, потом ночью еле-еле дополз домой, мяукнул у окна, рама отворилась, но запрыгнуть не смог. Крепкая рука хозяина подхватила его под грудку и подняла на подоконник. Почти неделю кот лежал у печки с перебинтованной лапой, вылезая на улицу лишь по необходимости. Нога зажила, и снова начались ночные походы.

В другой раз собаки загнали Рыжика в болото, он погрузился почти до самых ушей, примолк, собаки убежали, но он ещё долго лежал в грязи. Было темно и холодно, где-то рядом орали лягушки. Еле-еле выбрался, мокрый, грязный, он пробрался к дому и заскрёб по оконному стеклу окоченевшими лапами. До этого его не было дома около трёх дней, и хозяйка уже несколько раз ходила по деревне в поисках своего любимца. Она услышала мяуканье и вышла на крыльцо. Навстречу ей от садовой калитки в сумерках двигался какой-то тёмный комок. Только дома при свете удалось разглядеть, сколько тины, ила принёс на себе кот из болота. Пришлось его оттирать, отмывать, сушить и, наконец, чистый, накормленный он крепко уснул возле хозяина, продолжая во сне иногда перебирать лапами и постанывать.

Зато как хорошо было утром проснуться в солнечной комнате, полакать парного молока, перекусить чего-нибудь и с удовольствием пристроиться у курившего на крылечке хозяина.

Позднее летние выезды в деревню были омрачены тем, что сын хозяина стал приезжать к ним с собакой. Сначала это был дружелюбный маленький щенок, но довольно быстро он превратился в большого сильного пса. А поскольку у Рыжика была давняя вражда с собачьим родом, он всегда шипел на своего недруга, выгибал спину, сверкал глазами, пытался даже ударить лапой по носу. И пёс, видя такое недоброжелательство, тоже стал более агрессивным, лаял на кота, загонял его на забор. Дружбы не было. Но всё-таки жизнь была так хороша, только вот осенью очень не хотелось расставаться со свободой, ехать снова в городскую квартиру, из которой кота не выпускали. Каким-то седьмым чувством он узнавал, что хозяева готовятся к отъезду, пытался улизнуть из дома. Поэтому в последний день его приходилось закрывать в чулане, где он жалобно мяукал.

Но в городе жилось тоже неплохо, тепло, никто не обижает, и даже появлявшийся иногда гость – пёс Майкл – стал более миролюбив, прекратились стычки, хотя кот иногда ещё шипел на него из-за угла. Но Майкл посматривал снисходительно и старался не обращать на кота внимания.

Потом наступило трудное время. Куда-то исчез хозяин, который так любил его, всем было не до кота, он чувствовал себя сиротливо и только вечерами, забравшись на руки к хозяйке, начинал тихонько мурлыкать.

Поездки в деревню прекратились, теперь весь год стали жить в городе.

А так хотелось погулять!

И вот однажды Рыжик выскользнул незаметно в открытую дверь и вышел на лестницу, затем на крыльцо. Его так поразило то, что он увидел там, что он растерялся, спрятался в уголок и до самой темноты со страхом прислушивался к шуму проезжавших машин, крикам играющих детей, громким голосам прохожих.

А тем временем хозяйка, не обнаружив его дома, бродила по соседним подъездам в поисках кота, заглядывая под кусты, в подвалы, звала его – всё было напрасно.

Каково же было удивление, когда, только открыв дверь, она увидела Рыжика, сиротливо прижавшегося к косяку, жалобно глядевшего на неё.

И как хорошо, оказывается, было дома!

Больше у кота не было попыток выбраться из квартиры. Жизнь шла тихая, спокойная, только если хозяйка куда-то уходила, он садился у дверей и ждал её, встречая радостным мяуканьем.

Старость

А вот теперь он старый, почти слепой, спит круглые сутки. Иногда ночью встаёт, обойдёт все комнаты, временами беспомощно натываясь на стулья, и снова заберётся на кровать в ноги хозяйке. Соскучившись, пытается подобраться поближе к лицу хозяйки и даже положить голову рядом с ней на подушку. Но его снова выпроваживают на подстилку в ногах. Он долго тихонько мурлыкает перед тем, как заснуть.

Он спит и во сне снова переживает все свои годы, свои кошачьи приключения. И оттого сон его бывает иногда беспокойным.

Большой старый кот, шерстка в тёмно-рыжих и светлых полосках, лапы мощные с грубыми когтями, зубов уже мало. Временами беспомощен, не может вспрыгнуть на кровать, не находит дорогу к своей чашке с едой.

Но когда это тёплое мягкое тельце прижимается к больным ногам хозяйки – боль отступает, замурлыкает свою тихую песенку – легче и спокойнее на душе.

Как хорошо, что есть ласковый любимый зверь – Рыжик.

ОДИНОЧЕСТВО

Устав от груза жизненных тревог,
Не знаешь, где и как в беде забыться,
Так тяжело, когда ты одинок,
И не с кем болью горькой поделиться.

Весь день, как напряжённая струна,
Следить за каждым шагом и движеньем,
А ночь всю напролёт лежишь без сна,
Невольно думая о прошлом с сожаленьем.

Кому ж ты нужен, слабый и больной,
Ведь с каждым днём становится всё хуже,

Ни горести твои, ни боли, ни покой,
Ни мир духовный никому не нужен.

Проходят дни. Ты вечно одинок,
Не понят, не любим никем на свете.
Ты ждёшь конца. Когда наступит срок,
Ухода могут даже не заметить.

*Но не хочу я так существовать,
Душа ещё к простору, к свету рвётся,
Как хочется о счастье помечтать,
Как иногда тревожно сердце бьётся...*

*Я знаю, долго мне не протянуть,
Но не хочу я сладкого покоя.
И коль придёт пора окончить путь,
Так умереть хочу я только стоя.*

ВОСПОМИНАНИЯ
О В.А. СКАЧИЛОВЕ И Т.В. РОМАНКЕВИЧ

Пелагея СБИТНЕВА
ПОМИНАЛЬНЫЙ ДЕНЬ

Наши деревянные дома были расположены на площади, принадлежавшей бывшей Ивановской церкви. Когда мы переехали, церковь ещё была и продолжала существовать года три-четыре. Там проходила церковная служба и разные религиозные обряды. Было ещё такое время, когда знаменитых людей после отпевания в церкви священник сопровождал до первой остановки. Я прихожу с работы, а мне маленький сын говорит: «Я видел дяденьку в таком пальто хорошем, не таком, как у нас, совсем другом, и кругом прибавить». Я еле догадалась, что это был поп в ризе, украшенной крестами, а Женя не знал и не видал креста. Помню, потерялся трёхлетний мальчик, Сkochилов Вовочка. Мы ищем, волнуемся: куда девался мальчик? Нет нигде! Подсказала нам Мария Петровна: «Сходите в церковь, не там ли он?». Пошли к церкви, а он стоит с поднятой рубашонкой, а в ней чего только нет: пряники, конфеты, печенье, крашенные яички. А он говорит нам: «Мне сказали, чтобы я корзинку взял дома». Он был хроменький, а была Радуница – поминальный день. Церковь сломали (не помню, в каком году), а на её месте в середине 50-х годов построили Дворец пионеров. Вокруг здания со стороны парка пионерами был организован цветник. Клумбы были различных геометрических форм. Цветами занимались пионеры под руководством учителей-биологов.

Евгений СБИТНЕВ
МОЙ ВОСПИТАТЕЛЬ

Первое, что необходимо отметить, говоря о моем двоюродном брате Володе Скачилове, - это его характер. Он был человеком добросовестным, незаносчивым, честным. Его отличало постоянное стремление помогать людям, в том числе и родственникам. Мы с сестрой Алевтинкой рано лишились отца. У нас была замечательная мама, но она целыми днями была на работе, а нас, по сути дела, воспитывала улица. Если бы не Володя, не знаю, что бы из нас вышло.

Он очень заботился о нас, поддерживал всем, чем мог. Володя был старше меня на пять лет. Окончив семилетку в 26-й школе, он поступил в 8-й класс 1-й уфимской школы на улице Красина и пользовался там всеобщим уважением преподавателей и учащихся. Когда я окончил 4-й класс в 26-й школе, благодаря его авторитету и инициативе меня перевели в 1-ю школу, чтобы иметь за мной «пригляд». Поскольку я был весьма подвижный и даже немножко озорной, Володя удерживал меня от опрометчивых поступков.

Однажды весной, когда подтаивал снег, мы играли в снежки на школьном дворе, и я додумался забрасывать снежки в открытые окна школы. Увлечшись этой забавой, я не заметил, как ко мне подошел завуч и, взяв меня за ухо, поволок в канцелярию. Мальчишки, увидев, что я могу серьезно поплатиться за свое озорство, нашли где-то Володю и позвали его ко мне на подмогу. Он сумел убедить завуча в том, что лучше разобраться со мной по-семейному, и меня отпустили под его поручительство.

Мы жили в Уфе по улице Революционной в 37-м доме. Володя с мамой Натальей Ивановной – в 4-м корпусе, а мы – в 5-м. Он хорошо пел и прекрасно играл на музыкальных инструментах. Помню, как в их небольшой квартирке собиралась компания Володиных друзей из нашего двора. Вовка Быстров и Юра Дешко играли на гитарах, а Володя исполнял ведущую партию на мандолине. Пели в основном русские и дворовые песни. С особенным воодушевлением затягивали «Дубинушку» и «Мурку». Мы с сестрой Алевтинкой часто ходили к Скачиловым в гости с ночевьем и всегда боролись за место на диване, потому что уступившему приходилось спать на полу. Такое совместное проживание еще больше сплачивало нас в единую семью. В той бедной довоенной жизни нечастые радости воспринимались острее, а чья-то доброта и забота о нас запоминались надолго и согревали душу в тяжелые военные и послевоенные годы.

Улица Революционная служила нам для детских игр до тех пор, пока в 1937 году по ней не был пущен первый трамвай. В зимнее время она была для нас и горкой, и катком. В те годы уфимские мальчишки из разных дворов враждовали между собой. И стоило кому-нибудь из них попасть на чужую территорию, как его окружала ватага «местных» и начиналось выяснение отношений. Однажды у меня «обрезали» коньки ребята с улицы Достоевского. Я

со слезами рассказал об этом Володе. Он, хотя и ходил на костылях, но, обладая медвежьей силой, довольно быстро на них передвигался, ничем не уступая другим. Мы с ним пошли на улицу Достоевского и нашли того парня, который забрал мои коньки. Володя по силе был равен моему обидчику, уступая ему в устойчивости и ловкости, но сила его убеждения в своей правоте была настолько велика, что парень почти без боя отдал нам мои коньки. Таким образом, Володя не только заботился обо мне, но и защищал.

Как-то зимой к нам в Уфу из Загорского приехал дяденька Семен (Целищев). Лошадь закрыл в сарае, а сани оставил во дворе. Компания ребят, ровесников Володи, во главе с ним решила прокатиться на этих санях вниз по Революционной. Сани затащили на гору, разогнались и с русской удалью понеслись вниз, пугая случайных прохожих, пока в самом низу на пересечении с улицей Аксакова не врезались в продовольственный магазин. К счастью, все обошлось благополучно.

Много времени мы проводили с Володей в парке имени И. Якутова. Тогда там еще стояла церковь на месте нынешнего Дворца детского творчества имени В. Комарова и сохранялись поповский дом и сад, а также надгробия на Старо-Ивановском кладбище. После того как церковь снесли, на этом месте еще какое-то время находился фундамент и небольшой котлован, в котором зимой Володя с ребятами рыли в снегу пещеры. Мы вместе проводили время в Якутике и летом, и зимой. Летом играли тряпичным мячом в футбол, а зимой ходили на лыжах. Лыжи у меня были самодельные, ильмовые, сделанные дядей Мишей (Светлаковым).

У Володи была постоянная потребность с заботой относиться к своим близким не только на словах, но и на деле. Кажется, во время войны мы поехали с ним к родственникам в Ашу. Билетов на поезд тогда достать было нельзя, и мы поехали «зайцами». Не доезжая до Аши 12 километров, на станции Казаяк нас высадили контролеры. Приближался вечер, и мы решили переночевать на станции. С нами были вещи для родственников, которые надо было сохранить от нередких тогда дорожных воров. Перед сном мы положили под головы наиболее ценные вещи, а остальные привязали к рукам и ногам. Мы спокойно уснули, а под утро Володя проснулся и незаметно вытащил у меня из-под головы какую-то вещь. Утром, когда я встал и обнаружил пропажу, он достал эту вещь и объяснил мне, что она

легко могла стать добычей настоящих воров. Вот такой был эпизод обучения бдительности. А в Ашу мы потом как-то добрались.

Однажды в начале войны мы с Володей оказались свидетелями такой картины. Ранним утром до восхода солнца, когда город еще спал, по улице Карла Маркса, молча, чеканя шаг, в сторону железнодорожного вокзала уходили на фронт маршевые роты. Колонна была столь велика, что, когда ее головная часть приближалась к вокзалу, задние ряды еще не вышли из солдатских казарм. В предзвездных сумерках эта нескончаемая вереница людей производила какое-то фантастическое зрелище. И вдруг негромко, вполголоса, чтобы не разбудить спящих тревожным сном жителей города, кто-то затянул походную песню. Песня плыла по рядам, а мы напряженно всматривались в лица уходящих солдат, надеясь разглядеть среди них наших дворовых и школьных друзей. В этот час мы особенно глубоко почувствовали, что такое Россия.

Оглядываясь из сегодняшнего дня на свои детство и юность и вспоминая своего старшего товарища и воспитателя Володю Скачилова, я думаю, что его черты характера были взяты из светлаковской породы. Эти черты, помогавшие нашим предкам выжить в невероятно трудных условиях, состояли в умении видеть чужую беду и поддерживать друг друга в горе и в радости. К сожалению, ныне эти качества в нашей родине во многом утрачены.

Михаил ФОМЕНКОВ **СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЭПОХИ И ВРЕМЕНИ**

Время не властно над воспоминаниями. Феномен человеческой памяти состоит в том, что события более чем полувековой давности сохраняются лучше, чем то, что происходило в течение последних десятилетий. Уходят из жизни близкие люди. Но многое из того, что было с ними связано, пережито вместе, что дорого, несмотря на прожитые годы, сохраняется в благодарной памяти. Расскажу о некоторых эпизодах нашего далекого школьного детства и юности, не придерживаясь хронологии происходившего...

Осенью 1936 года из 34-й школы, в которой я учился в течение двух лет, весь наш четвертый класс был переведен в школу № 37, располагавшуюся в двухэтажном красного кирпича здании на углу

улиц Ленина и Революционной. А через год перевели во вновь построенную 1-ю образцовую среднюю школу на улице Красина. В здании прежней школы был открыт Дворец пионеров, а в нем – Театр юного зрителя (ТЮЗ), с которым связаны наши первые театральные впечатления.

Поднимаясь от улицы Аксакова по немощеной Революционной, совершенно непроходимой в ненастную погоду, я проходил мимо 26-й школы и часто встречал двух моих сверстников, тоже, видимо, идущих в школу. Один из них был на костылях. Три года спустя, когда начался новый учебный год в нашей 1-й школе, в 8-м «Д» классе появились «новенькие» из 26-й школы (тогда неполной средней школы-семилетки). Среди них я сразу узнал тех своих сверстников, вместе с которыми в непогоду часто преодолевал раскисшую от дождя или мокрого снега осенне-весеннюю слякоть. Мне запомнились они еще и тем, что я часто видел, как один из них помогал в дороге больному товарищу: иногда нес его сумку с книгами, иногда вытаскивал из грязи глубоко провалившийся костыль.

Оказалось, что они оба Володи. Володя Скачилов – среднего роста, с характерным выразительным лицом, живыми голубыми глазами и копной светлых волос, зачесанных назад, был владельцем костылей. Другой – широкоплечий, плотный, с грубоватыми чертами лица, темноволосый – Володя Быстров.

Их усадили вместе за первую парту в правом ряду, где я сидел за последней. Позднее я узнал, что они были друзьями с раннего детства, были неразлучны и в школе, жили в одном дворе на улице Революционной.

Володя Скачилов быстро освоился в нашем 8-м «Д». Он сразу привлек к себе расположение одноклассников своей доброжелательностью и открытостью. Мне и моим одноклассникам в те годы не было известно такое понятие, как «коммуникабельность». Но это было именно то, чем в большой степени обладал Володя.

Я всегда медленно, непросто сходилась с людьми; отличался излишней, на наш теперешний взгляд, застенчивостью; жил в прозрачном «книжном» мире литературных героев; еще в 3-м классе начал много читать (от «Приключений Тома Сойера» Марка Твена и «Ташкента – города хлебного» А. Неверова до Пушкина, Джека Лондона, Жюль Верна). Так началось мое «запойное» увлечение чтением, литературой, определившее во многом всю мою дальней-

шую жизнь. По-видимому, наша обоюдная с Володей страсть к чтению и стала основой нашего с ним сближения.

Учился Володя хорошо. Любимым его предметом была литература, к которой он пристрастился в ранние школьные годы, будучи прикован тяжелым недугом к больничной, а затем санаторной койке. Вообще, Володя всегда с очень нежными чувствами вспоминал своих товарищей по детскому туберкулезному санаторию и весь персонал, много делавший для облегчения их участи, рассказывал о струнном оркестре, организованном одной из сотрудниц. Я помню, что прикованные к койкам дети, по рассказам Володи, играли и «Турецкий марш» Моцарта, и вальс «Дунайские волны», и многие русские песни. Играли они по нотам, пользуясь цифровой системой записи. И как важно, что у этих детей пробудилась любовь к музыке, к песням. У Володи был хороший голос, петь он любил, и его голос всегда звучал в дружном хоре на наших школьных и домашних вечерах.

Книги мы брали в библиотеках (в то время домашних библиотек у нас не было), обменивались ими, читали журналы «Вокруг света», «Всемирный следопыт». Помню, что один из первых приключенческих романов «Тайна двух океанов» Г. Адамова мы читали в «Пионерской правде», которую я выписывал и бережно хранил все номера газеты с опубликованными главами.

Настоящими праздниками для нас были встречи Нового года, годовщины Октябрьской революции и первомайские демонстрации. Чаще всего мы встречались в доме родителей нашей соученицы Веры Гавриловой, так как у них была трехкомнатная квартира (что по тем временам было редкостью). Устраивали складчину, пили чай с пирогами и сладостями, танцевали под патефон, пели. Репертуар был обширный. Здесь были и русские песни, и наши современные: «Катюша», «Синий платочек», «Спят курганы темные», «Три танкиста» и многие, многие другие. Кроме Веры Гавриловой и ее брата Ленчика (Ленина), постоянными участниками этих вечеров-праздников были Нелли Морозова, Люба Елькина (Езова), ее брат Петя Киселев, Лена Мокшанова, Тоня Рыкина, Володя Быстров, Сусанна Скрябина, позднее Юра Дешко и Женя Романовский.

Хорошо помнятся и поездки за город на Висячий Камень на берегу Белой. Так, в один из воскресных дней в середине мая 1939 года мы поехали на трамвае через все Глумилино до 3-го разъезда

(это район теперешнего горисполкома). Затем шли влево мимо пионерского лагеря и дач НКВД, спускались по лесной дорожке до железнодорожной линии, пересекали ее и поднимались на скалу, нависшую над рекой – «Висячий Камень». Здесь устраивали привал, доставали принесенную снедь и угощали друг друга. Ели с особым аппетитом. Отдыхали, разговаривали, пели. Возвращались домой усталые, но удовлетворенные, полные незабываемых впечатлений. Для Володи, учитывая его недуг, такой поход был тяжелым испытанием (хотя он ходил уже без костылей, с палочкой); но он вел себя мужественно, не терпел к себе снисходительного отношения, отказывался от предлагаемой помощи, всегда старался идти впереди.

Мы тогда еще не знали сочинений Антуана Сент-Экзюпери и его слов о «роскоши человеческого общения», но роскошь эту ощущали, наслаждаясь ею в полной мере.

Часто по воскресеньям мы почти всем классом ходили в театр: сначала на спектакли ТЮЗа, русского драматического театра, а с 1940 года – оперного театра. «Стакан воды» Скриба, «Правда хорошо, а счастье лучше» А. Островского, «Маскарад» Лермонтова, «Кремлевские куранты» Н. Погодина и многие другие пьесы были тогда в репертуаре этих театров. Нередко инициатором наших театральных «культпоходов» был Володя Скачилов. Возвращаясь домой небольшими группами, мы живо обсуждали спектакли, их героев, оценивали те или иные поступки, иногда довольно резко критикуя отрицательных персонажей.

Очень памятен мне наш самодеятельный хор, в котором участвовали все мои одноклассники. Я, будучи учеником 9-го класса, работал аккомпаниатором хора в клубе НКВД. Руководил клубом Ф.И. Максимов – певец и хормейстер. От него я узнал «азы» хормейстерского ремесла.

Сначала мы собирались классом после уроков и пели просто для себя. Через некоторое время у нас сложился «концертный репертуар»: «Махорочка» М. Табачникова, «Дальняя сторонка» и «До свиданья, девушки» И. Дунаевского, а также новая песня из репертуара женского хора клуба НКВД «В чистом поле» В. Захарова. В ней были такие слова:

В чистом поле, в поле под раkitой,
Где клубится по ночам туман,

Там лежит в земле зарытый,
Там схоронен красный партизан.

Трагическое содержание этой песни воспринималось нами очень эмоционально: романтика гражданской войны была нам близка, занимала большое место в творчестве поэтов и композиторов.

Много лет спустя Володя рассказывал, что в фильме о партизанском соединении С. Ковпака, прошедшего от Путивля до Карпат, использована, как он сказал, «наша песня» «В чистом поле», запавшая ему в память еще с довоенных лет в исполнении нашего хора и никогда не слышанная им в профессиональном исполнении.

Свою историю для нашего хора имела песня о пограничниках «Махорочка», написанная композитором М. Табачниковым. В этой песне были слова, затрагивающие чувства и исполнителей, и, как оказалось, слушателей, в чем мы убедились во время первого выступления хора. В одном из куплетов песни были такие слова:

Как письмо получишь от любимой,
Вспомнишь дальние края,
А закуришь – и с колечком дыма
Улетает грусть твоя.
Эх, махорочка, махорка,
Подружились мы с тобой.
Вдаль глядят дозоры зорко:
Мы готовы в бой, мы готовы в бой!

Содержание этой лирической песни было в духе тревожного довоенного времени, соответствовало настроениям как исполнителей, так и слушателей. Вспоминаю, с каким чувством и выражением пели ее мои друзья-одноклассники, особенно мужская группа, среди которой был и Володя Скачилов, составлявший основу басовой партии хора. Особенно выразительно звучали слова припева: «Эх, махорочка, махорка...».

Как-то наш хор выступил на одном из классных вечеров, на наш взгляд, успешно. А через некоторое время мы выступали в большом зале СНК БАССР перед участниками совещания работников просвещения. Выступали без дирижера. Аккомпанируя, я, как мог, управлял исполнителями. Нам долго аплодировали. Таков был

первый (и последний) сценический успех нашего классного хора и мой первый дебют на хоровом поприще.

Расскажу о последней предвоенной городской олимпиаде школьников, проходившей в зале оперного театра. Как я уже писал ранее, Володя увлекался литературой, был активным участником школьного литературного кружка, любил поэзию, охотно и хорошо, на мой взгляд, декламировал стихи Маяковского. Особенно выразительно в его исполнении звучали «Стихи о советском паспорте».

На заключительном концерте городской олимпиады мне довелось слушать в его исполнении «Бородино» М.Ю. Лермонтова. Стихи эти звучали эмоционально, с большим пафосом, выразительно, дикционно четко.

Мне довелось слушать его, так как я тоже был участником заключительного концерта смотра – как солист и как аккомпаниатор певцов, представлявших на смотре нашу 1-ю школу. Я аккомпанировал Маргарите Вершининой, соученице Сергея Романовского, и Вячеславу Бочкареву. Все мы, так же, как и В. Скачилов, были награждены грамотами и премиями олимпиады...

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. Мы окончили девять классов. Летом Володя, как обычно, уехал на каникулы в деревню Загорское к своему дяде, и мы с ним не виделись. А когда 1 сентября пришли в свою 1-ю школу, оказалось, что в ней открывают военный госпиталь, как и во многих других школах города. Нам, девятиклассникам, было по 16-17 лет, в армию нас не брали. На занятия из пяти девятых классов явилось всего около 30 человек: городу нужны были рабочие руки взамен ушедших на фронт. В Уфу было эвакуировано много военных и других промышленных предприятий из западных областей, Ленинграда, Москвы. Многие юноши и девушки приобретали рабочие специальности, становились к станкам. Чтобы подготовить себя к военной службе некоторые из наших товарищей занимались на курсах радистов, девушки – на курсах медсестер. Военкоматы осаждались молодежью, охваченной патриотическим порывом. Самые энергичные, самые активные стремились на фронт. В военкомате обычно на просьбы ребят отвечали: «Ждите повестки, вас вызовут».

Тем не менее в школе начались занятия. Собрался лишь один 10-й класс. Занимались мы в разных школах, закончили год в помещении библиотеки на Лесопильной улице. Занятия проводились в 3

смены, домой возвращались после 9-ти часов вечера по неосвещенным улицам города, старались ходить группами – и безопаснее, и приятнее. Зима этого года выдалась суровой: в декабре-январе температура воздуха была ниже -40, многие ходили с почерневшими после обморожения ушами и кончиками носов.

В конце мая 1942 года школа была окончена. Был грустный прощальный классный вечер, хотя мы, как и прежде, пели песни, танцевали. Наташа Лукашевич написала стихи «Школьный вальс» (или «Прощальный вальс»), я сочинил к ним музыку, и исполнением его мы закончили наш выпускной вечер. С большинством из участников этого вечера я больше никогда не встречался.

С Володей мы снова встретились осенью этого же года, когда я вернулся в Уфу после гастрольных поездок ансамбля народного танца Башгосфилармонии (ныне имени Файзи Гаскарова), где с июня 1942 года я был концертмейстером.

Последняя наша встреча перед моим отъездом на фронт состоялась в новогоднюю ночь в доме Гавриловых на улице Худайбердина. Я узнал, что наши бывшие одноклассники собираются у них и получил у командира «увольнительную» на несколько часов. Эта встреча описана Володей в газете «Вечерняя Уфа» в очерке «Вечеринка».

Через письма Володи ко мне на фронт я в дальнейшем установил связь с некоторыми другими бывшими одноклассниками: встретился с Нелли Морозовой в Москве, куда был командирован летом 1943 года; с Сергеем Романовским, навестившим меня в одном из московских госпиталей. Сергей был несколько старше нас, на фронт ушел летом 1941 года, был тяжело ранен и уволен в отставку. Он приехал в Москву в Институт международных отношений, который в дальнейшем закончил и многие годы находился на дипломатической работе.

Через два с половиной года, в конце декабря 1944-го, я подъезжал к родной Уфе. Поезд прибывал ночью. Вечером того же дня я пошел к Володе (днем он был в институте). Шесть дней моего пребывания в родном городе прошли как сон. И мне, и Володе было что рассказать о прожитых годах, о виденном, о фронтовых дорогах и встречах. В 1945 году я был демобилизован, и новый 1946-й мы снова встречали с Володей вместе.

Все последующие годы мы встречались довольно часто. Володя был для меня уже не только товарищем, но и внимательным доктором, помогавшим своими врачебными советами. Он же принял большое участие в лечении моей жены.

Активный, бодрый, всегда чем-то увлеченный, он был прекрасным семьянином, много читал, общался с писателями, художниками, артистами. Наши встречи были для меня глотком свежего воздуха. Таким он и остался навсегда в моей памяти.

Ольга ЦЕЛИЩЕВА **ЖИЗНЬ В ДЕРЕВНЕ ЗАГОРСКОЕ**

Я росла вместе с Володей Скачиловым. Помню, его совсем малого привезли к нам на хутор. Хутор был на горе, а внизу протекала речушка. Летом ребятишки бегали туда, купались, играли, но Володя в таких играх мало принимал участия, так как у него болела нога. Спали мы втроем на одной кровати, а четвертый на полу, на войлоке. Вместо простыни и одеял была у нас одна ватола (самотканое одеяло) на всех. Вокруг постели клали полынь, потому что в доме было много блох. У всех были свои обязанности. Володя набирал полынь и мел двор. Володина мама каждый год увозила его на зиму домой или в санаторий.

Потом пришли годы юности. Его опять привозили на все лето к нам. Тогда мы уже жили в деревне Загорское. Рядом с нами жили родственники. У них было пятеро детей, у нас – трое, да еще из Уфы на лето приезжали наши двоюродные брат и сестра Сбитневы. Вместе с Володей набиралось одиннадцать человек детей и подростков. Вот такая компания! И у нас никогда не было ссор. Вечерами варили картошку в овраге около бани. Там собиралась вся ребятня. Шумно, весело, задорно проводили время. У нас детство было прекрасное. В бедности, в грязи всё переносили с радостью. Очень часто ходили в лес за ягодами. А ягод было очень много. Собирали ведрами. Придя домой, ели ягоды с молоком, только хлеба иногда не хватало. Ели всегда все вместе. Родители придут с работы, а хлеба нет: ребятишки съели. Но никогда нас не упрекали за это. Один раз в неделю ходили в клуб. Тогда уже нам родители разрешили хо-

дить на танцы. Возвращались из клуба уже на рассвете, радостные и довольные. Нас было много, поэтому ходили группой.

Когда Володя учился в медицинском институте, то всегда приходил к моему отцу смотреть, как он режет скот. Так он изучал внутренние органы животных.

Потом наступили страшные годы войны. Володя очень жалел, что из-за своей больной ноги не может идти на фронт. Через много лет после войны он многим своим знакомым рассказывал историю, которая произошла со мной в Загорском в те тяжелые годы.

Я тогда начала работать. Шла война, и двух братьев взяли на войну. В конце апреля я связала кофту из овечьей шерсти, постирала ее и повесила сушиться на изгородь. Мама ушла на работу, а я дома занималась уборкой. Когда я вышла на крыльцо, то увидела, что мою кофту жуют телята. Их целый табун пришел. Я с помощью палки еле ее у них отобрала, но кофта была уже испорчена. Я села на крыльцо и горько зарыдала. А мама с женщинами возвращалась с работы. Увидев мои слезы, мама бросилась ко мне с криком: «Которого убили?!». Я ей ответила: «Да никого не убили, просто мою новую кофту телята испортили». Тогда мама перекрестилась и сказала: «Слава Богу!».

Валентина ГОНЧАРОВА
«КАК НАМ ЕГО СЕЙЧАС НЕ ХВАТАЕТ...»

«Помоги ближнему» - символом этой Божьей заповеди остался в моей памяти Володя.

Жили мы в Аше. В 1956 году заболел мой папа Федор Алексеевич Гончаров. Володя забрал его в Уфу, положил на обследование и после вынесенного тяжелого приговора (рак пищевода) не расстроил его, сказал, что диагноз – «коллезная язва», нужна операция. Отправил его к лучшему онкохирургу в Волгоград, после чего папа прожил еще два года, в течение которых Володя еженедельно присылал ему лекарства.

В 1965 году мы переехали в Уфу. И здесь уже и моя мама, Антониды Ивановна, родная сестра его матери, и дети мои, Лена и Алеша, были постоянными его пациентами. Только благодаря его хлопотам члены моей семьи ложились на стационарное лечение в

железнодорожную и 8-ю больницы и в детскую больницу в Архиерейке.

Это все его родственники. Но и к чужим людям проявлял он сердечное участие.

Как-то в один из его приездов в Ашу он увидел в нашем доме худенького стройного кудрявого паренька восемнадцати лет. Это был Гена Зайцев, мой друг, тогда еще только начинающий поэт. Инвалид 1-ой группы, сирота, с открытой формой туберкулеза. Он был обречен: в легких сплошные каверны. «Дожить бы до возраста С. Есенина и А. Кольцова» - была его мечта. Володя забрал его в Уфу, устроил в туберкулезный диспансер, а затем в санаторий Шафраново. Гена вылечился, окончил школу культпросветработников, затем филфак БГУ, стал редактором газеты «Иглинские вести», выпустил две книги стихов и дожил до 61 года.

А каким Володя был советчиком! Надо ли продавать дом? Этот ли купить? Что делать с деревенским домиком-дачей, который местные власти грозятся столкнуть бульдозером в озеро? (Потому что советскому человеку нельзя было иметь два объекта собственности). Что бы ни случилось, я шла за советом к нему. Всегда он был приветлив, радостен, гостеприимен. Это был мозг нашей родни, и как нам его сейчас не хватает...

Когда я бываю на Южном кладбище (там похоронена моя мама), то на его могилу обязательно ставлю свечу – свечу памяти, свечу благодарности.

Александр СВЕТЛАКОВ **ХОРОШИЕ ЛЮДИ**

Я всю жизнь вспоминаю Татьяну Владимировну Романкевич. Дочь профессора вышла замуж за простого внука крестьянина. Война была; конечно, мужиков всех повыбило. За инвалида с детства, который всю жизнь валялся по санаториям с туберкулёзом кости ноги. Вышла замуж. Но она не задавалась больно. Придешь к ним в гости, за стол посадит, угостит как следует. Какой бы напиток у неё ни был – водка или коньяки, на столе у неё рюмочки с ноготок. Это чисто традиция, это культура питья была. А Вовку этой рюмочкой не прошибешь. А если ещё Михаил Иванович приедет, то эти рюмочки, он на них и не глядел, и в руках-то ему их не удержать. Ему

надо ковшом. Они поедят немного со Скачей: «Ну, пошли покурим». Идут курить в ванную комнату. А в ванной комнате у Скачи водопровод есть, стаканов там полно, кружек и чего угодно. По полстакана спирта нальют, хряпнут. «Вот теперь хорошо! Пошли пельмени есть». А там уж после этого и рюмочки эти в руках удерживаются. Надо отдать должное, Татьяна Владимировна этикет за столом соблюдала неукоснительно. Если они идут в ванную, никогда слова не говорила, как будто она ничего не видела и ничего не знает: это, мол, дело ваше. Порядочная была женщина, нас с Лёней очень любила. Царство ей небесное. Говорят, она была еврейского происхождения, сюда была прислана из Ленинграда в годы войны с радиостанцией Коминтерна. Оказывается, коминтерновская радиостанция вещала всю войну из Уфы. Она работала диктором на этой радиостанции. Никто ничего не знал. Говорили, что климат не подходит, из Ленинграда уехала по состоянию здоровья, потому что нужен сухой, здоровый климат, а, оказывается, это было партийное задание. И перед смертью приняла православие. По какой причине – утверждать трудно. То ли отдала дань уважения Наталье Ивановне Скочиловой, своему мужу и детям. Санька прекрасная женщина. Михаилу немножко не повезло, но тем не менее живёт не хуже, чем другие. Дети здоровые, сам он здоровый, косая сажень в плечах. В деда Петра, в прадеда уродился. Вот, культура питья такая должна быть. Кому надо, тот всегда найдёт. Но пить до поросычьего визга категорически запрещаю всем потомкам. Отец хоть и был пьяницей, мой отец, никогда до поросычьего визга не напивался. И Лёня, и я можем обходиться без этого зелья. Но чисто по русской традиции почему-то поднять перед обедом рюмочку как-то приятно.

* * *

Я до сих пор благодарен Татьяне Владимировне Романкевич. Жрать охота, день не кушал, два не кушал. Иду специально там, где Татьяна Владимировна идёт с работы.

- Ой, Шурка, ты что ли?
- Я.
- Как живёшь?
- Да ничего, хорошо живу.
- А чего к нам не заходишь?

А что, каждый день не будешь же заходить. Сегодня покормят, завтра покормят, но у них тоже ведь семья, зарабатывают каждый день.

- Ну-ка пойдём, пойдём. Наталья Ивановна, наверное, пельмени стряпает, давай пойдём к нам.

Она знала, что я живу в общежитии. Что ребёнок 15-ти лет в общежитии. Кто там что приготовил ему? Да и денег нет ни у него, ни у родителей. И она понимала, что я иду навстречу ей специально, чтобы она только завела туда, потому что сам-то я теперь стесняюсь ходить. Вот, заведёт, от пуза накормят, день-два терплю, потом опять иду навстречу Татьяне Владимировне. Спасибо ей. Царство небесное. Хорошая была женщина.

Валентина КАРЕВА **ОН - С НАМИ**

Два года, как не стало Владимира Анатольевича, но мы его помним, любим, скучаем.

С 8 класса я училась с его двоюродной сестрой Алей Сбитневой (Федоровой в замужестве). Однажды на семейном сборе у нее в 1946 году я обратила внимание на светловолосого симпатичного юношу. Он что-то с интересом рассказывал, начался общий разговор, кажется, об эмансипации женщины. Володя (так звали юношу) назвал тургеневские романы, их героинь и полное имя Тургенева – Иван Сергеевич! Мы Тургенева еще не проходили, не читали его романов, знали только «Муму». А тут столько разных имен и, главное, - Иван Сергеевич! «Какой умный!» - подумала я о Володе (Владимире Анатольевиче), а этот вечер запомнился на всю жизнь: я поняла, как важно много читать.

В последующие годы я слышала от Али рассказы, в которых часто она говорила о Володе, а затем о Володе и Тане Романкевич, его жене.

Так случилось, что в 1968 году я стала женой родственника Владимира Анатольевича, и мы виделись часто, тем более, что жили рядом («Наши окна друг на друга смотрят и сейчас ночью и днем»). Вечерами, особенно в субботу и воскресенье, ходили друг к другу на чашку чая, поговорить, обменяться мнениями о том, что проис-

ходило вокруг. Владимир Анатольевич работал главным врачом министерской больницы, рассказывал нам охотно о встречах с интересными людьми Башкортостана: Мустаем Каримом, Гайнаном Амири, Тагиром Ахунзяновым и другими. При этом он называл всех по имени и отчеству без заминки, а больных у него было ведь много.

Вспоминаются наши капустники. Пишу это слово без кавычек, так как мы не играли, а солили капусту на две семьи (хранили на балконе у нас). Собиралось нас 6-8 человек: кто чистил морковь, кто резал капусту. Владимир Анатольевич резал капусту на шинковке. Делал он это, как и всё, с большим удовольствием, увлеченно, часто рассказывая о прочитанном или увиденном. Иногда заводили потихоньку песню. В основном пели мужчины: мой папа, муж и Владимир Анатольевич.

А какие красивые, интересные, веселые были праздники! Особенно запомнилось 50-летие Владимира Анатольевича. В квартире собралось много народу, открыли окна (день его рождения – 6 июля), так как стало жарко и душно. Одна песня сменяла другую... Но до сих пор слышу: «Эх, дубинушка, ухнем! Эх, зеленая, сама пойдет! Да ухнем!». Казалось, что дом дрожит; а на крыше дома собрались мальчишки на бесплатный концерт.

Владимир Анатольевич любил петь, но почему-то слов некоторых песен не помнил. И здесь, как, наверное, и во многом другом, его палочкой-выручалочкой была Татьяна Владимировна. Когда он начинал петь, то вставал или садился рядом или недалеко от нее. Татьяна Владимировна знала его слабость и говорила: «Пой, сам знаешь, не подсаживайся». Он пел и так умоляюще смотрел на нее, что она подсказывала.

Знаю некоторых людей, которые о работе не хотят говорить дома, в кругу родных: отдыхают от работы! Владимир Анатольевич всегда говорил о работе с воодушевлением, когда чаще всего она шла успешно, или с горечью, если чувствовал беспомощность медицины.

С каким интересом он рассказывал об истории Уфы, Башкирии, ее людях! Не случайно и кандидатская диссертация у него - из истории медицины.

Наверное, из него при других обстоятельствах получился бы артист с богатейшей, выразительной мимикой. Из-за этой его способности я однажды чуть не утонула в Деме. Мы семьями отдыхали

на базе «Березка». Днем пошли купаться. Владимир Анатольевич и мой муж, стоя на берегу, стали что-то друг другу выразительно рассказывать (без слов!). При этом строили такие смешные гримасы. А я, плохо плавая, заплыла как-то на середину Демы, повернула назад, смотрю на них, смеюсь и... буль-буль. Кричу им, чтобы они кончили этот «разговор», но увлечение было большим. Кое-как я добралась до места реки, где было дно, встала и сказала им о том, что чуть не произошло...

Слушаю магнитофонную запись моего дня рождения: поет папа, произносятся тосты. И вот голос Владимира Анатольевича: «Несколько лет назад в нашу семью вошла Валентина Александровна. Я горжусь, что семья увеличилась еще на одного интересного человека».

Этим хочу закончить свои воспоминания. Как хорошо было жить, когда рядом был такой человек: и в радости, и в горести! Он и сейчас с нами. Вечная ему память!

Сазиды ГИМАДИСЛАМОВА **ШКОЛА ЧЕЛОВЕКОЛЮБИЯ**

Я впервые увидела В.А. Скачилова 11 сентября 1964 года, когда с направлением на руках впервые переступила порог его кабинета после окончания клинической ординатуры на кафедре факультетской терапии Башкирского медицинского института. Кафедрой тогда заведовала профессор Серафима Владимировна Базанова. Вошла в кабинет, конечно, с огромным душевным волнением, потому что теоретически знала о том, что это единственная больница в республике, где наблюдалось и лечилось партийно-советское руководство, писатели и другие заслуженные люди республики. Но когда я увидела на лице Владимира Анатольевича добрую улыбку, доброжелательность, душевное волнение куда-то улетучилось, и я спокойно говорила о себе. Владимир Анатольевич ознакомился с моим направлением, одобрительно кивнул и сам повел меня пешком в Министерство здравоохранения на собеседование с министром. (Тогда только так принимали сотрудников-врачей в это лечебное учреждение.) Поскольку Владимир Анатольевич был в хороших отношениях с министром здравоохранения Минигалимом Хазиевичем Камало-

вым, мы, не ожидая очереди в приемной, зашли в кабинет. Минигалим Хазиевич, недолго побеседовав со мной, одобрил мою кандидатуру. 11 сентября 1964 года я стала сотрудником этого заслуженного учреждения. В этот же день Владимир Анатольевич ознакомил меня со всей больницей, некоторыми сотрудниками, рассказал об особом характере работы, о большой ответственности, возложенной на каждого врача, так как их пациенты – люди, работающие с большим психо-эмоциональным напряжением, работающие на износ, всегда сильно занятые, которых не всегда можно вызвать даже на диспансерный осмотр.

В больнице тогда работало много очень опытных, заслуженных врачей, которые охотно делились своими знаниями. Тогда в коллективе царил особый теплый, доброжелательный, комфортный психологический микроклимат, что помогло быстро войти в коллектив и стать «своей». Такая атмосфера создавалась благодаря умению Владимира Анатольевича найти верный подход, нужные слова, душевно поговорить с каждым из нас и при проведении наших общих оперативок, которые проходили как уроки повышения специальных знаний и духовного воспитания. Последнему Владимир Анатольевич придавал особо большое значение. «Духовно глухой человек не может быть хорошим врачом», - говорил он. Тепло, чутко, доброжелательного отношения к больным требовал от нас Владимир Анатольевич. Каждый раз повторял: «Относитесь к больным так, как вам хотелось, чтобы относились к вам в часы болезни». В этом отношении он был очень строг, запрещал нам обращаться к пациенту словом «больной», мы обращались к больным только по имени и отчеству. Такое чуткое, доброе, сострадательное отношение к больным давало свои позитивные результаты. Мы лечили больных не только лекарствами, но и словом. Это была школа Владимира Анатольевича Скачилова.

Михаил ЧВАНОВ
ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК

Владимир Анатольевич Скачилов. Писать о нем мне трудно и в то же время легко. Трудно, потому что я не знал его столь близко, как другие. Легко, потому что он был легкий и светлый человек.

Я уже не помню, когда и как с ним познакомился, а знакомство мое с ним проходило по двум линиям: как с краеведом и как с главным врачом поликлиники, к которой я был приписан. Скорее всего, как с краеведом в то время я с ним был знаком только по печати, когда как врач он принял в моей судьбе самое прямое и самое горячее участие.

Было время, после сорока лет, когда меня основательно прижало сердце, настолько основательно, что я надолго и прочно залег в больницу. Больницы наши, даже в какой-то мере престижные, всегда были разновидностью тюрьмы или концлагеря. Меня положили в общем-то в комфортабельную палату на четверых, но из-за своей сердечной недостаточности в палате с наглухо заклеенными окнами я буквально задыхался от недостатка воздуха. В палате была такая духота, но, когда я заикался об этом медсестре или лечащему врачу, мне резонно отвечали:

- А что мы можем сделать?! После вас потом снова заклеивать форточки?! Другим, наоборот, холодно. Да и соседи ваши будут против, войдите в их положение.

Соседей я понимал, но, привыкший к воздуху гор, лесов, тундры, я чувствовал себя, как рыба, вытщенная из воды, и ночами не мог ни на минуту заснуть.

Тогда я попросил жену принести мне тайком пуховый альпинистский спальник, и поздно вечером, когда больница затихала, через слуховое окно уходил на плоскую крышу и спал там до утреннего обхода, и сыплющий в лицо снег напоминал мне о лучших временах, что, видимо, само по себе было лекарством. Рано или поздно это раскрылось, и после большого скандала: как так в совминовской больнице больные спят на крыше! – на слуховом окне повесили замок.

Тогда я пошел к главному врачу, то есть Владимиру Анатольевичу Скачилову с просьбой выписать меня из больницы:

- Я все понимаю, я не секретарь райкома, больной второго, даже третьего сорта, всего-навсего писатель, потому прошу отпустить меня на волю, так как от этой духоты я околею раньше, чем от сердца.

Владимир Анатольевич внимательно выслушал, потом, извинившись, куда-то убежал, а вернувшись, протянул мне ключ:

- Понимаете, тут не все от меня зависит, тут свои порядки, установленные сверху. Все, что могу: вот ключ от слухового окна, как спали там, так и спите, старшая сестра предупреждена, а остальным и знать не надо. А что касается вашего сердца, попробуем последнее средство – дуплекс: это смесь мышьяка со стрихнином. Да-да, одним травят крыс, другим – волков, в комплексе иногда помогает, только за каждый укол придется вам расписываться...

Не знаю, после ли мышьяка со стрихнином, после ли того, что Владимир Анатольевич разрешил мне тайком уходить из больницы и уезжать за город в поисках места для загородного дома, где я со временем построю баню, в которой и буду закалять сердце, только после этого – тьфу, тьфу, постучим по дереву! – на сердце я не жаловался.

Если врач Скачилов был со мной не то чтобы суров, но строг и требователен, в то же время и великодушен, то как краевед он почему-то меня стеснялся, а я стеснялся потому, что он, будучи намного старше меня, стеснялся меня.

Я полагаю, что как о краеведе, о В.А. Скачилове в этом сборнике будет написано. И считаю для себя важным сказать лишь об одном факте. Владимир Анатольевич Скачилов, как краевед, совершил, я считаю, своего рода если не подвиг, то поступок, на который не всякий решится. Люди старшего возраста, приписанные к поликлинике № 1, наверное, помнят старинную мебель, стоявшую в холлах. Так вот, было время, когда пришедший, извините, приехавший в поликлинику больной № 1 – первый секретарь обкома КПСС М.З. Шакиров, человек властный и разбирающийся лучше архитекторов в архитектуре, результатом тому уничтоженная лестница в Аксаковском народном доме, нынешнем театре оперы и балета, лучше строителей в строительстве, в результате чего обвалился потолок (слава Богу до открытия!) во Дворце культуры «Нефтяник», лучше реставраторов в реставрации (он предлагал снести дом, в котором провел детство С.Т. Аксаков, в котором ныне мемориальный дом-музей, а на месте его построить новодел), идя по коридору поликлиники между прочим сказал:

- Что ты тут эту рухлядь держишь. Выбрось и поставь новую современную мебель.

Другой бы руку к козырьку: будет сделано! А Владимир Анатольевич, несмотря на свою природную мягкость и даже робость перед начальством, твердо ответил:

- Нет. Вот отреставрируют, откроют Дом-музей С.Т. Аксакова, - и, выдержав жесткий взгляд, который редко кто и из более смелых выдерживал, добавил, - и тогда сам на пенсию уйду.

И почему-то смирился обычно не допускающий возражений М.З. Шакиров. И стоит ныне эта мебель в Мемориальном доме-музее С.Т. Аксакова в Уфе, и мало кто знает из проходящих в музей, что это своеобразный памятник Владимиру Анатольевичу Скачилову.

А еще незадолго до своей смерти он подарил музею редкий экспонат: фотографию-оригинал Н. Дуровой, известной как кавалер-девица.

И еще: когда я еду по автомагистрали Уфа-Челябинск на восток на свою родину, в Иглинском районе по правую руку каждый раз жду указатель «Загорское», потому что здесь я однажды заворачивал в гости к Владимиру Анатольевичу, где он в десятке километров от шумной автострады в коренной своей деревне в коренном своем доме доживал свои последние годы и дни.

Мир праху твоему, добрый человек!

Анатолий КРЮКОВ

КУЛЬТУРНЫЙ ЧЕЛОВЕК С ОБРАТНОЙ СВЯЗЬЮ

Сам я родился в Уфе, в северной части города, в бывшей Черниковке в сентябре 1941 года. После окончания средней школы № 80 продолжил учёбу в 1959-1962 годах в Уфимском индустриальном техникуме в здании по улице Будённого (ныне улица Мингажева) по специальности «техник-строитель по водоснабжению и канализации». После 1962 года наш техникум был перепрофилирован в Лесотехникум. После отработки по направлению техникума в Тульской области с 1962 по 1971 гг., через девять лет я вернулся на свою малую родину, в Уфу. За этот период своей жизни и работы в Тульской области окончил институт технического профиля. С 1971 года моя деятельность была связана с работой в области охраны труда и техники безопасности. Так судьба распорядилась, что начинать ра-

ботать мне было суждено в обкоме профсоюза медработников в должности отраслевого технического инспектора по охране труда в системе здравоохранения, аптечной и курортной сети и медицинской промышленности. В то время в СССР в отрасли здравоохранения такая служба только-только зарождалась, и, прямо скажем, что поле для этой работы было непаханным. Поэтому основной целью моей работы был не столько государственный надзор по охране труда в этой отрасли, а непосредственное оказание методической и практической помощи руководителям администрации и профсоюзных организаций учреждений здравоохранения в организации системы работы по соблюдению законодательства в области охраны труда в этих учреждениях.

Начать пришлось с «визитов вежливости» в наши больницы и поликлиники с представлений своей деятельности и консультаций руководителей этих учреждений и профактива по вопросам охраны труда и выдаче предписаний. Основная проблема и беда в этой системе заключалась в том, что основополагающие приказы по этой работе, спускаемые сверху Минздравом СССР, элементарно оседали в нашем Министерстве здравоохранения и не доводились до самих этих учреждений.

И так однажды очередь графика моих обследований и проверок по Уфе дошла и до больницы № 1 Минздрава БАССР, которой тогда, в 70-е годы, руководил врач высшей категории Владимир Анатольевич Скачилов. Надо сказать, в системе нашей отрасли в те годы существовало негласное табу, связанное с неприкасаемостью таких закрытых учреждений, обслуживающих элитных пациентов из обкома партии и правительства республики, для всяких проверок, в том числе по вопросам трудового законодательства и охраны труда. Тем не менее, работа есть работа, и, несмотря на «силовые рекомендации» моего профсоюзного начальства об исключении из графика проверок этой «скачиловской больницы», я всё же дошёл до заветной проходной этого закрытого учреждения на улице Пушкина. Тем более, что и повод был: помочь В.А. Скачилову, так как по штатной численности работающих в этой больнице с поликлиникой должна была быть предусмотрена и штатная должность инженера по технике безопасности, о которой даже сам главный врач тогда не имел представления, а возможно эту единицу просто зажимали и сверху в тогдашнем Минздраве БАССР. Высидев в предбаннике время ожи-

дания в приёмной главного врача, я, наконец, получил желанную аудиенцию. Удивил меня сам кабинет главного врача, обставленный в стиле «ретро» красивой старинной мебелью, оригинальными напольными часами с боем, огромными книжными полками, доверху набитыми толстенными книгами в старинных коленкорových переплётках с золотым тиснением, большой красивый дубовый письменный стол с цветным бархатным покрытием, занятые письменные приборы с мраморными чернильницами, диван с блестящей кожей и т. д. В общем, музей да и только.

После обменных вежливых представлений перешли к деловым вопросам, на которые нам обоим хватило не более 20 минут. Оказалось, что Владимир Анатольевич мне представился не только интересным и интеллигентным человеком, но и высоким профессионалом, организатором и администратором, схватывающим сразу на лету самую суть дела. И, конечно же, он оказался ещё и доступным интеллигентным и культурным человеком с обратной связью, умеющим без чиновничьего самодовольства признавать упущения и недоработки в своей деятельности и быть благодарным за оказанную помощь. Дальнейшее наше общение перешло уже на другие интересные темы. И как старожил Уфы он поведал много интересного о старинном здании земской больницы и много других занятных эпизодов по истории Уфы. Проговорили мы с ним почти час и расстались, несмотря на возрастную и социальную разницу, в самом добром расположении друг к другу.

Позднее он оперативно решил с Министерством вопросы по дополнению штата своей больницы должностью инженера по охране труда. Затем, сообщая, мы подобрали делового и грамотного специалиста на эту должность. Впоследствии эта больница Минздрава стала показательной в нашей отрасли по лучшей постановке работы по охране труда. Последующие наши встречи и общения были связаны больше с общими краеведческими темами по истории Уфы. А я в дальнейшем с большим интересом читал его авторские краеведческие материалы в газете «Вечерняя Уфа».

Владимир ФЕДОРИЩЕВ
КРАЕВЕД ЖИВ, ПОКА ЕГО ПОМНЯТ

Впервые я встретился с Владимиром Анатольевичем Скачиловым в 1980 году в Челябинске на Уральских краеведческих Бирюковских чтениях. Нас познакомил А.А. Шмаков, литературовед, краевед. И мы с первого знакомства какими-то невидимыми нитями потянулись друг к другу, посчитав, что мы необходимы друг другу.

Есть ряд людей, о которых необходимо вспоминать много и подробно: эта память нужна для подрастающего молодого поколения. К таким людям и относился Владимир Анатольевич. У нас с ним постепенно завязалась так необходимая переписка, связанная общей любовью к книге и краеведению. И все его письма, почтовые карточки, поздравительные открытки я с любовью храню. И мне очень трудно представить, что нет сейчас Владимира Анатольевича с нами. Не услышим его мудрые слова: «Каждый человек должен отвечать только за себя и за свои поступки».

Я многие годы собираю сведения, материалы, книги об уральских владельцах личных библиотек для составления «Словаря уральских книжников, книговедов, библиографов, издателей». Владимиру Анатольевичу я выслал анкету с вопросами, на которые он подробно ответил, показав свою удивительную любовь к книге. Судя по этим ответам, он был страстным читателем. И поэтому его домашняя библиотека отражала все его жизненные интересы: к своей самой человеческой специальности врача, истории его малой родины Башкирии, российской культуре. И не зря же по своим интересам он взял за правило слова Н.М. Карамзина: «Трудитесь умом, играйте воображением, живите сердцем». И за первую свою книгу «Люди подвига и долга» (Уфа, 1979) о жизни и деятельности первых врачей, работавших в Башкирии, удостоен премии имени В.П. Бирюкова.

В его библиотеке книжный раздел «Лениниана» пользовался особым вниманием и интересом: он многие годы постоянно пополнял его приобретенными книгами, журналами, газетами. Такой интерес достоин глубочайшего уважения, поскольку учение Ленина было близко его уму и сердцу. И поэтому он был весьма огорчен, когда СССР распался на отдельные государства, а общество в России оказалось разобщенным по идейным установкам, когда в стране

началось повсеместное наступление на права и социальные завоевания трудящихся. Владимир Анатольевич был искренне предан своему времени. Он писал мне: «Идея коммунизма неискоренима, ибо в ней воплотилась тысячелетняя тоска по царству гуманизма, культуре и справедливости. И зачем разрушать все, что разумно?».

В другом письме он с возмущением сообщал: «Из-за дороговизны проезда по железной дороге я не могу поехать в Челябинск на предстоящую конференцию краеведов “Бирюковских чтений”».

Каждая пора жизни по своему прекрасна, интересна и неповторима. Старость, умудренная опытом большой жизни, тоже прекрасна, если каждый день заполнять ее заботами о чем-то большом, полезном, интересном, когда некогда и оглянуться назад, а смотришь все время вперед. И эти слова я отношу к Владимиру Анатольевичу. Его отличал жизненный интерес краеведа к правде истории, а не поиск сенсаций. Он, неутомимый исследователь в краеведческих делах, старался поделиться своими находками, открытиями и о них докладывал на краеведческих конференциях. И поэтому его краеведческие книги читаются с большим интересом.

В сборник «Поиски и находки» (Уфа, 1984) Скачилов включил статьи, имеющие непосредственное отношение к краеведению на башкирской земле. Уже имея опыт составления сборников, Владимир Анатольевич приступил к составлению третьего краеведческого сборника с поэтическим названием «Сохраним выцветшие строки...» (Уфа, 1988). В нем опубликованы статьи о малоизвестных событиях из истории Башкирии, что и придало этой работе большой читательский интерес, сделав ее ценным вкладом в краеведение.

Для меня, краеведа, его сборники являются не только хорошим пособием, но и дорогими памятными подарками. Они подарены мне с добрыми авторскими надписями, которые я бережно храню как память о встречах с прекрасным, талантливым краеведом, милым для меня уральце – Владимире Анатольевиче Скачилове.

Сейчас понятие Родины все более и более стараются сузить. Ее границы сжимаются. Но понятие малой родины жило и живет в нас всегда, и знать ее хотелось каждому, кто хоть чуть-чуть испытывал нежность к родным пенатам. Один из тех, кто был всегда полон этого чувства, был В.А. Скачилов.

Виктор СИДОРОВ
ДОКТОР, КРАЕВЕД, КНИГОЛЮБ

Этот незаурядный человек сочетал в себе множество замечательных качеств: глубочайшую порядочность, интеллигентность, отзывчивость, обаяние, помноженные на громадный жизненный опыт в сочетании с умом и интеллектом. Он был знаком со множеством людей «от верхов до низов», различных званий и положений. Однако, к сожалению, не всегда эти контакты приносили радость и удовлетворение. Прежде всего я имею в виду его профессиональную деятельность. В течение многих лет Владимир Анатольевич был главным врачом поликлиники Совета Министров БАССР. Должность, безусловно, престижная, но и очень ответственная. Он имел большие права и полномочия, однако к этому «прилагались» «высокие» пациенты, которые в общем-то «вели себя» удовлетворительно, хотя в их действиях иногда проскальзывало, может, и небольшое высокомерие, соответствующее их положению в обществе. Но гораздо больше «проявляли» себя пациенты рангом намного ниже и их многочисленные родственники, считавшие, что раз их «глава» получил доступ в привилегированную поликлинику, то и они должны обслуживаться там на высочайшем уровне, и все, включая главного врача, обязаны демонстрировать им свое почтение. Конечно, все это стоило Владимиру Анатольевичу расстроенных нервов. Но он всегда был выдержан, корректен, внимателен ко всем без исключения. Помимо непосредственной работы, на него возлагалась медицинская опека высоких гостей, делегаций. И так каждый день. Такое напряжение надо было выдерживать. Как-то я сказал, что за эту каторжную работу ему следует присвоить звание Героя социалистического труда, а затем направить в неврологический санаторий.

- Более реально в психушку, - ответил он.

Естественно, я не знал всех его медицинских перипетий, для меня он был хороший старший товарищ, краевед, книголюб. Вообще-то, мы с ним познакомились в 1959 году, но встреча была мимолетной, о чем мы все же вспомнили через двадцать с небольшим лет. Познакомил нас заново мой старый друг Мурат Галимович Рахимкулов, который в свое время учился в школе со Скачей, такова была «подпольная кличка» будущего доктора. Сам Владимир Анатолье-

вич рассказывал, что в школьные годы он не отличался примерным поведением, но учился хорошо:

- Мальчики уважали меня за крутые кулаки, которые в сочетании с костылем представляли грозную силу, а девочки – за отличную учебу.

Теперь же это был спокойный, солидный человек, в облике которого ничто не напоминало бурной молодости. Мы стали довольно часто встречаться на заседаниях краеведов и книголюбов, бывали друг у друга. Историю Башкирии, и особенно Уфы, он знал великолепно, коллекционировал предметы старины и собирал книги. Библиотеку Владимир Анатольевич создал очень хорошую. Было у него довольно много редких книг. Ну а рассказчиком он был, как говорят, милостью божьей. Как я уже отмечал, он встречался с очень многими известными и простыми людьми, и его рассказы о них просто завораживали. Впоследствии Мурат Галимович, Владимир Анатольевич и я неоднократно ездили с выступлениями по городам Башкирии. К тому времени у каждого из нас были выпущенные книги. Рахимкулов рассказывал о русских писателях, в произведениях которых была отражена Башкирия, о встречах с писателями; Скача беседовал на литературно-медицинские темы и «за жизнь», ну а я говорил о Салавате Юлаеве, истории Башкирии. Надо сказать, что принимали нас всегда очень хорошо, слушали внимательно, задавали множество вопросов. Аудитории были самые разные. Однажды в Ишимбае нас попросили выступить в закрытом ПТУ. Естественно, мы согласились. Однако, когда нас привезли на окраину города к какому-то глухому забору с проходной, где находилась охрана, мы несколько растерялись, тем более, что увидели отряды девочек, которые строились под команду воспитательниц в военной форме. Оказалось, что это колония несовершеннолетних преступниц – алкоголичек, наркоманок, проституток, воровок и т. д. (Как нам потом сказали, в стране таких заведений было всего четыре). В большом зале собралось человек четыреста. Аудитория – чисто женская. Нас не отпускали часа четыре. Особенно здорово выступил Владимир Анатольевич. Он быстренько сориентировался и провел такую беседу, что некоторые слушательницы прослезились. После окончания выступления Владимира Анатольевича обступили девочки, и он еще полчаса разговаривал с ними.

Неоднократно мы ездили на краеведческие конференции в Челябинск на Бирюковские чтения. Обычно садились на скорый поезд Москва – Челябинск, который приходил в Уфу где-то часов в 12 ночи, а утром прибывал в Челябинск. Поездки всегда были очень интересные. Книга Владимира Анатольевича «Люди подвига и долга» была удостоена премии имени В.П. Бирюкова. Мы искренне радовались за него, и он тоже был очень доволен.

Однажды после окончания конференции нас повезли на экскурсию в Ильменский заповедник. В автобусе вспоминали разные краеведческие истории. Меня попросили рассказать о Салавате Юлаеве, но у меня что-то не было настроения, тогда Владимир Анатольевич сказал:

- Я сам расскажу!

Я с изумлением слушал его рассказ. Говорил он, как всегда, очень увлеченно. Кое-где подвирал, но в общем все было нормально. Однако в конце он выдал «перл»:

- Салавата наказали кнутом, ему вырвали ноздри, отрезали язык и отправили на каторгу. Но и там он слагал и пел свои замечательные песни.

И никто ничего не заметил! После не без ехидства я его спросил:

- Скажи, дорогой доктор, как можно петь без языка?

Он на секунду задумался, а потом буркнул:

- Надо было самому рассказывать.

В 1984 году у меня прихватило сердце. Но было очень много работы, и от госпитализации я отказался. Узнав об этом, Владимир Анатольевич сказал:

- Ляжешь ко мне в больницу, а работать будешь у меня в кабинете, я дам тебе ключ.

Конечно, я был ему очень благодарен. Но года через два прямо с работы меня увезли в кардиоцентр. На другой день доктор Скачилов прибежал ко мне. Договорился с главврачом о хорошей палате, лечении, а мне для «подкрепления» вручил большой пакет с пирожками:

- Татьяна Владимировна прислала.

Я был очень тронут.

Вообще, он неоднократно помогал мне «по медицинской части». Да разве только мне. И, конечно, Владимир Анатольевич сделал

много добрых дел не только как медик. Человеком он был общительным, коммуникабельным, нисколько не кичился своим положением. На моем пятидесятилетии в присутствии довольно большой аудитории Владимир Анатольевич взял гитару и запел: «Как много девушек хороших, как много ласковых имен...». Аплодировали ему бурно. Вообще петь он любил. Одной из его любимых песен была «Там, вдали за рекой...». Особенно выразительно она звучала, когда ему подпевала Татьяна Владимировна. Вообще эта пара была чудесная.

После 25 лет каторжно-неблагодарной, как я считаю, работы на посту главврача, Владимир Анатольевич стал пенсионером. С одной стороны, друзья-краеведы жалели об этом, с другой – радовались, так как теперь он мог уделять больше внимания делам краеведческим. В определенной степени оно так и было. Владимир Анатольевич писал статьи, занимался редакторской работой, не забывал и общество книголюбов. Это проложилось лет десять. Но наступил роковой високосный 1996 год. Владимир Анатольевич тяжело болел, и 7 февраля его не стало. Несмотря на очень сильный мороз многие пришли проститься с ним – товарищи по школе, коллеги-медики, благодарные пациенты, друзья-краеведы, книголюбы и т. д. Все они искренне любили этого замечательного человека, который сделал для людей очень много хорошего и оставил о себе добрую память.

Борис АХМЕТШИН
ЧЕЛОВЕК ДО КОНЦА ЧЕЛОВЕЧЬЕГО

Писать о Владимире Анатольевиче Скачилове кажется легко и просто и даже отрадно. И каждый, кто мало-мальски знал этого замечательного человека, наверное, без особых раздумий согласится с этим постулатом. Но это так представляется только на первый взгляд. Главная трудность для меня заключается, прежде всего, в том, что я, к сожалению, был не очень близко знаком с этой неизменно ясного ума и благороднейшей души и натуры личностью. И мне остается только по-хорошему завидовать моим коллегам, которые были долгие годы что называется на короткой ноге с ним, а некоторым из них даже довелось учиться в одном классе знаменитой

неполной средней школы № 26 города Уфы и на всю оставшуюся жизнь сохранить не только приятельские отношения, но и истинную дружбу, цена которой известна не только самим друзьям. В этом случае я имею в виду прежде всего своего старшего товарища и коллегу Мурата Галимовича Рахимкулова, которому посчастливилось больше чем кому-либо общаться с Владимиром Анатольевичем, и отчасти себя самого. Если их со школьной парты раз и навсегда связала преданность общим юношеским идеалам, а потом и основополагающим жизненным принципам, которым они остались верны до конца, то меня притягивало к ним неудержимое любопытство, подогреваемое их бескорыстной дружбой и неизменно умными и содержательными беседами.

Действительно, оба они оказались людьми, наделенными истинным талантом человечности и бескорыстия. В этом я убеждался не раз, особенно во время неоднократных поездок по разным городам и весям нашей республики и соседних областей. Так как Мурата Галимовича я знал более основательно (почти два десятка лет в качестве оппонента кандидатской диссертации и т. д.), то для меня, естественно, больший интерес представляла фигура Владимира Анатольевича. И она сразу же заморозила меня своей невероятной порядочностью, готовностью откликнуться на любое твое побуждение, особенно если это касалось вопросов, связанных с его профессиональной деятельностью, которая была в то же время настоящим призванием его натуры. Он был врач от Бога, и не только врач, а истинный целитель. Множество примеров тому может привести каждый, кому посчастливилось в жизни знать Владимира Анатольевича более-менее обстоятельно. Я же могу сослаться не только на свидетельства своих друзей-коллег, но и вспомнить несколько случаев, непосредственно связанных с моей семьей. Достаточно привести хотя бы один из них.

Когда появился на свет мой младший сын, врачи родильного отделения единственной считавшейся тогда чистой (от сепсиса) железнодорожной больницы, куда жена попала по «большому благу», то есть по звонку одного из замов министра здравоохранения республики, тут же застудили младенца так, что его жизнь повисла буквально на волоске, и только благодаря вмешательству Владимира Анатольевича и героическим усилиям заведующей отделением 17-й больницы Веры Петровны Кулагиной и ее коллег ребенок был спа-

сен, за что мы питаем к ним неизменную признательность и нескончаемую благодарность. Да и потом мы неоднократно консультировались у лучших специалистов-профессоров мединститута, работавших по совместительству у Владимира Анатольевича, так как у мальчика еще долгое время не прекращались шумы в сердце. Особенно хотелось бы в этой связи отметить высокий профессионализм, самоотверженное служение своему делу и чуткое отношение к пациентам со стороны профессора Лиры Даяновны Гатауллиной.

В данном случае я упоминаю лишь один эпизод, коснувшийся лично меня. Но я знаю несколько других подобных случаев из семейного быта моих друзей и коллег, когда благодаря всепоглощающей человечности Владимира Анатольевича были возвращены к жизни они сами, их родные и близкие. И – что еще дороже – их дети и внуки. Вообще, надо сказать, что это был большой души человек в самом истинном значении этого слова и настоящий врач – золотые руки. Более того, он был наделен еще одним бесценным дарованием – лечить больных своим словом. Но это была вовсе не магия волшебства или ведовства (от слова ведун) и не заговорная практика, тайной формулой которой владеют лишь немногие особо одаренные или отмеченные высшим, может быть, неземным, знаком люди. В том и секрет, что Владимир Анатольевич умел врачевать и исцелять самым обыденным словом, в ходе непритязательной беседы или обсуждения какого-то вовсе не медицинского вопроса. И это ему удалось как никому другому. Иначе как объяснить тот феноменальный эффект, какого неизменно достигал этот простой, но рожденный с золотым сердцем человек, когда в его руках оказывались не только здоровье, но и сама жизнь пациента. Рассказы об этих редких способностях Владимира Анатольевича широко бытовали и бытуют поныне среди людей разных профессиональных групп, обрастая почти легендарными подробностями, превращаясь в повествования наподобие устных сказов. Для этого, пожалуй, имелись все основания.

Взять хотя бы два случая из врачебной практики Скачилова. Связаны они с такими известными артистами, как Михаил Жаров и Клавдия Шульженко, гастролы которых оказались из-за болезни на грани срыва, но были, как по волшебству, спасены благодаря своевременной помощи Владимира Анатольевича, о чем более подробно рассказано в воспоминаниях самого доктора. Какие меры и средства

из своего богатого арсенала, отнюдь не только фармацевтического, применял в подобных клинических случаях наш кудесник, то ведомо только ему самому, но оба раза действительно произошло чудо: знаменитые артисты быстро восстановили здоровье и продолжили свои встречи с уфимскими зрителями.

Так было не раз, и так случалось в жизни не только знаменитостей, но и рядовых граждан, к которым он относился с таким же тщанием, так же бережно и уважительно, как и к тем, кто «молнии земные» держал в собственных руках. Что касается сильных мира сего или даже власть придержащих, с которыми Владимиру Анатольевичу приходилось постоянно иметь дело по долгу службы, он и с ними вел себя ровно, без подобострастия, сохраняя привычное свое спокойно-независимое реноме. Тому примеров история знает тоже порядочно. Один из них восходит ко времени последнего руководителя республики советского периода – деятеля, безусловно, сильного, энергичного и, конечно, очень волевого, который ни в чем терпеть не мог медленной раскачки, не говоря уже о разболтанности и расхлябанности. Он постоянно и неусыпно «держал руку на пульсе жизни» такого громадного организма, как Башкортостан, и регулярно совершал «наезды» на разные объекты, и особенно новостройки. При этом его нередко сопровождала солидная свита из представителей соответствующих отраслей экономики, соцкультбыта и других сфер жизнедеятельности нашего региона. Среди них приходилось иногда бывать и Владимиру Анатольевичу. И когда лидер, стремительный в движениях и действиях, легко, чуть ли не бегом, поднимался по пролетам строительных лесов, иные из руководителей, тем более страдающие излишним весом и полнотой, явно не поспевали за ним и вызывали порой у того иронические замечания. Раздобрили, мол, на казенных харчах и от малоподвижного образа жизни. В такие минуты из всей рати один Владимир Анатольевич находил мужество подавать свой голос в защиту «бедных и сирых» деятелей высшего ранга. Обращаясь к первому лицу республики по имени-отчеству, он обычным своим мягким, но убедительным голосом говорил: «Не у каждого из Ваших товарищей и коллег такое крепкое здоровье, как у Вас. И если они рискнут взять такой темп, который Вы задаете в своих марш-бросках, то уже завтра станут моими пациентами». Не удивительно, что эти резонные замечания были встречаемы с полным пониманием и явным удовольствием

многими участниками и свидетелями такой сцены. Да и возразить тут было нечего.

Кроме всего названного, личность Владимира Анатольевича примечательна для меня с точки зрения его научных интересов. И здесь в полной мере проявилась доминирующая черта характера этого недюжинного ума и сердца человека. В своей диссертации и других многочисленных публикациях он сумел воссоздать и проанализировать историю участия медиков Башкортостана в борьбе за социальную справедливость. А его монография «Люди подвига и долга», обстоятельные брошюры и содержательные очерки выдержали по несколько изданий и стали гимном самоотверженному труду лучших представителей самой гуманной и благородной профессии на Земле. Особенно впечатляют труды, посвященные подвижнической деятельности А.И. Веретенниковой, С.Я. Елпатьевского, В.П. Одинцова и многих других, которые по велению души выехали в тогдашнюю башкирскую глушь и, невзирая на суровые условия жизни, всецело посвятили себя врачеванию не только телесных, но и социальных болезней местного населения и тогдашнего общества.

До конца своей жизни Владимир Анатольевич оставался дошным, пытливым и скрупулезным исследователем. Мне всегда приятно вспомнить, какое живое участие принимал наш дорогой доктор в ежегодно проводимых в Челябинске Бирюковских чтениях. Он старался охватить работу всех секций этой всеуральской научной конференции, охотно выступал во время дискуссий по широкому кругу вопросов, проявляя при этом удивительную эрудицию и академическую корректность, умел убедительно и последовательно отстаивать свою точку зрения и позицию и этим производил на всех неотразимое впечатление. Не случайно он стал, к всеобщей радости многочисленных участников конференции и его самого, одним из первых из башкирских ученых лауреатом премии имени В.П. Бирюкова.

Таким всегда вежливо-корректным и сдержанно-обаятельным запомнился Владимир Анатольевич всем, кто знал его хоть какое-то время или прошагал с ним значительный отрезок жизненного пути. И пусть судьба была к нему не очень благосклонна, он навсегда остался в нашей памяти и сознании наших детей и внуков все тем же мудрым в своей неизменной и неиссякаемой доброте Человеком.

Пётр ФЁДОРОВ **ДЯДЯ ВОЛОДЯ**

Владимира Анатольевича Скачилова я помню с первых лет своей жизни, поскольку являюсь его двоюродным племянником. Мои родители до моего поступления в школу были частыми гостями гостеприимного скачиловского дома и нередко после своих визитов оставляли меня там погостить на недельку-другую. Постепенно я настолько привязался к этой семье, что ждал наших поездок сначала в квартиру на Воровского, а потом на Харьковскую как какого-то большого праздника вроде Нового года.

Пока я был маленьким, меня больше всего привлекала необычная обстановка скачиловского дома: бесконечная крутая лестница, ведущая к дому на дне оврага на Воровского; большая немецкая овчарка, каждый раз валившая меня на пол при входе в их комнату и, к счастью, ни разу меня не укусившая; множество игр и игрушек моего троюродного брата Миши, с которым мы позднее любили часами играть в солдатики и смотреть под кроватью диафильмы. Тогда я ходил в этот дом играть в недоступные нашей небогатой семье игры и игрушки и мало обращал внимания на дядю Володю, который пугал меня своим зычным голосом, медицинским корсетом и костылями, с которыми он вскоре расстался после удачной операции в Сысерти.

Позднее, будучи школьником, я приходил к Скачиловым за книгами, потому что ни в одной из доступных мне в те годы библиотек не было такого богатого выбора произведений А. Беяева, А. Волкова, Ж. Верна, М. Рида, А. Дюма, детской и исторической литературы. Они не только никогда не отказывали мне в просьбах, но и часто сами рекомендовали неизвестных мне авторов.

Постепенно я начал прислушиваться к разговорам взрослых, из которых узнал, что дядя Володя – самый справедливый человек в нашем роду. Так говорила моя бабушка Пелагея Ивановна Сбитнева. По ее мнению, которое разделяло абсолютное большинство наших родственников, Владимир Анатольевич не только достиг недоступных никому из нас высот в своей медицинской деятельности, но и не возгордился этим, много лет бескорыстно помогая своим близким и дальним родственникам. Впрочем, как я позднее убедился, он не де-

лал различия между своими и чужими и старался помочь любому человеку, обратившемуся к нему за помощью.

На всех наших семейных праздниках дядя Володя был душой компании. Сколько бы человек ни собиралось за столом, о чем бы ни шла речь, он всегда умел найти такую интонацию и так повернуть разговор, что все присутствующие, как замороженные, слушали его захватывающие истории и смеялись над его глубокими и остроумными шутками. А как он пел! В те годы я открыл в дяде Володе его незаурядный актерский талант. И лишь в последние годы его жизни я по достоинству оценил его доброту и мудрость. Этот человек, так много и глубоко страдавший, любил жизнь и людей, как редко кому это удавалось.

В годы перестройки я вновь сблизился с Владимиром Анатольевичем на почве краеведческой работы. В наших тогдашних беседах мы часто по-разному оценивали те или иные события современности или недавнего прошлого. Тогда мне казалось, что Владимир Анатольевич отстал от жизни, придерживается устаревших взглядов, выработавшихся, вероятнее всего, от его многолетнего общения с номенклатурными работниками. И лишь спустя годы я убедился, что он во многом оказался прав.

Последний раз я встретился с ним весной 1995 года. Мы беседовали о романе А. Рыбакова «Прах и пепел». Когда я высказал сожаление о том, что автор не довел свое повествование до XX съезда, Владимир Анатольевич ответил, что полностью согласен с рыбаковским финалом:

- Я ведь родился в 1923 году и все послевоенные годы ношу в себе вину за то, что из-за своей инвалидности не смог пойти вместе с другими на фронт. Рыбаков прав в том, что оставил своих героев на поле боя. Многие мои ровесники остались там. Домой вернулись только единицы. Поэтому я все эти годы старался делать то, что должны были сделать они. И я уверен, что, если бы они остались живы, наша жизнь была бы другой.

Мурат РАХИМКУЛОВ
«БОЛЬШОЕ ВИДИТСЯ НА РАССТОЯНЬЕ...»

*«Не говорите мне “он умер”. Он живет!
Пусть жертвенник разбит – огонь еще пылает,
Пусть роза сорвана – она еще цветет,
Пусть арфа сломана – аккорд еще рыдает!..»*
С.Я. Надсон

После окончания в 1937 году татарской начальной школы, размещавшейся в здании мечети, что на Социалистической улице, я поступил учиться в пятый класс русской неполной средней школы № 26. В первые дни сентября я обратил внимание на юношу-крепыша с костылем в одной руке и палкой – в другой. Он был года на два старше меня и производил впечатление лидера: его костыль и палка внушали если не страх, то уважение. В нашем классе были ученики чуть старше одноклассников: мой сосед по парте Вовка Петухов, Шура Баутский, крупный, сильный, волевой, большеротый (за что его окрестили Кашалотом). Оппонентом его был Володя Скачилов, вооруженный костылем и палкой, метко прозванный Скачей. Будучи физически намного слабее Скачи и Кашалота, к тому же ежегодно по весне мучаясь от хронической малярии, я, конечно же, держался от лидеров подальше. Очевидно, от излишнего употребления хинина (против малярии) я к началу лета становился желтым, как осенний лист...

...Вторично судьба свела меня с Владимиром Анатольевичем Скачиловым лет через тридцать, в конце 1960-х годов. Как-то после очередного заседания общественного Совета при Республиканской библиотеке имени Н.К. Крупской (ныне Национальная библиотека РБ имени А.-З. Валиди) под председательством известного краеведа Н.Н. Барсова ко мне слегка прихрамывая и с палочкой в руке подошел симпатичный, голубоглазый, большеносый, с полулысой крутой головой мужчина и, представившись, вежливо сообщил, что до войны мы учились в школе № 26. Я сразу же догадался, что солидный интеллигентный мужчина – Скача, то есть Владимир Анатольевич Скачилов. Он оказался главврачом самой престижной, «шакировской» больницы. Мне приятно было узнать, что у него есть все тома моего пятитомного сборника «Башкирия в русской литерату-

ре», вышедшего в 1960-х годах, кроме 4-го (кто-то взял и «забыл» вернуть, купить сейчас уже негде, короче – не найдется ли у меня лишнего экземпляра). Я обещал найти, Скача дал мне визитку, и мы расстались.

Вскоре я удовлетворил просьбу Владимира Анатольевича – он радовался как мальчишка... Он заговорил о своем страстном увлечении краеведением... И мы сразу же нашли общий язык: к тому времени литературное краеведение стало делом всей моей жизни. Совместно мы подготовили 4 краеведческих сборника (редактирование всех материалов входило в мои обязанности). Вместе мы выпустили 3 сборника: «По тропам былого» (1980), «Поиски и находки» (1984), «Сохраним выцветшие строки...» (1988). Один материал последнего сборника, кстати давший ему название, нуждался в основательном редактировании. Это было, очевидно, в 1987 году. Я принес отредактированную мной рукопись и ворчал:

- Так писать нельзя! Ты зачем, Скача, принимаешь такие статьи?

Извиняясь, он сказал:

- Но это материал моего однокашника по школе, друга с детских лет.

И тут, вежливо постучав, вошел симпатичный, стеснительный мужчина и, раскланявшись, тихонечко присел в сторонке... Владимир Анатольевич, несколько смутившись, сказал:

- А вот и автор статьи. Поговори с ним сам.

Я смутился, покраснел, но твердо сказал:

- Так писать нельзя. Надо основательней работать над формой своей статьи, прежде чем представлять ее редактору или составителю.

И я извинился за свою излишнюю горячность. Это был преподаватель Уфимского института искусств, тогда еще доцент, а ныне – профессор кафедры Михаил Петрович Фоменков, прекрасной души человек; мы с ним давно подружились. Четвертый сборник – «Живая память», из-за которого мы, Владимир Анатольевич и я, составители его, «воюя» несколько лет с директором издательства, столько истратили нервов, что, наверняка, эта бессмысленная «война», то есть нервотрепка, ускорила кончину дорогого Владимира Анатольевича и надолго подкосила мое здоровье... Сборник «Живая память» вышел через год после смерти Владимира Анатольевича. Высокая

похвала сборника во время презентации в актовом зале педагогического института (ныне – университета) – слабая компенсация за гибель одного из составителей...

...Неизменно с теплым чувством вспоминаю как дорогой мой Скача обрадовался, когда в 1979 году я стал членом Союза писателей СССР: стоило мне появиться около него, как он сразу же, бросив все дела, повел меня в регистратуру и прикрепил к своей больнице «по второй категории»...

Еще несколько примеров из личного быта. Весной 1982 года моя жена долго маялась от радикулита. Во время одного из сеансов электролечения она потеряла сознание. Владимир Анатольевич, наш ангел-хранитель, тут же отправил ее в больницу, и добрые руки доцента Валиахмедова предотвратили возможный летальный исход... В том же году случилась беда с нашим старшим внуком Алешей, и Владимир Анатольевич сделал все, чтобы его спасти...

...В начале сентября 1984 года, измотавшись на вступительных экзаменах в БГУ, захотел отдохнуть на юге. Тогдашний директор Башкирского отделения Литфонда СССР Александр Филиппов сказал:

- Есть путевка в Дом творчества в Гагры, узнай у эскулапов, разрешат ли тебе на юг, у тебя же, хоть и давно, был инфаркт.

Пришел к Скаче, а он мне говорит, что мой участковый врач – добрейшая, но осторожная Луиза Хабибовна Исхакова – в отпуске, и что мне надо идти на прием к молодой, но очень умной и толковой Рашиде Мухаметовне Юсуповой. Красивая молодая женщина с огромными черными глазами очень внимательно отнеслась к моей просьбе и сказала:

- Как я Вам по-хорошему завидую, поезжайте, конечно же, ведь там сейчас бархатный сезон.

Моей благодарности не было предела. Отдохнул я отлично, да еще общаясь с другом Мустая Карима – замечательным поэтом-фронтовиком Михаилом Александровичем Дудиным (лауреатом Госпремии, Героем Соцтруда). После этого почти 10 лет мы ежегодно всей семьей с внуками отдыхали то на юге, то на севере (то в Пицунде, то в Дубултах).

Мне хорошо запомнилось, как мы с Виктором Владимировичем Сидоровым поздравляли Скаченьку с 60-летием, сфотографировались на память.

Особо следует остановиться на наших поездках по городам и весям Башкортостана. Проводя творческие встречи с читателями (по линии общества книголюбов), мы побывали во многих городах родной республики. Навсегда врезалось в память наше посещение в Ишимбае колонии молодых преступниц... 15-18-летние красивые девочки в мрачных темных робах (черных или темно-серых) так внимательно слушали наши выступления не столько о литературе, сколько о жизни. Особенно отличился Владимир Анатольевич: он так увлеченно и эмоционально рассказывал о своих встречах со знаменитыми людьми, в частности, о Клавдии Шульженко, Михаиле Жарове, Олеге Попове, что не только девчужки, но и мы с В.В. Сидоровым слушали, чуть ли не разинув рты... А когда начали нас поторапливать (приближалось время обеда) и мы закруглились, нас окружили наши благодарные слушательницы и просили прислать им свои книги, заинтересовались нашими адресами. Помню, Сидоров как-то увернулся, а Владимир Анатольевич охотно дал свой адрес. Я, кстати, тоже (но не домашний, а абонентский ящик). Когда мы были уже в Уфе, я получил одно письмо, подписанное многими девушками, с просьбой выслать для их библиотеки свои книги. В такой просьбе невозможно отказать. А над Скачей, наивным добрым человеком, мы с Сидоровым подтрунивали:

- А вдруг пришлют любовное письмо и оно попадет в руки Татьяны Владимировны?..

Дорогой наш Скаченька покраснел и смущенно улыбался... Нам всем было очень жалко девчонок, попавших в беду. Мы были уверены, что надо их воспитывать не тюремным режимом, а по-макаренковски, трудом и уважительным отношением.

Особого обстоятельного разговора заслуживают наши совместные поездки в Челябинск на Бирюковские чтения. «Окно в Азию» довелось прорубить мне. В мае 1972 года из Челябинска в наш Союз писателей пришло обращение в адрес руководства Союза писателей Башкирии, суть которого – командировать писателя М.Г. Рахимкулова на Первое Всеуральское совещание по литературному краеведению. Официально тогда я еще не был членом Союза писателей СССР, но челябинцы даже предположить не могли, чтобы составитель и автор научного аппарата пятитомной антологии «Башкирия в русской литературе» не был членом Союза писателей... Как позднее мне конфиденциально говорил Председатель правления Союза пи-

сателей Башкирии Асгат Масгутович Мирзагитов (он был и секретарем Союза писателей РСФСР и СССР), меня, оказывается, должны были принять в Союз писателей еще в 1968 году, после завершения издания пятитомника. Больше того, рассматривался вопрос о присуждении мне Государственной премии имени Салавата Юлаева (об этом, кстати, года четыре тому назад мне конфиденциально сказал и главный идеолог обкома партии тех лет). Помешал, насколько я понял, известный в республике литературовед, ныне академик Башкирской Академии наук...

Попутно не могу не привести одно мудрое предположение Владимира Анатольевича на мое наивное удивление: почему нынешний академик, которому я сделал из плохо читаемого текста в 1968 году автореферат докторской диссертации, а также бывший мой проректор по университету (ныне покойный), коему я тоже чуть позже, в 1975 году, из плохого подстрочника сделал автореферат докторской, не только не считают нужным быть благодарными, но и строят мне всяческие козни? Так вот, Владимир Анатольевич на мое удивление ответил:

- Ты же их унизил: они сами не могли написать свои авторефераты, а ты сделал и тем самым унизил их, показал, что ты умнее их. Так что сам виноват!..

В словах моего дорогого Скачи – глубокое понимание гнусной человеческой психологии: мести за добро, черной неблагодарности вместо «спасибо»...

И все же я не жалею, что делал и делаю много добра людям; видимо, на это толкает меня и пример Скачи – добрейшего человека и Доктора (с большой буквы) милостью Божьей!

Сказав о Совещании по краеведению Урала, я не могу умолчать о его значении. Тогда, в 1972 году, мы приняли решение регулярно (примерно один раз в два года) проводить Всеуральские краеведческие чтения, и поскольку буквально за год до этого, в 1971 году, умер выдающийся краевед Большого Урала Владимир Павлович Бирюков, то и чтениям присвоили его имя. Учредили премию за лучшие книги по краеведению Урала. И в 1975 году я стал первым в Башкирии лауреатом Уральской премии имени В.П. Бирюкова. Я был избран членом Совета Бирюковских чтений по Башкирии и получил высокое доверие – представлять кандидатов на премию, которую стали вручать по окончании очередных чтений. Мне приятно

вспомнить, что одним из первых лауреатов этой престижной премии по моей рекомендации стал наш дорогой Владимир Анатольевич Скачилов. Кроме него, по моей рекомендации в разные годы лауреатами этой премии стали (по алфавиту): профессора А.З. Асфандияров (БГУ), Б.Г. Ахметшин (БГУ), С.Г. Сафуанов (БГПУ), кандидат исторических наук В.В. Сидоров (УНЦ РАН) и известный писатель М.А. Чванов.

Не могу умолчать и о том, что, любя меня, Владимир Анатольевич ежегодно по весне уговаривал меня лечь в больницу подлечиться, я же неизменно говорил одно и то же:

- Не люблю больницы.

(Кстати, вот и сравнительно недавно, 4 октября 2002 года, когда у меня был жесточайший приступ стенокардии, будучи между жизнью и смертью, я отказался ехать в больницу. После 3,5-месячного постельного режима и, главное, забот прекрасного врача-терапевта Альфии Муллаяновны Валеевой я вновь «в строю»: пишу, работаю, печатаюсь...). Недавно в доверительной беседе Альфия Муллаяновна сказала мне:

- А Владимир Анатольевич каждую оперативку заканчивал рассказами о своих краеведческих поисках и очень часто говаривал, что много в этом ему помогает друг, знакомый со школьной скамьи Муратик.

Между собой мы обращались друг к другу именно так: он для меня был Скача, а я для него – Муратик.

Жизнь и благородный труд Владимира Анатольевича заслуживают не этих кратких воспоминаний, а книги, похожей на жития святых.

Но – последнее. Жизнь поистине трагикомична. 7 февраля того ужасного 1996 года, когда душа Владимира Анатольевича переселилась в рай, я беспечно гулял на торжествах коллеги по академическому институту Фанузы Надршиной. Славословие – как обычно. К тому же мы с Борисом Ахметшиным напели ей дифирамбы в «Вечерней Уфе», а на банкете я оказался рядом с очень мною уважаемым человеком – академиком Робертом Искандаровичем Нигматуллиным. В состоянии легкого подпития все кажутся себе умнее. В милой беседе с Робертом Искандаровичем он несколько неожиданно для меня сказал, что давно следит за моим творчеством, знает о моих трудах и с удовольствием читает мои выступления в печати. Я

был обескуражен, пробормотал что-то в знак благодарности и дерзко ответил:

- А я Вас совершенно не знаю, не читал никаких работ.

Академик снисходительно улыбнулся и сказал, что это вовсе не обязательно, а вот труды гуманитариев, да если еще они с любовью пишут о родном крае, что может быть лучше для чтения...

...В хорошем настроении вернулся вечером домой. Сообщили о звонках. Позвонил Скачиловым, от слов Татьяны Владимировны о смерти Владимира Анатольевича я сразу отрезвел... После бессонной ночи ни свет ни заря поехал в редакцию «Вечерней Уфы». Первыми пришли сотрудницы, сидевшие в отделе писем: Лилия Перцева (к сожалению, недавно она покинула этот бренный мир), Надежда Игнатенко и Тамара Нефедова. Я рассказал, что меня привело к ним в столь ранний час. Всем стало горестно. Вскоре пришла и Алла Анатольевна Докучаева, а в 9.00 пришел и главный редактор Явдат Бахтиярович Хусаинов. Все с большим пониманием отнеслись к моей просьбе: дать на первой полосе сегодняшнего номера (то есть 8 февраля 1996 года) информацию о смерти В.А. Скачилова. Получив добро, я написал короткую и грустную заметку «Памяти друга». Спасибо всем газетчикам, кого я упомянул, - все было сделано вовремя.

В заключение воспроизведу этот текст из «Вечерки»:

ПАМЯТИ ДРУГА

Ушел из жизни Владимир Анатольевич Скачилов. Врач милостью Божьей.

Я знал и общался с ним еще до войны: мы учились в школе № 26. Творческая наша дружба началась позже, лет 25 тому назад, когда встретились на библиотечном совете в республиканке. Особенно сдружились в Обществе книголюбов. Вместе составили и подготовили к печати 4 краеведческих сборника, три из них вышли в 80-х годах: «По тропам былого», «Поиски и находки», «Сохраним выцветшие строки». Последний, самый объемный наш труд – «Живая память» - выходит в текущем году, но моему другу – составителю сборника Владимиру Анатольевичу Скачилову уже, к сожалению, не придется подержать его в руках...

Владимир Анатольевич 25 лет проработал главным врачом совминовской больницы № 1. Близко знал деятелей литературы, искусства, науки. Всеми возможными и невозможными средствами помогал больным, был деликатен, неизменно обращался по имени-отчеству. После короткой беседы с ним пациенту становилось легче, забывались болячки...

Главная черта характера Владимира Анатольевича – доброта. Энциклопедическая эрудиция не только в медицине, но и в краеведении, любовь к родной Башкирии и ее людям всегда поражали меня. Он был человеком высокой культуры.

Казалось бы, Владимир Анатольевич достиг очень многого как врач: кандидат медицинских наук, заслуженный врач Российской Федерации и Башкирии, но, не жалея ни сил, ни времени, занимался краеведением, ездил почти на все Бирюковские чтения. А как радовался, когда в числе очень немногих уфимцев был удостоен Уральской премии имени В.П. Бирюкова за свою прекрасную книгу о врачах «Люди подвига и долга».

Спи спокойно, дорогой Владимир Анатольевич, мы, твои друзья, навсегда сохраним в памяти твой светлый образ.

Михаил СКАЧИЛОВ **РОДИТЕЛИ**

Воспоминания о родителях всегда связаны у меня с каким-то необычайным душевным уютом. Даже став сам уже отцом, приходя в родительский дом, я, как будто становился снова маленьким, которому просто необходим был совет отца, строгое поучение мамы и ласковые слова бабушки.

Отец сам описал свой жизненный путь в книге «О прожитом и пережитом». Довольно известный человек в Башкирии, проработавший более 25 лет главным врачом совминовской больницы, он был и отличным лекарем (лекарь – это его словечко), и хорошим администратором. Был награжден двумя орденами и стал заслуженным врачом России. Кроме этого увлекался краеведением, был лауреатом Бирюковских чтений и пр.

С раннего детства инвалид (туберкулез тазобедренного сустава), он все детство и молодость не оставлял костыли, от которых его

избавил профессор Бедрин Афанасий Васильевич в конце 50-х, проведя многочасовую сложную операцию у себя в больнице города Сысерть Свердловской области. Как говорил сам отец: «Он мой бог и спаситель».

Человек с мягким, отзывчивым характером он, как никто, наверное, соответствовал своей профессии, его очень долго помнили в тех местах, где он врачевал, приезжали к нему за советом, за помощью. Я прекрасно помню несколько башкирских семей из деревень Кармаскалы и Алайгирово, которые у нас жили по несколько дней, помню дядю Толю – шофера скорой полуторки, приехавшей к нам из Ново-Александровки, и других людей, имена и фамилии которых я или не знал или забыл.

Когда мы жили в частном доме в овраге на улице Воровского, дом наш отапливался дровами, и как-то при колке дров отец отхватил себе большой палец левой руки. Когда он вошел в дом, палец висел на лоскуте кожи. Не знаю, обращался ли он в травмпункт или еще куда, но хорошо помню, как они вдвоем с мамой зашивали обработанную рану и привязывали что-то, видимо шину.

А однажды у нас были гости, и папа был подшофе, в это время прибежала соседка и показывает ему ладонь, вглубь которой загнала швейную иглу. Ничтоже сумняшеся, батя взял опасную бритву, вскрыл ей ладонь и достал иголку. На следующее утро, когда соседка пришла с благодарностью, отец не выказал никакого удивления, но стоило соседке уйти, он признался маме, что на трезвую голову не решился бы опасной бритвой вскрывать ладонь в том месте, где проходит крупная артерия – мог бабу без руки оставить, если не хуже, но, профессионализм не подвел.

В том же частном доме на улице Воровского как-то темным осенним промозглым дождливым вечером папа услышал жалобный скулеж за дверью, посмотрел вокруг, вроде все наши четвероногие дома. Только он открыл входную дверь, в дом вбежала небольшая рыженькая собачка с грязным бантиком на шее и сразу села на задние лапки и стала передними лапами как бы умолять: «Не выгоняйте». Ну, конечно, ее не выгнали. Остался у нас жить еще один пес, назвали его Каштаном в честь чеховской Каштанки. Но, все же, три собаки это много, со временем Боцман пристрастился уезжать с соседом на все лето на рыбалку, а потом и вообще перебрался к нему. Каштана забрал дядя Миша, бабушкин брат, и увез его за 70 кило-

метров к себе в деревню, в Загорское. Но недели через две Каштан вновь появился у нас. Как он нашел дорогу, как уже немолодой пес прошел эти 70 км, как переправился через реку Уфимку, осталось неразгаданной тайной. Снова приехал дядя Миша, добрейшей души человек, увез Каштана и дожил он у него в Загорском до старости.

Вообще, папа очень любил всякую живность. У нас постоянно жили собаки, кошки, морская свинка, черепаха, были аквариумы с рыбками и клетка с попугаями, которую мы с ним мастерили вдвоем; за рыбками и попугаями мы ездили в Ново-Александровку к Олегу Леонидовичу Вехновскому. Однажды отец подобрал в подьезде, где жил Борис Борисович Шустов, котенка, у которого был, видимо, прищемлен хвост. Папа аккуратно подравнял этот хвост и оставил жить у себя этого кота. В моей жизни такого умного и бесстрашного кота, как этот Потап, который ходил в туалет в унитаз, пил воду из крана и сигал в окно за кошками с третьего этажа полнометражного дома, я не встречал.

Меня всегда удивляло и восхищало умение отца быстро сходиться с людьми, находить общий язык с любым человеком. Помню, как-то в морозный день, когда занятия в школе были отменены, папа и Борис Борисович Шустов поехали на электричке в Раевку навеситить Леонида Михайловича Светлакова, ну и меня взяли с собой. Наутро мы все пошли на местный рынок, не знаю уж зачем, но помню, что в сельпо продавали малокалиберные патроны, а я в то время ходил во дворец пионеров в стрелковый кружок, и патроны эти были для меня очень желанной вещью. Мои оба дяди решили мне их купить, но продавец уперся, мол, надо разрешение, и на уговоры реагировал только отрицательно. Дяди горячились, что-то доказывали, совали под нос продавцу какие-то удостоверения, но все напрасно. Тогда вмешался отец, он спокойно объяснил, для чего нужны эти патроны и, поговорив еще минуты две на какую-то отвлеченную тему, вручил мне две пачки злополучных патронов. И таких примеров не мало, находить общий язык в любой даже конфликтной ситуации – была феноменальная способность моего отца.

Вообще он частенько брал меня с собой к кому-нибудь в гости, на деловые встречи, связанные с краеведением, а в летние каникулы в служебные командировки по Башкирии и пытался привить мне любовь и к своей профессии, и к краеведению, да и просто к людскому общению. Чтобы я наглядно увидел, что такое работа хирур-

га, он привел меня в операционную, показать полостную операцию, строго предупредив, чтобы я ничего не трогал и руки держал за спиной. Оперировал Иван Иванович (точной фамилии не помню), а ассистировал сначала отец, а потом, когда его срочно куда-то вызвали, Фаяз Магруппович. Операция была под местным новокаиновым обезболиванием, и старичок, которому распороли всё брюхо, только моргал глазами и смотрел почему-то на меня. Отец комментировал для меня весь процесс. Предположение, что опухоль в желудке перекрыла выход, не подтвердилась. И.И. запустил всю руку в разрезанный и опорожненный желудок и сделал вывод, что к счастью опухоли нет, а была язва, которая зарубцевавшись, перекрыла выход из желудка. Потом они что-то отрезали и пришивали, а старичок все печально смотрел на меня и мигал. Вообще, операция прошла удачно, но меня несколько коробило от того, что вместо того, чтобы обсуждать ход операции, отец и И.И. говорили совсем о посторонних вещах. Но, может, так и надо было.

В середине семидесятых мы с отцом поехали в санаторий в Кисловодск. Вообще-то должна была ехать мама, но то ли ее не отпустили с работы, то ли по какой-то другой причине, но она не смогла поехать, и чтобы не пропала путевка, отец взял меня. В то же время там отдыхали наши соседи Ривкины – Вениамин Яковлевич и Раиса Яковлевна, они же родители моего друга и одноклассника. По инициативе Ривкиных мы поехали на экскурсию в Приэльбрусье. Погода была солнечная, и мы, взобравшись на фуникулере на трехтысячную высоту, любовались завораживающим видом на вершины Эльбруса. Вдруг в считанные секунды подул сильный ветер, набежали облака, и повалил густой снег. Все бросились снова к фуникулеру, чтобы быстрее спуститься вниз. Отец, как всегда, думая прежде всего о здоровье своего великовозрастного чада, снял шляпу со своей лысины и напялил на меня, но сзади раздался громкий крик Раисы Яковлевны: «Мишка, отдай сейчас же шляпу отцу, он лысину простудит!» И правда, на голове у отца был самый настоящий снежный сугроб. Мы оба подчинились приказанию заботливой женщины, тем более, что в то время волос на моей голове было достаточно. Промерзли все конечно сильно и, спустившись к подножию горы Чегет, сразу выпили по стакану водки и закусили шашлычком, и впоследствии даже никто не чихнул.

Во многих жизненных ситуациях отец для меня был «палочкой-выручалочкой»: поддержит или наоборот отговорит от необдуманных поступков, но ни он, ни мама никогда не навязывали своего мнения и давали простор моей самостоятельности. Так, несмотря на их возражения, я после занятий легкой атлетикой решил заняться боксом, и в конце концов они даже поддерживали это мое увлечение, и решение поступать в нефтяной на горный факультет тоже не встретило от них никакого возражения, хотя оба считали, что я должен был стать медиком, так сказать – династия.

Мое детство, можно смело сказать сейчас, было счастливое. Всегда было много увлечений, много друзей, связь с которыми сохраняется до сих пор, но, самое главное, я был окружен родительской заботой и любовью, хотя баловать меня и не баловали, особенно мама.

Мама, мама... Сколько в ней было нереализованного таланта, сколько душевной силы, сколько любви к своим близким!

Воспитывалась она отцом, моим дедом, Владимиром Михайловичем Романкевичем. Дед был выходцем из дворянской семьи, видимо с польскими корнями. Всего в семье Романкевичей, проживавшей до революции в городе Гродно, было три брата. Старший, Александр, из-за крутого характера своего отца, офицера царской армии, в юношеские годы сбежал из семьи, и след его исчез навеки, младший Михаил был отдан в Пажеский корпус в Санкт-Петербург, средний – мой дед – в Морской корпус тоже в Питер. Заканчивая Морской корпус, дед, гардемарин, совершил кругосветное плавание (прямо как по Станюковичу). Последующий его путь для меня не ясен. Знаю только, что в Уфе он появился уже полковым врачом Уфимского стрелкового полка Красной Армии. Дед был женат на Дамской Сусанне Альбертовне, которая занималась ихтиологией, а в дореволюционное время была близкой помощницей Фрунзе. Сусанна Альбертовна умерла, когда маме было всего шесть лет, и в дальнейшем воспитывал ее отец. Дед был одним из основателей Уфимского мединститута (сейчас кафедра оперативной хирургии носит имя профессора В.М. Романкевича), постоянно в разъездах, так что мама в основном была предоставлена самой себе. Есть у нее рассказ «Соленый хлеб», лучше о ее детстве не скажешь.

Дед был, как я его помню, характера сурового, не любил всяких нежностей, и я, как внук, особо к нему не тянулся, но летом

почти каждое воскресенье он забирал нас всех на свою здоровенную лодку «казанку» и вез вверх по Белой на безлюдный остров, где мама варила на костре вкуснейшую гречневую размазню, где был песчаный пляж, заросший тальником и мать-и-мачехой, где так приятно пахло смолой от лодки и бензиновым выхлопом от подвесного мотора. Уже в возрасте за семьдесят лет дед спокойно переплывал Белую туда и обратно, любил рыбалку, причем или бреднем или сетями, удочек не признавал. Я хорошо помню, как сидя у руля в лодке, он напоминал старого пирата в своей плетеной тубетейке и направлял нос лодки в разрез волн, если разыгрывалась непогода. Вообще, чудил он по-своему немало. Кстати, из-за чудачеств деда, мама так и не научилась плавать, он маленькую девчонку выбрасывал из лодки посередине реки, внушив ей патологическую боязнь глубокой воды.

По окончании школы (школа № 3, ныне 3-я гимназия), мама уехала в Ленинград и поступила в институт журналистики, но проработала недолго, так как здоровьем была слабая, в молодости страдала туберкулезом легких, а питерский климат, видимо, был ей совсем не во благо. Вернувшись в Уфу, она успешно сдала экзамены в медицинский институт, который закончила в 1947 году. В этом же году она вышла замуж за своего однокурсника Володю Скачилова и вместе с ним и его мамой Натальей Ивановной уехала по распределению в глухую башкирскую деревню Алайгирово Кармаскалинского района. Не знаю, как выжили бы эти два молодых специалиста в трудное послевоенное время, оба больные, толком не знающие, как картошку для себя посадить, если бы не Наталья Ивановна, которая развела там домашнее хозяйство: огород, кур, корову и пр.

Воспитанная дедом, мама имела сильный, можно сказать, мужской характер. Если отец где-то просто отругает и пожурит, то от мамы можно было поймать и ремня. Как-то в начальных классах за «отличное» поведение во время уроков учительница отобрала у меня форменный ремень и сказала, чтобы за ремнем пришли родители. Кстати, школьная форма тогда представляла из себя гимнастерку с ремнем и фуражку, на кокарде фуражки и на бляхе ремня была оттиснута большая буква «Ш». Ремень мне свой запасной отдал Юрка Ростивский, живший со мной на одной лестничной площадке, и я с его ремнем проходил в школу до первого родительского собрания, вернувшись с которого мама угостила меня уже ремнем моим собственным.

Мама работала врачом-педиатром в детской клинической больнице, которая располагалась в бывшем архиерейском доме на улице Тукаева (сейчас на этом месте Дом Правительства), да и весь район с частными домишками, ютившимися на обрывистом берегу Белой, назывался Архиерейкой.

Я часто приходил к маме на работу, любил заходить в запущенный сад позади больницы и смотреть далеко в забельскую даль, открывавшуюся с высокого берега. Район этот славился своими пацанами, промышлявшими «гоп-стопом» и просто мордобоем. Однажды и я напоролся на таких малолеток прямо в больничном саду, и чтобы уберечь свою «морду лица» пришлось добровольно вывернуть карманы. В дальнейшем архиерейский дом снесли, больница переехала в новое здание в старой Уфе, а мама стала работать в детском ревматологическом санатории, откуда и ушла на пенсию.

Где-то в году 1961-м или 1962-м мы все вчетвером поехали в Крым к отцовскому другу детства дяде Володе Быстрову, который жил в Феодосии. Вылетали мы с аэродрома в деревне Максимовка на самолете ЛИ-2 моторостроительного завода (видимо по благу и из экономии) до Запорожья, а затем поездом до станции Владиславовка, а дальше я уж не помню на чем. Помню только, что в самолете сильно качало и сначала Санька, а потом и я «травили» в выданные нам пакеты. Но все это ерунда по сравнению с тем, что я увидел море. Море, оно полностью покорило мое детское сердце, и моей мечтой на многие годы стало попасть в военно-морское училище, носить прекрасную морскую форму и плавать, плавать по тропическим морям и океанам. В Феодосии мама каждое утро часов в шесть будила меня, и я с радостью шел с ней на пляж. По дороге она поила меня в каком-то ларьке горячим молоком (это было одно из условий моего купания), а потом я окунался в такую ласковую соленую прохладную, а иногда и ощутимо холодную воду Черного моря, что у меня захватывало дух от счастья. Причем плавать я научился за год до этого на озере Шамсутдин, где меня старшие пацаны сначала поддерживали за поводок, как собачонку, а потом бросали со словами: «не с... , мы тебя держим». Еще раз я был на море с родителями в Алуште, где продавали непередаваемо вкусный шашлык, откуда мы с папой ездили на экскурсию в Севастополь, снова заезжали на несколько дней к Быстровым в Феодосию. Это было наше второе и последнее путешествие на юг вчетвером.

А в Уфе нас ждала бабушка, на столе появлялись ее знаменитые пельмени. У нас в семье считалось, что самые вкусные пельмени у бабушки, а самые вкусные пирожки и торты у тети Поли – бабушкиной младшей сестры.

Мама, как никто, заботилась о нашем здоровье, приветствовала мое занятие легкой атлетикой и радовалась достигнутым успехам. В основном по ее инициативе зимой мы почти каждое воскресенье всей семьей ездили к папиной двоюродной сестре – Алевтине Александровне, чтобы кататься с гор на лыжах до седьмого пота. Как это было весело и как много было впечатлений от этих катаний. А потом вкусный обед у тетушки и обессиленные мы приезжали домой, мечтая уже о следующем выходном.

В возрасте уже под семьдесят мама зимой не расставалась с лыжными прогулками, к тому же лес был рядом, через дорогу. Она мне говорила, что туберкулез отступил от нее, благодаря тому, что в молодости она постоянно ходила на лыжах.

А в 1986 году по совету Леонида Михайловича Светлакова мы с отцом решили купить дом его деда Ивана Васильевича, вернее – то, что от него осталось, находившийся на задах деревни на берегу полувысохшего пруда с двумя листовницами в огороде. Отец говорил мне, что в этом пруду, от которого сейчас осталась грязная лужа, он чуть не утонул в трехлетнем возрасте, но воспоминания об этом ему особенно дороги, так как он единственный и последний раз помнил себя здоровым.

И с 1987 года по 1995 мои родители все весенне-летне-осеннее время проводили в Загорском. Там же постоянно гостили у них мои племянницы, по возможности моя жена Людмила с сыном Андреем и я во время отпусков.

Жили дружно, сажали картошку, овощи, вырыли новый колодец с отлитыми вручную бетонными кольцами, ходили по грибы-ягоды, я на охоту со своим псом Майком, купались в прудах на Котельнице.

Я уже говорил, что отец очень легко находил общий язык с окружающими его людьми, и в Загорском он быстро подружился с соседями, частенько проводил время в беседах с Яковом Лаврентьевичем Гвоздиком и его сыновьями, с Михаилом Ивановичем Ерошкой. Заходили и наши родственники Леонид и Александр Михайловичи,

словом родители мои там не скучали, да и некогда было скучать – постоянно какая-нибудь работа.

Надо сказать, что в то время несколько лет подряд в Загорском работала бригада строителей из Чечни – ребята молодые, здоровые, но и у них случались мелкие ЧП: то поранятся, то фурункул вскочит, то еще что-нибудь. И, конечно, за помощью обращались (как и вся деревня) к моим родителям. В то время мы с отцом дом более-менее подлатали, отреставрировали баню, оставался развалюха-сарай. Так вот, когда отец был по делам в городе, я обратился к бригадиру чеченцев Вахе с просьбой как-то окультивировать эту развалюху. Ваха согласился в ближайший выходной всей бригадой выйти на снос и возведение нового сарая, от денег он отказался, мол, какой никакой ужин после работы и все.

Я сгонял в Уфу, достал через знакомых в то непростое «безалкогольное» время несколько бутылок водки и коньяка, мама приготовила ее фирменный плов, а чеченцы за каких-то 4-5 часов возвели новый сарай даже с гаражом для «запорожца». Когда отец приехал, все было готово и стол накрыт. Он очень был рад и растрогался до слез. Сели все за стол, чеченцев человек 5-6, двое старших пьют с нами, закусывают, ведут с отцом оживленный разговор, остальные чуть притрагиваются к еде, сидят молча. Что такое? Чем не довольны? Когда я вышел из-за стола за очередной бутылкой, ко мне подошел один из молодых чеченцев: «Миша, ты извини, всё нормально, но мы при старших пить, курить не можем, так, что ты не обижайся». Я решил поправить дело, вынес им водку, сигареты, огурчики на скамейку в огород и дело пошло: то один встанет, уйдет, то другой и возвращаются довольные, и плов пошел на ура. Старшие, конечно, всё видели и понимали, но не возражали, самое главное их закон был соблюден. Вообще отец с ними много разговаривал, в чем-то пытался убедить, что-то доказывал, и они ему доказывали свое, привозили записи печальных песен о депортации, но ребята были неплохие, хотя и жили обособленно. Кроме добра мы от них ничего не видели, и отец очень переживал, когда началась чеченская война.

Отец был убежденным коммунистом до конца своих дней. Он очень тяжело воспринял и развал Союза и предательство партийных лидеров. В какой-то мере, я считаю, это укоротило его жизнь. Веря в идеалы коммунизма, он, конечно, был атеистом, но все-таки религия

ему была не чужда на уровне, наверное, подсознания. Так он решил отреставрировать икону Спасителя, еще бабушкину, но решился только подкрасить белой краской голубя на иконе. Когда я пришел к нему, он показал мне эту икону, которая пролежала в сундуке не один десяток лет: на иконе потемневший лик Спасителя был просветлен, будто его отреставрировали. «Это от того, что я покрасил голубя» - сказал отец, «Это от того, что я и моя жена с сыном вчера окрестились» - сказал я, и оба мы остались при своем мнении, но что лик просветлел – это факт. Вторым фактором, который поколебал атеистический взгляд отца, было то, что как-то по телевизору один какой-то то ли экстрасенс, то ли фокусник предложил принести к экрану остановившиеся часы, и он их запустит. У отца давно были подаренные ему каким-то старичком старинные часы – «луковица», но они не работали, и он кому только не отдавал их чинить, но все без толку. И вот после манипуляций этого прохиндея часы пошли, что привело батю в крайнее изумление.

Сейчас, по прошествии многих лет, с высоты своего жизненного опыта, очень четко понимаешь, что ближе и дороже отца и матери на земле нет и не будет никого, что только они отдавали все свои душевные и физические силы для того, чтобы мы жили счастливо. И благодарность им – это воспоминания, больше уже ничего им не дашь.

Елена ЛЯМИНА **О ДЕДУШКЕ И БАБУШКЕ**

Иногда, редко, но все же я встречаю людей, которые не любят вспоминать свое детство. По разным причинам. И мне всегда жаль их: и потому, что они лишены хороших воспоминаний, и потому, что именно в детстве закладывается наше отношение к этому миру. Мне в этом смысле повезло – мое детство было светлым и очень счастливым. И во многом - благодаря моим дедушке и бабушке.

Дедушка и бабушка очень любили нас. У дедушки это была любовь на грани обожания, неустанная забота и переживание за всех своих внуков. Где бы мы ни были, сколько лет бы нам ни было, он всегда беспокоился за нас, делал все, чтобы нам помочь. Не говоря уж о том, если кто-то вдруг заболел. Дедушка все бросал и мчался к нам. Помню, однажды лет в 7-8 я сильно заболела гриппом, лежа-

ла с очень высокой температурой дома, рядом, конечно, были родители. Помню, был уже поздний вечер, темно и тревожно. Но тут я почувствовала, как кто-то взял меня за руку, открыла глаза и увидела дедушку: узнав, что я заболела, он тут же приехал. Он смотрел на меня с такой тревогой и вниманием. И я сразу успокоилась – раз дедушка приехал, значит все будет хорошо. Так и было.

Дом бабушки и дедушки – это было место, в котором всегда царил уют, покой, доброта и чувство абсолютной защищенности. А еще там всегда было весело и интересно. Дедушка, несмотря на свою занятость, всегда находил время для нас. Рассказывал интересные истории из своей жизни, в том числе из врачебной практики, пересказывал нам какие-то литературные вещи. Например, именно в его пересказе я услышала впервые интереснейшие рассказы Конан Дойла о Шерлоке Холмсе. А рассказчиком дедушка был замечательным. Он привил мне любовь к чтению. В те времена, когда трудно было купить хорошие книги, дедушка доставал и дарил нам самые лучшие, до сих пор самые любимые не только мной, но и моим сыном и бережно хранимые детские книжки. Самого же дедушку трудно было представить без книги. В свободное время он всегда читал. И когда мы стали старше, иногда обсуждал с нами прочитанное, восхищаясь тем или иным произведением. Хорошо помню его восторженные слова о рассказах И. Бабеля и романе И. Шмелева «Лето Господне». У дедушки была большая библиотека, и величайшим удовольствием для меня в детстве было сидеть где-нибудь в уголке и читать или просто листать какое-нибудь красочное издание с репродукциями картин знаменитых художников. Я любила играть с дедушкой в шахматы, рассматривать в альбомах фотографии и старинные открытки. Дедушка увлекался фотографией, постоянно снимал нас, и, благодаря ему, у нас сохранилось огромное количество детских фото и даже уникальная киноплёнка, на которой есть и он сам, и мы маленькие.

Большим его увлечением было краеведение. Он прекрасно знал старую Уфу и многое мог рассказать о ней. Жаль, что в то время меня это не очень интересовало. Как бы я хотела сейчас пройтись с дедушкой по городу и послушать его рассказы про ту или иную улицу или дом.

Бабушка обладала неисчерпаемой энергией и фантазией. Она постоянно придумывала какие-то интересные занятия. Помню, как

мы готовились к Новому году: делали самодельные игрушки, клеили длинные цепи из цветной бумаги. Или отправлялись вместе на кухню, где под бабушкиным руководством пекли печенье или делали торт. Очень любили играть все вместе в лото, весело, с шутками-прибаутками.

А еще в доме у бабушки с дедушкой бывали замечательные семейные праздники. Приходило много гостей, бабушка готовила всегда огромное количество угощений. Дедушка был на этих застольях главным рассказчиком, душой компании. Было много смеха, веселья, пели песни. У нас, детей, была своя компания, отдельный стол, и мы веселились вовсю, путаясь под ногами у взрослых.

А в обычные будние дни приходили люди к дедушке и бабушке просто за советом, за консультацией. Они никогда никому не отказывали, относились к людям с большим уважением. Бабушка, будучи детским врачом, перелечила всех детей в доме. Помню, надевает фонендоскоп и говорит : «Пойду Диляру (Тагирку, Вику, Костю и т.д.) послушаю». До сих пор некоторые из этих детей, у которых теперь уже свои дети, и их родители вспоминают с благодарностью «нашу бабу Таню».

Очень многое дали нам дедушка и бабушка: любовь к чтению, к искусству, постоянное желание познавать что-то новое. Бабушка дала мне первые уроки шитья и вязания, игры на фортепиано и кулинарии. Борщ я варю только по бабушкиному рецепту, а плюшки и пирожки делаю именно так, как учила она. Я очень благодарна им за свое прекрасное детство, за то постоянное чувство любви, доброты и заботы, которое нас окружало. И очень часто в своей памяти я возвращаюсь в тот дом, где звучали родные голоса, вкусно пахло пирогами, и на душе становится светло и спокойно.

Сусанна КАЛИНИНА **ПОДДЕРЖКА И ОПОРА**

В детстве мы с братом родителей видели мало – они были врачами и работали иногда сутками, условия были тяжёлыми. Но, несмотря на все трудности, жили мы интересно, праздники проходили весело, особенно, когда дома в выходные были с нами папа и мама. Это было чувство тепла, заботы, уюта, всегда был хороший стол.

Папа одно время тяжело болел (у него обострился костный туберкулёз тазобедренного сустава), но никогда не видели мы его в плохом настроении, вокруг всегда было много друзей. Даже иногда родители умудрялись организовывать детские праздники для нас и соседских детей, особенно помню новогодние ёлки. По вечерам из цветной гофрированной бумаги клеили цепи, делали клоунов из яиц и подарочные пакеты для всех детей, куда клали дешёвые конфеты (шоколада не было), пряники. Надо было видеть, сколько радости было в детских глазах, вместе водили хороводы.

Я часто болела, наверное, не было таких детских болезней, какими бы не переболела. Всегда рядом были мама, папа и любимая бабушка.

Родители всё успевали, несмотря на своё неважное здоровье – работали, занимались общественными делами. В 1959 папа был назначен главным врачом больницы № 1 Минздрава БАССР. Работа была трудная, нужно было налаживать отношения с вышестоящим начальством. Больные тоже были не простые люди: писатели, артисты, работники обкома, райкома и т. п. С каждым нужно найти общий язык. Папе, кроме того, что он был замечательным врачом-диагностом, приходилось быть ещё и психологом. Несмотря на большую занятость, папа находил время и для нас, детей, он был моим большим другом и советчиком. Заядлый театрал, он приучил меня любить театр, мы с ним не пропускали почти ни одного спектакля в театре оперы и балета. Папа особенно любил оперетту, ходил на все спектакли. С детства мама и папа нас приучили к чтению хороших книг. По крупицам собирали библиотеку. Не помню, чтобы мама вечером на ночь не читала, особенно любила Чехова и Гоголя. Папа же любил Диккенса и Лиона Фейхтвангера. В выходные дни мы собирались всей семьёй за столом, всегда мама и бабушка готовили что-нибудь вкусное. С детства у меня два любимых праздника – Новый год и день рождения.

Мама и папа всегда были моей поддержкой и опорой. Всегда готовы были помочь в любом деле, принимали большое участие в воспитании внуков.

Когда родители живы, мы ещё чувствуем себя детьми, и сейчас нам их конечно не хватает. Они были нашими советчиками, нашей опорой.

Пусть им будет хорошо там, на небесах, они это заслужили, пройдя трудный земной путь. А мы – их дети и внуки, - будем вспоминать их всегда с любовью и благодарностью.

Ольга ЛЕБЕДИНСКАЯ
ВОСПОМИНАНИЯ О ДЕДУШКЕ

Воспоминания о дедушке писать одновременно легко и сложно. Легко, потому что второго такого светлого и доброго человека трудно встретить в жизни, а сложно, потому что уход его был одним из самых больших потрясений, не только для меня, но и для всей нашей семьи.

Так, как он любил нас, своих внуков, сложно описать словами. Всепоглощающая любовь и забота, переживания и тревога, желание помочь и оградить от всех невзгод и проблем внешнего мира – вот малая часть тех чувств, которые нас окружали.

Если кто-то из внуков заболел, дедушка приезжал в любое время дня и ночи. Даже в непростые времена, на праздники у нас были самые замечательные подарки, дедушка с бабушкой могли сэкономить на себе, но никогда на нас. А когда случались трудные минуты, дедушка всегда находил теплые и мудрые слова поддержки. И еще с дедушкой было безумно интересно. Как высокообразованный и эрудированный человек, он обладал знаниями в самых различных областях и сферах науки, культуры и искусства. Помню, как мы с ним любили разгадывать кроссворды и играть в шахматы. Но одним из самых увлекательных занятий был совместный просмотр фотографий. Каждая фотография аккуратно вставлена в альбом и обязательно подписана. И каждая отдельная фотография вызвала в нем множество воспоминаний об интересных событиях, так или иначе связанных с ней.

Дедушка был прекрасным рассказчиком и оратором. На семейных праздниках он сидел во главе стола и рассказывал самые интересные и необычные истории из своей жизни. Он был всегда душой компании и объединял всех вокруг себя – родственников, друзей, знакомых и малознакомых людей. Никогда никому не отказывал и старался каждому помочь и выслушать, если к нему обращались за помощью.

В детстве я долгое время жила у дедушки с бабушкой, и это были одни из самых моих светлых воспоминаний. Дедушку я обожала, он был огромной и очень важной частью моей жизни. И мое детство и юность не были бы такими замечательными, если бы не было рядом дедушки с бабушкой, которые делали мой мир добрее и светлее.

Он был опорой нашей семьи, нашей душой, нашим светом, и когда он ушел, это стало невосполнимой потерей для всех нас.

Очень много людей вспоминают его с большим теплом и любовью, и я очень благодарна всем за добрую память о моем дедушке, который как никто другой этого заслуживает.

Галина ФАДЕЕВА **ПРОСТО ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК**

Вспоминая людей, с которыми приходилось общаться, мы нередко используем фразу: это был хороший человек, но... Так вот, Владимир Анатольевич Скачилов был просто хорошим человеком. Без всяких «но»!

Первая встреча

Фамилию «Скачилов» я слышала с детства. Старшая сестра моего отца Нина Александровна Фадеева с конца 40-х годов прошлого века работала в Ново-Александровке машинисткой, а затем секретарем управляющего строительным трестом № 21 Константина Петровича Кузнецова. В те же годы начальником медико-санитарной части 21-го треста был Владимир Анатольевич Скачилов.

Моя тетушка постоянно делилась своими наблюдениями, воспоминаниями о тех годах. Ей, как секретарю, приходилось иметь дело с самыми разными людьми: рабочими, водителями, медиками, начальниками всех рангов. В рассказах тети Нины фигурировали имена известных впоследствии, и совсем неизвестных граждан. Описывала она грустные и смешные истории.

Мне – малолетнему ребенку, фамилия «Скачилов» казалась какой-то веселой, и я с интересом внимала очередной истории.

О моей первой встрече с Владимиром Анатольевичем рассказала мне мама. И это неудивительно! Ведь мне в ту пору было лет пять.

По каким-то причинам я несколько дней не посещала детский сад. А маму срочно вызвали подменить на дежурстве заболевшую медсестру. Работала она недалеко от треста № 21 в онкологическом диспансере. Время было послеобеденное, мама привезла меня к тете Нине. Они о чем-то говорили в приемной, а я направилась на улицу наблюдать, как два шофера возятся с колесом от грузовой машины. Многих водителей я знала по именам, поэтому меня не только разговором развлекали, но и привлекали к посильному труду: что-то принести, подать.

Что там произошло в тот раз, я не помню. В памяти сохранилось, как дядя Ринат зажимал свою руку возле локтя, а из-под пальцев била струйка крови. Его напарник дядя Вася, увидев эту картину, рухнул, как подкошенный. Мама сидела на подоконнике и держала меня в поле зрения. Естественно, она поняла, что случилось несчастье, и тут же помчалась выяснять обстоятельства. Следом за ней уже бежал какой-то мужчина. Им оказался Скачилов, который вместе с Кузнецовым собрался куда-то ехать. Я отбежала в сторону, но продолжала с любопытством созерцать происходящее. Кто-то принес бинты, остановили кровотечение, наложили повязку. И тут произошло невероятное... После того, как пострадавшему оказали помощь, дошла очередь до лежащего без чувств дяди Васи. Владимир Анатольевич, стоя на коленях, начал лупить его по щекам. Я пришла к выводу, что дядю Васю бьют за какую-то провинность и галопом со слезами помчалась к тете Нине. Меня успокоили, объяснили, что похлопыванием по щекам человека приводят в чувство, что таким образом врач помог дяде Васе придти в себя. Поскольку в моих детских представлениях врач – это человек в белом халате, я с сомнением поглядывала на мужчину отряхивающего свои брюки от пыли и что-то сердито выговаривающего смущенному дяде Васе.

Об этом происшествии мама вспомнила в начале 90-х годов, когда я сообщила ей, что познакомилась с очень интересным человеком – врачом, краеведом, личностью увлеченной и энциклопедически подкованной в самых разных областях науки и искусства – Скачиловым.

Вторая встреча

А началось все с маленькой заметки в городской газете, где сообщалось о том, что уфимец Владимир Анатольевич Скачилов передал в дар музею Сергея Аксакова фотографию участницы двух войн с Наполеоном, ординарца Михаила Илларионовича Кутузова, автора нашумевшей в свое время книги «Записки кавалерист-девицы», Надежды Андреевны Дуровой.

Я давно занимаюсь биографией этой удивительной героини, и наличие фотографии (именно – фотографии, а не художественного портрета!) произвело на меня шокирующее впечатление. Узнав домашний телефон, я позвонила Владимиру Анатольевичу и была приглашена в гости.

Не буду вдаваться в подробности истории фотографии Надежды Дуровой; вкратце скажу, что снимок был подарен Скачилову пожилой женщиной, к которой он приходил консультировать ее по поводу болезни. Хворь отступила, а врач и пациентка подружились. Зная об увлечении Владимира Анатольевича стариной, благодарная и восхищенная его душевной щедростью женщина передала в коллекцию экспонат 19-го века.

Обмен мнениями по поводу той или иной краеведческой информации с уфимцами-старожилами всегда полезен обеим сторонам. У меня было еще несколько встреч со Скачиловым. До сих пор хорошо помню этого невысокого, по-домашнему, уютного человека, устроившегося на диване с газетными вырезками, книгами, фотографиями. Между нами на спинке дивана неизменно восседал кот Рыжик. Наш тихий, неторопливый разговор-воспоминания изредка прерывался всплеском кошачьих страстей. Достаточно было супруге Татьяне Владимировне звякнуть ложечкой или посудой на кухне, как Рыжик срывался со своего места и, разбрасывая лапами бумаги, летел проверять миску: не положили ли чего вкусного? Владимир Анатольевич всплескивал руками: «Рыжик! Ты ведь только что поел! Да что ж это такое?!» Мы старательно собирали листочки, приводили в порядок архив и продолжали беседу. Довольный и облизывающийся (или разочарованный!) Рыжик через несколько минут опять занимал свой пост на диване. Увлеченные обсуждением какой-либо темы, мы со Скачиловым теряли бдительность и не обращали внимание на звук открываемой на кухне дверцы холодильника. Прыжок рыжего озорника мгновенно сметал бумаги на пол.

В конце концов, все газетные вырезки мы прикрывали папками или книгами, чтобы кошачий вихрь не разметал их по комнате, а Рыжик, словно требуя к себе внимания, усаживался на какую-нибудь папку и усиленно терся об руку или бок хозяина.

Общаясь с Владимиром Анатольевичем, я поняла, как плохо я знаю свою родословную, как равнодушно воспринимаю природу, как мало я читаю! И все-таки моя любовь к военной истории, к незаурядным личностям получила поддержку Скачилова, а изучение биографии и психологии офицера и писательницы Надежды Андреевны Дуровой – благословение.

В 2003 году вышла книга Владимира Анатольевича «О прожитом, пережитом. Записки врача». Эта книга напоминает огромное мозаичное полотно. В ней не только воспоминания самого автора, но и добрые слова его многочисленных друзей, знакомых. Каждый хранит в своей душе теплые воспоминания о встречах с врачом, краеведом, чутким, верным товарищем, внимательным и заботливым Володей, Володечкой, Скачей, как называли его близкие.

Скачилов ушел из жизни в феврале 1996 года. Встречаясь с разными людьми, могу с уверенностью заявить: Владимира Анатольевича помнят, он жив своими трудами, поступками, статьями. Каждый, знавший его, встречавшийся с ним, сохраняет в душе тот огонек высоконравственной человечности, которым делился с нами этот замечательный Человек!

ПРИЛОЖЕНИЕ

БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ В.А. СКАЧИЛОВА И ЛИТЕРАТУРЫ О НЕМ

1. Труды В.А. Скачилова

1967

1. Уфа – город здоровья // Агидель. – Уфа, 1967. - № 8. – С. 74-79. В соавторстве с Т.В. Романкевич.

1968

2. Два случая отравления серноокислым цинком и солями алюминия (квасцами) при дуоденальном зондировании // Сборник научных работ Башкирской республиканской больницы. – Уфа, 1968. – С. 359-363. В соавторстве с З.Ш. Загидуллиным и др.
3. Для тебя, человек : [о медицинском обслуживании в Уфе] // Сов. Башкирия. – 1968. – 8 июня.
4. Наш земляк – профессор Н. М. Любимов // Сов. Башкирия. – 1968. – 13 апр.
5. По следам объявления : [о медицинском обслуживании в Уфе] // Ленинец. – 1968. – 15 июня.
6. Состояние здравоохранения Уфы в 1913 г. и в канун 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции // Материалы к научно-практической конференции, посвященной опыту работы специализированных отделений в свете решений XXIII съезда КПСС. – Уфа, 1968. – С. 9-11.

1969

7. Дорога приводит в Зилим // Веч. Уфа. – 1969. – 1 ноября.
8. Здравоохранение в Уфе в первые годы советской власти : (к 50-летию Башкирской АССР) // Сов. здравоохранение. – 1969. - № 7. – С. 59-64.
9. Первые шаги // Агидель. – Уфа, 1969. - № 7. – С. 97-100.
10. Разница, как небо и земля // Агидель. – Уфа, 1969. - № 3. – С. 120-121.

1970

11. Агент «Искры» : [о выдающемся враче-офтальмологе В. П. Одинцове] // Медицинская газ. – 1970. – 22 дек. – С. 4.
12. Было в Уфе такое общество // Сов. Башкирия. – 1970. – 6 марта.

13. Медики-революционеры в Башкирии // Актуальные вопросы теории и практики медицинской науки : науч. сессия Башк. мед. ин-та. – Уфа, 1970. – С. 14-17.
14. Родственники В. И. Ленина в Башкирии // Сов. Башкортостан. – 1970. – 21 апр.
15. Связой : [о выдающемся враче-офтальмологе и связном уфимских социал-демократов В. П. Одинцове (1876-1938)] // Веч. Уфа. – 1970. – 24 дек. – С. 3.
16. Современники Ленина // Сов. здравоохранение. – 1970. - № 4. – С. 54-58.
17. Страницы прошлого // Агидель. – Уфа, 1970. - № 2. – С. 67-75.

1971

18. Жил-был врач : [о С. Я. Елпатьевском] // Веч. Уфа. – 1971. – 20 июля.
19. История редкой фотографии // Веч. Уфа. – 1971. – 21 мая.
20. Н. М. Любимов // Сборник научных работ Башкирской республиканской клинической больницы. – Уфа, 1971. – С. 239-241.
21. Первопроходцы // Агидель. – Уфа, 1971. - № 12. – С. 94-98.
22. Родственники В. И. Ленина в Башкирии // На башкирской земле : к пребыванию В. И. Ленина в Уфе. – Уфа, 1971. – С. 96-117.

1972

23. Вестник света : [о С. Я. Елпатьевском] // Агидель. – Уфа, 1972. - № 11. – С. 61-64.
24. Из истории борьбы за охрану здоровья детей в дореволюционной Башкирии // Актуальные вопросы педиатрии. – Уфа, 1972. – С. 19-21.
25. Общественно-политическая и революционная деятельность женщин-медиков в Башкирии (1882-1922 гг.) // Материалы научной конференции, посвященной 100-летию высшего женского образования в СССР. – Ленинград, 1972. – С. 99-101. В соавторстве с М.С. Сафиним.
26. Первая социал-демократическая группа марксистов в Уфе и участие в ней медиков (1895-96 гг.) // Сов. здравоохранение. – 1972. - № 4. – С. 62-65.

27. Революционная, общественно-политическая деятельность медиков и их влияние на развитие здравоохранения в Башкирии (1880-1922 гг.) : автореф. дис. ... канд. мед. наук. – Уфа, 1972. – 22 с.
28. Торжество ленинской национальной политики и роль женщин в развитии здравоохранения Башкирской АССР // Материалы научной конференции, посвященной 100-летию высшего женского образования в СССР. – Ленинград, 1972. – С. 14-16. В соавторстве с М.С. Сафиним.

1973

29. Врач А. И. Веретенникова в Башкирии // Агидель. – Уфа, 1973. - № 4. – С. 92-95.
30. Врач А. И. Веретенникова в Башкирии // Южноуральский археографический сборник. – Уфа, 1973. – С. 373-389.
31. Жизнь, отданная революции : [о фельдшерице Уфимской железнодорожной больницы, революционерке-большевичке И. С. Кадомцевой] // Медицинская газ. – 1973. – 1 мая. – С. 4. В соавторстве с Т.В. Романкевич.
32. К пребыванию А. И. Веретенниковой в Башкирии : (к 100-летию начала женского врачебного образования в России) // Сов. здравоохранение. – 1973. - № 4. – С. 70-75.
33. Люди подвига и долга : историко-революционные очерки о медиках Башкирии. – Уфа : Башк. кн. изд-во, 1973. – 238 с. : ил.
34. Медики в революционном движении Башкирии // Итоги и перспективы научных исследований по истории медицины : материалы 1-го Всесоюзного съезда историков медицины. – Кишинев, 1973. – С. 406-408.
35. Общественно-политическая и революционная деятельность женщин-медиков в Башкирии // Женщина Башкирии. – 1973. - № 1. – С. 8.

1974

36. М. А. Кулаев – врач, общественный деятель и ученый // Сов. здравоохранение. – 1974. - № 6. – С. 89-90. В соавторстве с А.А. Хасановым.

1976

37. Выдающийся советский офтальмолог В. П. Одинцов : (к 100-летию со дня рождения) // Сов. здравоохранение. – 1976. - № 11. – С. 65-66. В соавторстве с Р.Г. Кудояровым.
38. Знатный земляк : [к 100-летию со дня рождения выдающегося врача-офтальмолога В. П. Одинцова (1876-1938)] // Агидель. – Уфа, 1976. - № 11. – С. 127-128. В соавторстве с Р. Кудояровым.
39. Он создал свою школу : [к 100-летию со дня рождения выдающегося врача-офтальмолога В. П. Одинцова (1876-1938)] // Сов. Башкирия. – 1976. – 27 окт. – С. 4.
40. С точки зрения медика // Правда. – 1976. – 12 дек.

1977

41. С. Я. Елпатьевский в Башкирии // Тезисы к четвертым Бирюковским чтениям. – Челябинск, 1977. – С. 39-42.
42. Медики-революционеры в Башкирии // Сов. здравоохранение. – 1977. - № 5. – С. 74-76.
43. 100 лет на страже здоровья // Сов. Башкирия. – 1977. – 17 мая.

1978

44. Революционная и общественно-политическая деятельность медиков в Башкирии // Актуальные вопросы управления, организации здравоохранения и клинической медицины. – Уфа, 1978. – С. 110-114.
45. Светя другим : (К 100-летию Хабибрахмана Атласова) // Сов. Башкортостан. – 1978. – 28 апр.
46. «Что делать?» в Уфе // Веч. Уфа. – 1978. – 25 июля. В соавторстве с М.Г. Рахимкуловым.

1979

47. В огне революции // Агидель. – Уфа, 1979. - № 7. – С. 88-93.
48. Врач, писатель, революционер // Уральский следопыт. – 1979. - № 11. – С. 10. В соавторстве с В. Чемляковым.
49. С. Я. Елпатьевский в Уфе : к 125-летию со дня рождения // Веч. Уфа. – 1979. – 1 нояб.
50. Из истории борьбы за охрану здоровья рабочих в дореволюционной Башкирии // Профилактические и оздоровительные мероприятия как факторы повышения производительности

труда и сохранения работоспособности трудящихся. – Уфа, 1979. – С. 5-7.

51. Люди подвига и долга : историко-революционные очерки о медиках Башкирии. – 2-е изд., доп. и испр. – Уфа : Башк. кн. изд-во, 1979. – 304 с. : ил.
52. Ученый, врач, организатор : (к 90-летию со дня рождения М. Н. Карнаухова) // Веч. Уфа. – 1979. – 27 дек. – С. 4. В соавторстве с Ю. Черновым.

1980

53. А. И. Веретенникова в Башкирии ; С. Я. Елпатьевский в уфимской ссылке // По тропам былого : краеведческий сб. / сост. М. Г. Рахимкулов и В. А. Скачилов. – Уфа, 1980. – С. 33-61.
54. Врач А. И. Веретенникова // Тезисы 5-х Уральских Бирюковских чтений. – Челябинск, 1980. – С. 64-67.
55. Врач-большевик И. С. Вегер в Башкирии // Солдаты Октября. – Уфа, 1980. – С. 3-11.
56. С. Я. Елпатьевский в уфимской ссылке // Сов. здравоохранение. – 1980. - № 8. – С. 56-59.
57. Историю делают люди : [беседа с В. А. Скачиловым о родственниках В. И. Ленина в Башкирии] // Авиатор. – Уфа, 1980. – 17 марта. – С. 2.
58. Медики в уфимском опорном пункте «Искры» // Итоги и перспективы исследований по истории медицины : материалы 2-го Всесоюзного съезда историков медицины. – Ташкент, 1980. – С. 631-633.
59. Ученый, врач, организатор : [о зав. кафедрой организации здравоохранения и социальной гигиены Башк. гос. мед. ин-та, проф. Н. А. Шерстенникове] // Веч. Уфа. – 1980. – 2 февр. – С. 2. В соавторстве с Н. Ибрагимовым.

1981

60. Веретенникова, А. И. Записки земского врача / А. И. Веретенникова ; предисл., коммент., подготовка документов В. А. Скачилова. – Уфа : Башк. кн. изд-во, 1981. – 112 с.
61. Именем Ленина озарено // Веч. Уфа. – 1981. – 19, 20 июня.

1982

62. Где ты, Гузель? // Веч. Уфа. – 1982. – 28 дек.
63. Милосердность // Агидель. – Уфа, 1982. - № 1. – С. 85-88.

1983

64. Минуты счастья : [беседа А. А. Докучаевой с В. А. Скачиловым о нравственности] // Веч. Уфа. – 1983. – 15 авг.

1984

65. Башкирская стипендиатка: [о В. А. Кашеваровой-Рудневой] // Поиски и находки : краеведческий сб. / сост. М. Г. Рахимкулов и В. А. Скачилов. – Уфа, 1984. – С. 65-76.
66. Елпатьевский, С. Я. Воспоминания за пятьдесят лет / С. Я. Елпатьевский ; подготовка текста, предисл. и примеч. В. А. Скачилова. – Уфа : Башк. кн. изд-во, 1984. – 360 с. – (Золотые родники).

1987

67. Это было недавно, это было давно // Веч. Уфа. – 1987. – 8 дек.

1988

68. Встреча с прошлым : [о связях семей Залежских и Грачевских с семьей Ульяновых] // Сохраним выцветшие строки... : краеведческий сб. / сост. М. Г. Рахимкулов и В. А. Скачилов. – Уфа, 1988. – С. 3-30. В соавторстве с Ф. Ахмеровой.
69. О чем рассказала луна : [беседа П. И. Федорова с В. А. Скачиловым о «Повести непогашенной луны» Б. Пильняка] // Учитель. – Уфа, 1988. – 19 февр.

1994

70. Вечеринка : [воспоминания о встрече 1943 года выпускниками 1-й школы г. Уфы] // Веч. Уфа. – 1994. – 13 дек.
71. Настенька // Воскресная газ. – Уфа, 1994. - № 48. – С. 7.
72. Роды на морозе // Воскресная газ. – Уфа, 1994. - № 1.
73. Скача // Воскресная газ. – 1994. - № 46. – С. 9.
74. «Я был свидетель...» // Воскресная газ. – 1994. - № 47. – С. 6.

1995

75. Были времена, когда в парках Уфы пели соловьи и куковали кукушки // Воскресная газ. – 1995. - № 3.
76. Во власти воспоминаний : [об уфимском враче-окулисте Х. М. Амирхановой] // Веч. Уфа. – 1995. – 13 июля.
77. Живая память // Веч. Уфа. – 1995. – 21 янв.
78. Записки врача : [об уфимских врачах] // Веч. Уфа. – 1995. – 6 окт.

79. Минувшее проходит предо мною // Веч. Уфа. – 1995. – 14 апр.

80. Помощь маршала // Веч. Уфа. – 1995. – 23 нояб.

81. Тайна одной книги // Веч. Уфа. – 1995. – 5 дек.

1996

82. Романкевич Владимир Михайлович // Башкортостан : краткая энциклопедия. – Уфа, 1996. – С. 502.

1997

83. Живая память : [рассказы-воспоминания] // Живая память : краеведческий сб. / сост. М. Г. Рахимкулов, В. А. Скачилов. – Уфа, 1997. – С.107-128. – Содерж.: Из старого альбома ; Званный обед в Риме ; Уважаемое имя ; Однажды в демском госпитале ; Тайна одной книги.

84. Медицинские кадры Башкирии // Здравоохранение Башкортостана. – 1997. - № 1/2. – С. 3-6.

1998

85. Больница № 1 : [отрывок из кн. «О прожитом, пережитом»] / вступ. заметка С. Панасенко // Истоки. – Уфа, 1998. - № 14 (июль). – С. 4.

86. О прожитом, пережитом : (записки врача) / В. А. Скачилов ; общ. ред., вступ. ст., подгот. текста, библиогр. и примеч. Т. В. Романкевич и П. И. Федорова ; Аксаковский фонд (Башк. отд-ние Междунар. фонда славянской письменности и культуры). – Уфа, 1998. – 74 с. : ил. – Библиогр.: с. 69-71.

87. О прожитом, пережитом : [отрывки из кн. воспоминаний] // Молодежная газ. – Уфа, 1998. – 23 июня. – С. 3-5 ; 25 июня. – С. 4-5 ; 27 июня. – С. 2-3 ; 30 июня. – С. 2 ; 2 июля. – С. 4.

2003

88. О прожитом, пережитом : (записки врача) / В. А. Скачилов ; общ. ред., вступ. ст., подгот. текста, библиогр. и примеч. Т. В. Романкевич и П. И. Федорова ; Аксаковский фонд (Башк. отд-ние Междунар. фонда славянской письменности и культуры). – 2-е изд., испр. и доп. – Уфа, 2003. – 192 с. : ил. – Библиогр.: с.181-187.

89. О прожитом, пережитом : записки врача // Бельские просторы. – Уфа, 2003. - № 8. – С. 29-85.

2009

90. Коваль, Ю. Он был красив в работе : [к 85-летию М. П. Фоменкова] // Рампа. – Уфа, 2009. - № 12. - С. 40-41. – Содерж.: [Воспоминания о встрече в Уфе 1943 года] / В. Скачилов.

2015

91. Родина моих предков : [воспоминания о деревне Загорск Иглинского р-на Башкирии] // Планета Загорское : (история деревни Загорск Иглинского р-на Башкирии в воспоминаниях ее уроженцев и их близких) / сост. и авт. вступ. ст. П. И. Федоров. – Уфа, 2015. – С. 8-17. – Содерж.: Корни; Мать; Детство / В. Скачилов.

2020

92. Вечеринка : [воспоминания о встрече нового 1943 года с одноклассниками из 1-й уфимской школы] // Вспоминая войну : воспоминания, дневники и письма уфимцев и эвакуированных в Уфу о Великой Отечественной войне / ред.-сост. и авт. вступ. ст. П. И. Федоров. – Уфа, 2020. – С. 9-13.

Литература о В.А. Скачилове и его работах

1947

93. Пигулевская, Т. Хирург Никитин : [о враче Куйбышевской железнодорожной поликлиники А. С. Никитине и судьбе его пациента Володи Скачилова] // Большевикская путевка : [орган печати Куйбышевской железной дороги]. – 1947. – 24 мая.

1965

94. Нечаева, Л. Остановок не будет : [о судьбе В. А. Скачилова и др. выпускников 1-й уфимской школы] // Сов. Башкирия. – 1965. – 6 нояб.

1981

95. Рахимкулова, Г. Встреча с комсомольцем 30-х годов : [о В. А. Скачилове] // Знамя Октября. – Уфа, 1981. – 5 нояб. – С. 2.
96. Чемляков, В. Автографы рассказывают : [о коллекции автографов, собранных В. А. Скачиловым] // Ленинец. – Уфа, 1981. – 20 авг.

1988

97. Докучаева, А. Герои из плоти и крови : [к выходу в свет 2-го изд. кн. В. А. Скачилова «Люди подвига и долга»] // Веч. Уфа. – 1988. – 5 марта.

1993

98. Краснова, Р. В Загорское, к Скачилову : [к 70-летию со дня рождения В. А. Скачилова] // Веч. Уфа. – 1993. – 13 июля.
99. Самцов, А. Чудесное зеркальце : В. А. Скачилову исполнилось 70 лет // Веч. Уфа. – 1993. – 14 июля. – С. 3.

1995

100. Фадеева, Г. Посвящение : [стихи, посвященные В. А. Скачилову] // Воскресная газ. – 1995. - № 4.

1996

101. Рахимкулов, М. Памяти друга : [некролог на смерть В. А. Скачилова] // Веч. Уфа. – 1996. – 9 февр.

1997

102. Нейштадт, Я. Он хотел успеть всё... : [памяти В. А. Скачилова] // Веч. Уфа. – 1997. – 7 февр.

1998

103. Курочкина, Т. Записки терапевта : [о презентации кн. В. А. Скачилова «О прожитом, пережитом» в доме-музее С. Т. Аксакова в Уфе] // Молодежная газ. – Уфа, 1998. – 2 июля. – С. 2.
104. Нейштадт, Я. Записки врача-краеведа : [о презентации кн. В. А. Скачилова «О прожитом, пережитом» в доме-музее С. Т. Аксакова в Уфе] // Веч. Уфа. – 1998. – 8 июля. – С. 5.
105. Попов, Б. О прожитом и пережитом : [о кн. В. А. Скачилова «О прожитом, пережитом»] // Веч. Уфа. – 1998. – 8 июля. – С. 5.
106. Файзуллина, Э. Из поколения романтиков : к 75-летию уфимского врача и краеведа В. А. Скачилова // Сов. Башкирия. – 1998. – 18 июля. – С. 3.

2000

107. Самцов, А. Виновным себя не признал : [об участии В. А. Скачилова в посмертной реабилитации известного уфимского хирурга К. В. Мраморнова] // Веч. Уфа. – 2000. – 8 июля. – С. 2.

108. Хантимиров, Р. «Дубинушка» : [об известном уфимском враче и краеведе В. А. Скачилове и его кн. «О прожитом, пережитом»] // Заман-Башкортостан. – 2000. – 15 апр. – С. 15.

2001

109. Панасенко, С. И дух несломленный в портрете том : [о портр. известного уфимского врача В. А. Скачилова, выполненном студенткой худграфа БГПУ Г. Латыповой] // Истоки. – Уфа, 2001. - № 15 (авг.). – С. 6.

2003

110. [Краснова, Р.] «Скаченька» : [к 80-летию со дня рождения В. А. Скачилова] // Уфа. – 2003. - № 9. – С. 17.
111. Недописанная книга... : [воспоминания кармаскалинских медиков о В. А. Скачилове] / А. Ф. Панкротова, Р. Х. Гайсина, Г. Н. Ирмякова, Г. Г. Кунакаев // Трудовая слава : [общественно-политическая газ. Кармаскалинского р-на]. - 2003. – 31 июля. – С. 2. – На башк. яз.
112. Недописанная книга... : [воспоминания кармаскалинских медиков о В. А. Скачилове] / А. Ф. Панкротова, Р. Х. Гайсина, Г. Н. Ирмякова, Г. Г. Кунакаев // Трудовая слава : [общественно-политическая газ. Кармаскалинского р-на]. - 2003. – 12 авг. – С. 2. – На тат. яз.
113. Нугаева, Ф. Г. Обзор личного фонда В. А. Скачилова : к 80-летию со дня рождения // Археография Южного Урала : материалы Третьей Межрегиональной науч.-практ. конф. 30 сент. 2003 г. / Управление по делам архивов при Правительстве Респ. Башкортостан, Акад. наук Респ. Башкортостан, Башк. респ. отд-ние Рос. о-ва историков-архивистов, Центр INTERNET Башк. гос. ун-та. – Уфа, 2003. – С. 106-108.
114. Рахимкулов, М. Большое видится на расстоянии : о В. Скачилове – канд. мед. наук, засл. враче РБ и РФ, известном краеведе // Истоки. – Уфа, 2003. - № 27 (июль). – С. 4.
115. С вечной благодарностью : [слово благодарности коллектива РКБ № 2 к 80-летию со дня рождения В. А. Скачилова] // Веч. Уфа. – 2003. – 12 июля. – С. 4.
116. Саляхов, Т. М. Вечер памяти В. А. Скачилова : (к 80-летию со дня рождения) // Медик : [газ. Башк. гос. мед. ун-та]. – 2003. - № 10 (нояб.). – С. 5.

117. Хотя книга оказалась недописанной... : [воспоминания кармаскалинских медиков о В. А. Скачилове] / А. Ф. Панкратова, Р. Х. Гайсина, Г. Н. Ирмякова, Г. Г. Кунакаев // Трудовая слава : [общественно-политическая газ. Кармаскалинского р-на]. - 2003. - 12 авг. - С. 2.

118. Человек подвига и долга : [о вечере памяти В. А. Скачилова в Башк. гос. мед. ун-те] // Будь здоров – не болей! : [респ. мед. газ.]. - 2003. - № 10. - С. 4.

2005

119. Фоменков, М. Через годы, через расстояния : [воспоминания о В. А. Скачилове] // Бельские просторы. – Уфа, 2005. - № 6. – С. 124-132.

2006

120. Фадеева, Г. Формула семейного счастья : [о семье В. А. Скачилова] // Веч. Уфа. – 2006. – 21 янв. – С. 3.

121. Фадеева, Г. Эффект Скачилова : [о музейных и краеведческих увлечениях В. А. Скачилова] // Истоки. – Уфа, 2006. - № 28 (июль). – С. 5.

2008

122. Кузина, Г. Уфимский краевед В. А. Скачилов и музей С. Т. Аксакова // Судеб связующая нить : краеведческий альманах / сост. Г. А. Иксанова ; Рос. фонд культуры Башкортостанский филиал, Уфимское о-во краеведов им. Ф. Ахмеровой. – Уфа, 2008. – Вып. 5. – С. 17-18.

123. Рахимкулов, М. Доктор от Бога : к 85-летию В. А. Скачилова // Бельские просторы. – Уфа, 2008. - № 7. – С. 175-177.

124. Рахимкулов, М. Профессионал : [об ученице В. А. Скачилова – зам. главного врача поликлиники № 1 Р. М. Юсуповой] // Истоки. – Уфа, 2008. - № 3 (янв.). – С. 6.

125. Федоров, П. Возвращение к М. Осоргину : [к 130-летию со дня рождения рус. писателя М. А. Осоргина (1878-1942) и роли В. А. Скачилова в возрождении интереса к его творческому наследию в Уфе] // Словесность. – Уфа, 2008. - № 28 (окт.-нояб.). – С. 3.

126. Федоров, П. Долгое возвращение : 130-летие рус. писателя-эмигранта М. Осоргина достойно отметили не только в Перми, Париже, Риме и Нью-Йорке, но и на родине его родителей – в нашем городе // Веч. Уфа. – 2008. – 20 нояб. – С. 3.

2009

127. Скачилов Владимир Анатольевич (6.7.1923, Уфа – 7.2.1996, там же), терапевт // Башкирская энциклопедия : в 7 т. / гл. ред. М. А. Ильгамов. – Уфа, 2009. – Т. 5. П – Советы. – С. 523-524.

2010

128. Романкевич, Т. В. Татьянано детство : стихи и проза / Т. В. Романкевич. – Уфа : Вагант, 2010. – 56 с.
129. Шангина, Т. Клиника для VIP-персон : [к 60-летию Республиканской клинической больницы № 2, а также о ее главном враче В. А. Скачилове] // Уфа. – 2010. - № 4. – С. 60-61.

2012

130. Иванова, Г. О. Памяти друзей Аксаковского дома : [Э. Д. Терегуловой, Е. Н. Лавровой, В. А. Скачилова, Г. А. Бельской, Т. И. Нефедовой] // С именем Аксакова. – Уфа, 2012. – С. 191-195.

2015

131. Романкевич, Т. В. Возвращение на круги своя : [о летних поездках В. А. Скачилова в деревню Загорск, на родину своих предков] // Планета Загорское : (история деревни Загорск Иглинского р-на Башкирии в воспоминаниях ее уроженцев и их близких) / сост. и авт. вступ. ст. П. И. Федоров. – Уфа, 2015. – С.18-20.

2019

132. Федоров, П. Друг моего здоровья : Так уважительно называли уфимского доктора Скачилова сотни пациентов // Пано-рама Башкортостана. – 2019. - № 3 (Июнь). – С. 54-57.

2021

133. Кузина, Г. «Живая память» об уфимском краеведе В. А. Скачилове (1923-1996) [Электронный ресурс] // Мемориальный дом-музей С. Т. Аксакова, Уфа. – 2021. – 12 нояб. – Режим доступа: https://vk.com/aksakovskii_musei (дата обращения: 13.11.2021).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АХМЕТШИН Борис Гайсеевич (р. 1938) – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской филологии БГУ, лауреат Уральской премии литературоведов и краеведов имени В.П. Бирюкова, заслуженный деятель науки РБ, заслуженный работник высшего профессионального образования РФ.

ГИМАДИСЛАМОВА Сазид Ахмадрахимовна (1931-2022) – заведующая 2-м терапевтическим отделением больницы № 1 Минздрава БАССР. В больнице № 1 работала с 1964 по 1990 гг.

ГОНЧАРОВА Валентина Федоровна (1933-2021) - учитель литературы школ Аши и Уфы, двоюродная сестра В.А. Скачилова.

КАЛИНИНА Сусанна Владимировна (р. 1949) – дочь В.А. Скачилова и Т.В. Романкевич. Окончила Башкирский медицинский институт. Работала врачом-рентгенологом в больнице № 8 г. Уфы. Имеет двух дочерей – Елену и Ольгу.

КАРЕВА Валентина Александровна (1930-2021) – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики Башкирского государственного университета и Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, заместитель директора по науке Первой уфимской политехнической гимназии.

КРЮКОВ Анатолий Александрович (1941-2018) – ветеран службы охраны труда и техники безопасности в системе здравоохранения и медицинской промышленности РБ, краевед, активный участник клуба любителей бега, координатор Свиридовского движения в Башкортостане. По его инициативе в Уфе были увековечены имена героинь Великой Отечественной войны Натальи Ковшовой и Гули Королевой.

ЛЕБЕДИНСКАЯ Ольга Геннадьевна (р. 1977) – внучка В.А. Скачилова и Т.В. Романкевич. Окончила Всероссийский заочный финансово-экономический институт. Работает в банке.

ЛЯМИНА Елена Геннадьевна (р. 1975) – внучка В.А. Скачилова и Т.В. Романкевич. В 1997 году окончила Уфимский государственный нефтяной технический университет. После окончания университета более 20 лет работала в таможенных органах.

РАХИМКУЛОВ Мурат Галимович (1925-2015) – кандидат филологических наук, доцент, отличник Высшей школы СССР, лауреат Уральской премии литературоведов и краеведов имени В.П. Бирю-

кова и литературной премии имени С. Злобина, член Союза писателей, заслуженный деятель науки РБ.

СБИТНЕВ Евгений Александрович (1928-2016) – занимал различные должности в строительных организациях Башкирии, начиная с мастера и заканчивая заместителем министра жилищно-коммунального хозяйства БАССР; двоюродный брат В.А. Скачилова.

СБИТНЕВА Пелагея Ивановна (1902-1996) – младшая сестра Н.И. Скочиловой. Работала воспитательницей и заведующей детскими садами г. Уфы с 1931 по 1954 гг.

СВЕТЛАКОВ Александр Михайлович (1940-2017) – двоюродный брат В.А. Скачилова. Потомственный пчеловод. Работал техникумомехаником в Башавтотрансе, пройдя путь от слесаря по ремонту автомобилей до главного инженера предприятия. Почетный автотранспортник России.

СИДОРОВ Виктор Владимирович (р. 1932) – кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры РБ, лауреат Уральской премии литературоведов и краеведов имени В.П. Бирюкова, старший научный сотрудник Отдела народов Урала с музеем этнографии и археологии УНЦ РАН.

СКАЧИЛОВ Михаил Владимирович (р. 1953) – сын В.А. Скачилова и Т.В. Романкевич. Окончил горно-нефтяной факультет Уфимского нефтяного института. Работал в Уфимском и Бирском управлениях буровых работ, а также инженером в экспедиции глубокого бурения в Западной Сибири. Окончил свою трудовую деятельность в качестве начальника смены Центральной инженерно-технологической службы АНК «Башнефть».

ФАДЕЕВА Галина Константиновна (р. 1956) – краевед, член Союза журналистов РБ и РФ. Работала шофёром, тренером по плаванию и общей физической подготовке, корреспондентом газет «Уфа-центр» и «Вечерняя Уфа».

ФЕДОРИЩЕВ Владимир Григорьевич (1927-2001) – библиофил и краевед, автор публикаций на темы литературы, истории и книгособирательства. Лауреат премии Миасской городской организации по краеведению, действительный член Всероссийской ассоциации библиофилов.

ФЕДОРОВ Петр Ильич (р. 1956) – библиограф, аксаковед, краевед, заведующий информационно-библиографическим отделом библио-

теки Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, двоюродный племянник В.А. Скачилова.

ФОМЕНКОВ Михаил Петрович (1924-2004) – кандидат искусствоведения, заслуженный деятель искусств РБ и РФ, профессор Уфимской государственной академии искусств.

ЦЕЛИЩЕВА Ольга Семеновна (1923-2009) – учитель начальных классов с 1942 по 1977 гг. в школах деревни Дубовка Иглинского района БАССР и города Уфы, двоюродная сестра В.А. Скачилова.

ЧВАНОВ Михаил Андреевич (р. 1944) – писатель, заслуженный работник культуры РБ и РФ, секретарь Союза писателей России, вице-президент Международного фонда славянской письменности и культуры, председатель Аксаковского фонда, директор мемориального дома-музея С.Т. Аксакова, почетный гражданин г. Уфы, Народный писатель Республики Башкортостан, академик Петровской Академии Наук и Искусств. Лауреат Уральской премии литературоведов и краеведов имени В.П. Бирюкова, Всероссийской литературной премии имени С.Т. Аксакова, Патриаршей литературной премии.

СОДЕРЖАНИЕ

Фёдоров П. Хранители уфимских традиций.....	5
Владимир Скачилов	8
Далекое-близкое.....	9
Корни.....	10
Мать.....	15
Отец.....	17
<i>Из письма К.А. Казанник В.А. Скачилову</i>	21
Детство.....	23
Наши соседи.....	25
Болезнь.....	27
Зубчаниновка.....	30
Вечеринка.....	40
Выбор профессии.....	43
<i>Из воспоминаний Т.В. Романкевич</i>	45
Ново-Александровка.....	48
Случай с Сафразяном.....	56
Встречи со спецслужбами.....	59
Где ты, Гузель?.....	64
<i>Из воспоминаний Т.В. Романкевич</i>	66
Возвращение к жизни.....	66
<i>Из воспоминаний Т.В. Романкевич</i>	69
Больница № 1.....	72
<i>Из воспоминаний Т.В. Романкевич</i>	77
Генерал Новак.....	79
<i>Из воспоминаний Т.В. Романкевич</i>	81
Мои пациенты.....	82
ЗИС от Нуриева.....	87
<i>Из воспоминаний Т.В. Романкевич</i>	90
Встречи с интересными людьми.....	90
Подводя итоги.....	95
<i>Из воспоминаний Т.В. Романкевич</i>	96
Татьяна Романкевич	99
Мои родители.....	100
Детские годы.....	105
Солёный хлеб.....	109
Возвращение отца.....	110

Школа.....	115
Ленинград.....	117
Возвращение в Уфу.....	119
Начало войны.....	120
Мединститут.....	121
Операция в Пятом лагере.....	123
Детская больница.....	124
Врачу.....	125
Ревматологический санаторий.....	126
Мой ласковый любимый зверь.....	129
Одиночество.....	133
Воспоминания о В.А. Скачилове и Т.В. Романкевич.....	135
<i>Пелагея Сбитнева «Поминальный день».....</i>	<i>135</i>
<i>Евгений Сбитнев «Мой воспитатель».....</i>	<i>135</i>
<i>Михаил Фоменков «Сквозь призму эпохи и времени».....</i>	<i>138</i>
<i>Ольга Целищева «Жизнь в деревне Загорское».....</i>	<i>145</i>
<i>Валентина Гончарова «Как нам его сейчас не хватает...».....</i>	<i>146</i>
<i>Александр Светлаков «Хорошие люди».....</i>	<i>147</i>
<i>Валентина Карева «Он – с нами».....</i>	<i>149</i>
<i>Сазиды Гимадисламова «Школа человеколюбия».....</i>	<i>151</i>
<i>Михаил Чванов «Добрый человек».....</i>	<i>152</i>
<i>Анатолий Крюков «Культурный человек с обратной связью».....</i>	<i>155</i>
<i>Владимир Федорищев «Краевед жив, пока его помнят».....</i>	<i>158</i>
<i>Виктор Сидоров «Доктор, краевед, книголюб».....</i>	<i>160</i>
<i>Борис Ахметшин «Человек до конца человеческого».....</i>	<i>163</i>
<i>Пётр Фёдоров «Дядя Володя».....</i>	<i>168</i>
<i>Мурат Рахимкулов «Большое видится на расстоянии...».....</i>	<i>170</i>
<i>Мурат Рахимкулов «Памяти друга».....</i>	<i>176</i>
<i>Михаил Скачилов «Родители».....</i>	<i>177</i>
<i>Елена Лямина «О дедушке и бабушке».....</i>	<i>186</i>
<i>Сусанна Калинина «Поддержка и опора».....</i>	<i>188</i>
<i>Ольга Лебединская «Воспоминания о дедушке».....</i>	<i>190</i>
<i>Галина Фадеева «Просто хороший человек».....</i>	<i>191</i>
Приложение.....	195
Библиография трудов В.А. Скачилова и литературы о нем.....	197
Сведения об авторах.....	209

**Книги, вышедшие в серии «Уфимская сирень:
Уфа в художественной и мемуарной литературе»**

1. Попов, Б.Л. Уфимские истории / Борис Леонидович Попов; вступ. ст. Г.Н. Ангаровой; подготовка текста А.Д. Матвеевой; дизайн обложки А.В. Кондрова; ред.-сост. П.И. Фёдоров. – Уфа: Изд-ль А.А. Словохотов, 2016. – 152 с.: ил. – (Уфимская сирень: Уфа в художественной и мемуарной литературе; вып. 1).
2. Храмов, П.А. Инок: роман-воспоминание / Петр Алексеевич Храмов; подготовка текста А.Н. Борецкого и О.Г. Храмовой; предисл. П.И. Фёдорова; коммент. И.О. Прокофьевой, А.Л. Чечухи, Я.С. Свице; дизайн обложки А.В. Кондрова. – Уфа: Изд-ль А.А. Словохотов, 2018. – 344 с.: ил. – (Уфимская сирень: Уфа в художественной и мемуарной литературе; вып. 2).
3. Осоргин, М.А. Времена: очерки, рассказы и повесть об Уфе и её окрестностях / Михаил Андреевич Осоргин; предисл. и сост. библиографии О.С. Тарасенко и П.И. Фёдорова; коммент. О.С. Тарасенко и Я.С. Свице; дизайн обложки А.В. Кондрова. – Уфа: Изд-ль А.А. Словохотов, 2018. – 323 с.: ил. – (Уфимская сирень: Уфа в художественной и мемуарной литературе; вып. 3).
4. «Сутолока»: литературный журналчик 1997-1999 гг. / ред.-сост. А.Г. Касымов ; вступ. ст. Г.Г. Рамазановой ; ред.-сост. републикации П.И. Фёдоров ; дизайн обложки А.В. Кондрова. – Уфа: Изд-ль А.А. Словохотов, 2019. – 434 с.: ил. – (Уфимская сирень: Уфа в художественной и мемуарной литературе; вып. 4).
5. Вспоминая войну: воспоминания, дневники и письма уфимцев и эвакуированных в Уфу о Великой Отечественной войне / ред.-сост. и авт. вступ. ст. П.И. Фёдоров. – Уфа: Изд-ль А.А. Словохотов, 2020. – 280 с.: ил. – (Уфимская сирень: Уфа в художественной и мемуарной литературе; вып. 5).
6. Аксаков, С.Т. Семейная хроника / Сергей Тимофеевич Аксаков; ред.-сост. и авт. вступ. ст. П.И. Фёдоров; коммент.: В.В. Кожин, Г.В. Мосалёва, Я.С. Свице; художники Л.В. Фролова и Н.Ю. Шомовская. – Уфа: Изд-ль А.А. Словохотов, 2021. – 440 с.: ил. – (Уфимская сирень: Уфа в художественной и мемуарной литературе; вып. 6).
7. Нефёдова, Т.И. Родина Аксакова / Тамара Ивановна Нефёдова; ред.-сост.: П.И. Фёдоров и С.В. Мотин; вступ. ст. Р. Красновой. – Уфа: Изд-ль А.А. Словохотов, 2021. – 392 с.: [16 с.] ил. – (Уфимская сирень: Уфа в художественной и мемуарной литературе; вып. 7).
8. Аксаков, С.Т. Детские годы Багрова-внука / Сергей Тимофеевич Аксаков; ред.-сост. и авт. вступ. ст. П.И. Фёдоров; коммент.: В.Е. Угрюмов, А.А. Чуркин, Я.С. Свице, А.П. Маслова; иллюстрации Д.А. Шмаринова и Н.И. Куприянова. – Уфа: Изд-ль А.А. Словохотов, 2021. – 448 с.: ил. – (Уфимская сирень: Уфа в художественной и мемуарной литературе; вып. 8).
9. Четвериков, Б.Д. Благословенная Уфа [Текст] / Борис Дмитриевич Четвериков; подготовка текста и фотографий С.В. Мотина и П.И. Фёдорова; ред.-сост. и авт. вступ. ст. П.И. Фёдоров; коммент.: Я.С. Свице, Т.Е. Поповой, А.П. Масловой. – Уфа: Изд-ль А.А. Словохотов, 2022. – 429 с.: ил. – (Уфимская сирень: Уфа в художественной и мемуарной литературе; вып. 9).
10. Скачилов, В.А. Записки уфимских врачей / Владимир Анатольевич Скачилов, Татьяна Владимировна Романкевич; авт. вступ. ст. и ред.-сост. П.И. Фёдоров. – Уфа: Изд-ль А.А. Словохотов, 2023. – 193 с. – (Уфимская сирень: Уфа в художественной и мемуарной литературе; вып. 10).

*Владимир Анатольевич Скачилов
Татьяна Владимировна Романкевич*

ЗАПИСКИ УФИМСКИХ ВРАЧЕЙ

*Подготовка текста: Т.В. Романкевич и П.И. Фёдоров
Редактор-составитель
и автор вступительной статьи: П.И. Фёдоров
Компьютерная вёрстка: А.А. Словохотов*

Подписано в печать 31.01.23. Формат 60x90/16
Компьютерный набор. Гарнитура Times New Roman
Усл. печ. л. – 9,62 Тираж 20 экз.
Заказ № 07\23

Отпечатано в издательстве А.А. Словохотова
450052, Уфа, ул. Аксакова, д. 72